

ВИТАЛИЙ
БРИЗ

ДЛЁНА
СКАЗКИНА

УЧЕНИК МЁРТВОГО
ДОСИМА

Заклинатели Спектра

Виталий Бриз

Ученик мёртвого Дома

«Автор»

«Автор»

2026

Бриз В.

Ученик мёртвого Дома / В. Бриз — «Автор», «Автор»,
2026 — (Заклинатели Спектра)

Мы проиграли войну, и мой родной Дом Шипа был уничтожен. Выживших мастеров сослали на священную гору, а я сам и другие ученики стали частью Дома победителей. Учитель, прощаясь навсегда, велел смириться, запретил даже думать о мести за погибших друзей. Да, я дал слово учителю... Но это не значит, что забыл и простил. Клянусь Великим Драконом, придёт время, и я воскрешу Дом Шипа! Я стану самым сильным! Я заставлю всех считаться с собой!

© Бриз В., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	28
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Глава восьмая	46
Глава девятая	53
Глава десятая	60
Глава одиннадцатая	67
Глава двенадцатая	73
Глава тринадцатая	80
Глава четырнадцатая	87
Глава пятнадцатая	94
Глава шестнадцатая	99
Гл	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ученик мёртвого Дома

Глава первая

— Что нас не убивает, делает сильнее, — с усмешкой заявил Линг за час до своей смерти. Хуошан, которому и предназначались его слова, сердито запыхтел, заворочался, выбираясь из-под обломков рухнувшего под ним мостика. Поскользнулся на мокрой гальке и плюхнулся на зад. Возмутился:

— Чего ржете как идиоты?! Лучше помогли бы!

Вид друг и впрямь имел забавный, словно жабий божок Хотей, застигнутый в своем гнезде настырными искателями сокровищ. Особенно трогательно выглядела повисшая на голове кувшинка.

Хуошан яростно дернулся, пытаясь высвободить придавленную бревнами полу ханьфу. Я вздохнул, смиряясь с тем, что придется вымокнуть, осторожно спустился по берегу. Зашел в воду, вцепился в ближайшее бревно, склизкое и рассыпающееся прямо под пальцами в труху, сталкивая его вниз по течению.

Шутки шутками, но повезло, что высота была небольшая и друг удачно упал. Так что пострадала исключительно его гордость.

После десяти минут возни мне удалось вытащить Хуошана. Линг все это время крутился на берегу, давая под руку советы.

— Цени, дружище, на какие усилия пошли мы с братом Саньфэном, чтобы спасти тебя из этой неприятной ситуации! — заявил он, когда мы наконец выбрались из воды.

— Ты только и делал, что языком чесал, — возразил я.

— А как же мое чуткое руководство?

Демоны с ним! Худой и верткий, Линг никогда не отличался особой силой. Только бы мешался, а то еще и обрушил бы на нас остатки моста.

От реки тропа убегала в лес. Солнце пробивалось сквозь полог листвы, блестело на земле медными монетами. Пахло прелой прошлогодней листвой, молодой хвоей, мхом.

— Точно вам говорю, это лозы шалят! — бухтел Хуошан, ковыляя следом за нами с Лингом. — Кто еще мог оставить такую подлую западню?!

Полагаю, никто. Мосты, как и любые вещи, имеют свойство приходить в негодность, если за ними никто не следит. Но Хуошану легче обвинить в своих неудачах других, чем расписаться в собственной лени. А ведь из-за нее он решил пройти по ветхой даже на вид переправе, а не пробежать лишние три сотни шагов вверх по течению, где русло реки пересекала цепь валунов, или же, на худой конец, использовать заклинание-печать. За это, да еще за непроходимое упрямство его часто дразнили Быкоголовым.

Хотя в одном друг точно прав: наш Дом Шипа и соседний Дом Лозы никогда не ладили.

Энергетическое поле неравномерно. Извечный Свет, великая сила созидания, растекается по миру Спектра речными потоками, и Дома заклинателей всегда стоят на одном из них — это естественно, ведь никто не будет ловить радужную форель в безжизненных песках пустыни.

Точно две сливы, растущие рядом, Дома Лозы и Шипа делили все: один поток Извечного Света, подконтрольные земли и деревни на них, редкие травы и минералы... потенциальных учеников.

Стычки у границы случались постоянно. В основном между учениками и младшими мастерами — подозреваю, с молчаливого согласия старейшин, смотревших на происходящее как на часть обучения. По тем же неписаным правилам заканчивалось все без жертв — ссадинами, синяками, изредка переломами и, конечно, уязвленной гордостью, ведь победители не

упускали шанса поглумиться над проигравшими, например, отправив их в родной Дом голышом.

— Конечно, это происки Лозы! — неожиданно поддержал Хуошана Линг. — И ты оказал неоценимую услугу Дому, разрушив их коварные планы.

— Чё? Правда? — недоверчиво прищурился Быкоголовый.

— Ты же помнишь, что Лоза обещала отомстить мастеру Энлэю? За то, что он увел у них из-под носа двух талантливых учеников.

Увел, надо признать, не совсем честно, из вассальной деревни Дома Лозы, оставив в дураках трех их мастеров. Те пообещали, что Энлэю это с рук не сойдет.

— Всем известно, что мастер Энлэй часто заглядывает сюда, в Долину Семи Чаш. Вот лозы и испортили опоры у моста, чтобы тот рухнул. Только представь, какой бы урон был нанесен репутации Дома и самого мастера Энлэя, если бы в лужу сел он, а не ты!

Хуошан наконец осознал, что Линг над ним просто издевается и с ревом бросился за насмешником. При взгляде на друзей мне почему-то вспомнился толстый неуклюжий кот, который как-то пытался поймать юркого мышонка. Зрелище было до того комичным, что я невольно расхохотался.

Так, смеясь, я и вышел из леса в долину.

— Смотрю, веселитесь? — с напускной строгостью поинтересовался учитель Лучань.

— Похоже, наши ученики забыли, что сначала следует посадить рис и взрастить его, а затем уже танцевать на празднике урожая [аналог «делу — время, потехе — час»], — заметила старейшина Юи.

Младшие ученики, разбившись на пары, отрабатывали защитные печати. Наши наставники — учитель Лучань и старейшина Юи — наблюдали за ними с вершины холма. Учитель, по обыкновению, был в белом ханьфу с широким темно-зеленым поясом и растительным орнаментом. Старейшина же сегодня предпочла изумрудное ифу. И я в очередной раз подумал, что они хорошо смотрятся вместе.

Говорят, учитель Лучань в свое время даже пытался ухаживать за матерью Линга, но не сложилось. Впрочем, что ни делается, все к лучшему: ведь иначе мы с учителем вряд ли встретились бы.

— И где вас демоны носили? — старейшина многозначительно покосилась на мокрого Хуошана. — Или, лучше сказать, топили?

— Сегодня такой чудесный день, матушка, что немудрено забыть обо всех делах, — не растерялся Линг. — Солнце так ярко и жарко светит!..

Старейшина Юи нахмурилась, и болтун поспешил добавить:

— Но даже ему не сравниться с сиянием ваших глаз, которые, подобно путеводным звездам, указывают нам дорогу к вершинам мастерства! Вы так великолепны, что я просто не могу отвести взгляд...

— Лстец! Даже не думай, что твой болтливый язык тебе поможет! Живо на гору! — приказала старейшина Юи. — Яньлинь и Минджу давно уже медитируют. Через два часа у вас тренировочный поединок, и я не собираюсь слушать никаких оправданий, что вы не успели восстановить запас фохата [энергия, которую заклинатели используют для создания печатей — одна из форм существования Извечного света].

— Уже бежим! Саньфэн, Хуошан, скорее! Чего вы ждете?!

Линг толкнул нас к уходящей вверх по склону тропе. Будто это не он только что нагло тянул здесь время!

Долина Семи Чаш получила свое название благодаря реке, которая, спускаясь с гор, наполняла семь небольших, расположенных один под другим бассейнов. Вода в них была настолько прозрачная, что я легко мог различить каждую трещинку, каждый камешек на дне чаши.

Девушки, вопреки заявлениям наставников, к медитации приступать не спешили.

— Холодная! — Минджу, капризно поджав губы, зябко закуталась в купальный халат. Худощавая и высокая, она вечно мерзла. — Почему мы опять тренируемся в ледяной воде?!

— Да ладно тебе. Не такая она и холодная, — возразила Яньлинь.

Она была готова плескаться даже зимой! Возможно, один из ее предков согрешил с цзяо-рен [русалкой], иначе как объяснить, почему округлое лупоглазое лицо многие, тот же Хуошан, например, считали весьма привлекательным. Хотя, может, все дело в том, что, в отличие от подруги, Яньлинь не вела себя будто избалованная небожительница.

— А я недавно узнал секретный способ медитации — теплый и очень эффективный!

Линг, красуясь, провел пятерней по волосам, взлохмачивая их — небось думал, что это выглядит круто. По мне, так сейчас он напоминал ощипанного петуха, который изо всех сил топорщит гребень. Еще и лыбился как дурак — явно затеял какую-то шалость.

— Ну? — Минджу приподняла выщипанную бровь.

— Говорю же, способ секретный. Но тебе могу рассказать, на ушко. Если пообещаешь мне помочь...

Минджу заинтересованно склонила голову, и Линг что-то тихо прошептал ей. Девушка на мгновение окаменела. Вспыхнула. А затем с силой толкнула нашего горе-петуха в грудь, сбрасывая в чашу. Подхватила под локоть озадаченную Яньлинь и утащила прочь.

— Злюка! — отфыркиваясь, крикнул им вслед Линг.

Он потер покрывшиеся мурашками плечи, пытаясь согреться.

— Саньфэн, пошли, подглядим за девчонками! Спорим, у Яньлинь грудь больше?

Похоже, принудительное купание ничему его не научило.

— Старейшина Юи тебе голову оторвет, — предупредил я.

— И не только голову, — поддакнул Хуошан.

— Вы не представляете, сколько мороки, если твои родители — старейшины Дома, а дед — его глава, — пожаловался Линг. — Держи лицо, веди себя подобающе! Ты должен соответствовать! Еще и спрашивают больше всех. Везет вам с Хуошаном!

Везет ли? Я бы не отказался, если бы учитель Лучань был моим настоящим отцом, ведь других родителей я никогда и не знал.

И если я не хочу провалиться на тренировочных поединках и разочаровать наставника, следует заняться медитацией.

Бегущая с гор вода и впрямь холодная.

Вдох. Почувствовать, как струи гладят лицо. Расслабиться. Выдох.

Вдох. Я открылся потоку. Стал его частью. Представил, как непрерывно движется вода по каменным чашам, наполняя их, перетекая из одной в другую. Как движется фохат по телу. Два потока — внутри и снаружи, разделенные тонким барьером тела.

Они никогда не останавливались... Никогда? Почему же мне казалось, что внешний замедлил бег? Замер.

И вокруг уже была не вода. Лед.

Лед сковывал, пробивался иглами под кожу. Душил, обжигая легкие. Проникал в сердце.

— Саньфэн!

Я рвался на свободу, но лед не пускал. Внутри, отзываясь на холод, разгорался огонь ярости.

«Уничтожу!»

— Саньфэн!.. Да очнись ты! Ай! Ты чего творишь?!

«Все, что мешает! Всех врагов! Уничтожу!»

Это не мои мысли. А чьи?.. Почему-то мне казалось, что у ярости женское лицо.

«Уничтожу!»

— Саньфэн! Открой глаза, — приказал другой голос, и я настолько привык слушаться его, что не мог не подчиниться и в этот раз.

— Извечный Свет! Ну наконец-то, — с облегчением выдохнул наставник Лучань.

Я с недоумением посмотрел на склонившегося учителя. За его спиной прижимал ладонь к расцарапанной щеке Линг — его взгляд, когда он косился на меня, был далек от дружелюбного. Это я его так? Похоже, судя по тому, что Хуошан, Яньлинь и Миндзу тоже смотрели на меня с опаской. А чуть дальше толпились и с любопытством перешептывались младшие ученики.

— Что случилось?

— Ты уснул и никак не хотел просыпаться.

Учитель помог мне встать, подобрал и отряхнул накидку, на которой я, оказывается, лежал.

— Как ты себя чувствуешь?

— Странно...

Холодно. Будто осколок льда остался внутри. И что-то не так. Что-то изменилось. Поле фохата вокруг... Оно стало непривычно тяжелым, плотным, точно бинфэнь [желе], и сосуд, вычерпанный до дна во время тренировки, снова полон.

— Источник возмущения где-то у Пещер Эха. Это земли Лозы, — хмурясь, заметила старейшина Юи. — Проверим или...

— С нами дети, — возразил учитель Лучань, кивая на младших учеников. — Думаю, лучше вернуться в Дом.

Старейшина кивнула, соглашаясь... А мгновение спустя помянула демонов и бросилась к лесу на противоположном конце долины. Ее бег походил на бег лани, уходящей от охотников — такой же красивый и тревожный.

Между деревьев появился человек. Мастер Энлэй?

С ним было что-то не так, но расстояние оказалось слишком велико, чтобы я смог разглядеть детали. Мастер вцепился в ствол клена, смотря куда-то вглубь леса. Затем сделал несколько пьяных заплетающихся шагов. Упал. И больше не шевелился.

— Саньфэн, Линг, уведите младших учеников, — в голосе учителя Лучаня прозвучало незнакомое мне доселе напряжение, рождая внутри безотчетную тревогу. — Немедленно! Уходите! Все!

Наставник устремился следом за старейшиной Юи. Он летел над землей, едва касаясь травы, и напоминал большого белого журавля.

На опушке появились трое. Заклинатели Лозы? Что они тут делают?! Долина Семи Чаш — наша территория!

Один из чужаков склонился над неподвижным мастером Энлэем. Двое других ждали, и лозы хищными змеями оплетали их руки, подрагивали, готовые ринуться в бой. Они явно не беседовать пришли. И старейшина Юи решила не тратить на них слова.

Долина погрузилась в хаос.

Мы побежали.

За спиной, подгоняя, дрожала и трескалась земля. Дробился камень. Свистели лозы, сплетаясь в травяных драконов. Резали воздух копья шипов.

Широкая тропа, петляя по склону, взбиралась к перевалу, за которым в трех десятках ли [пятнадцати километрах] находилась деревня, где мы останавливались на ночлег. Там сейчас должны быть мастер Ляо и старейшина Цинь.

Вокруг рассерженно гудели пчелы, вьюнок цеплялся за ноги — природа чувствовала нарушение баланса и отзывалась на него. Я напоминал себе пастушьего пса, который гонит отару овец. Младшие ученики растянулись в цепь и приходилось следить, чтобы никто не

отстал и не потерялся. И в первую очередь, чтобы не отстал Хуошан — с Быкоголового станет наплевать на благоразумие и вернуться, в безрассудной попытке наковылять лозам.

Минджу оглянулась на меня, молча спрашивая одобрения, я кивнул, и она убежала вперед. В скорости, а главное, выносливости с ней не сравниться ни мне, ни Лингу. Минджу доберется до деревни и приведет подмогу.

Нужно только продержаться.

Двое против троих? Ха! Эти лозы не догадываются, с кем связались! Учитель, несмотря на молодость (что такое сорок лет для заклинателя?!), по праву входит в пятерку сильнейших в нашем Доме. А старейшина Юи страшна в гневе: даже глава опасается связываться с единственной дочерью, когда та не в настроении.

Учитель и старейшина Юи непременно справятся — тщетно успокаивал себя я. Хоть мне и стыдно за недоверие к наставнику, но полностью избавиться от грызущего душу червячка сомнений не вышло. Двое против троих — это, как ни считай, двое против троих.

А если лоз не трое, а больше?..

Я невольно замедлил шаг, обернулся, прислушался к лживому эху, что металось испуганной птицей между горных склонов, донося слабые отголоски происходящего в долине.

Бой еще продолжался.

Бой мастеров! И ученикам, даже старшим, делать там было нечего. Но я же мог хоть чем-то...

Сюли, одна из младших учениц, споткнулась и упала, всхлипнула — от боли в разбитых коленках и страха, что ее бросят. Син, ее брат, тоже был на пределе. Да и не только они: если кто-то откажется бежать, следом захнычут и остальные.

— Держитесь за меня, — малышня повисла на руках. Ругань сделала бы только хуже, и я уговаривал, выбирая самый мягкий тон, на который способен. — Нужно потерпеть еще немного. Справитесь? Хорошо? А потом отдохнем.

Сто шагов — и подъем закончился. Вниз по склону спускаться легче, главное, не переломать ноги, угодив в лисью нору или споткнувшись о выступающий корень.

У реки мы остановились.

Десятилетки, хватая губами воздух, бессильно повалились в траву. Кто поживее, жадно пили — пришлось их одернуть, иначе не встанут.

Хуошан шумно сопел. Яньлинь кривилась, держась за бок. Последовать примеру младших учеников ей не позволяла гордость.

— Дыши! — я подставил плечо, и подруга благодарно вцепилась в него.

Отсюда до Чаш шесть ли: на какое-то время мы в безопасности.

Будут ли нас преследовать? Я был уверен, что учитель не пропустит врага, но полностью исключать такую возможность не мог, а значит, лучше разделить на три группы. Что вражеских мастеров тоже как минимум трое, я старался не думать.

Яньлинь с Хуошаном пойдут вдоль реки — это самый долгий путь, но и самый безопасный. Линг — по северному краю леса. Я же возьму самых выносливых и попробую прорваться напрямик через пустошь.

— Встаем! Не время разлеживаться!

— А где Линг? — неожиданно спросила Яньлинь.

Я осмотрелся, понял, что его рядом нет. Неужели вернулся? Дурак! Внутренний голос ехидно уточнил, а действительно ли Линг — дурак, или наоборот — это я слабак и трус? Сбежал, когда должен был поддержать?! Фохат переполнял тело, заставляя рваться в бой. Сдерживаясь, я сжал кулаки так, что на ладонях остались лунки от ногтей.

У меня приказ учителя — защитить младших учеников. И он важнее того, что хотел я сам.

— Встаем! Нужно идти дальше!

Мастера догнали нас на полпути к деревне. Учитель, пошатываясь и припадая на раненую ногу, нес изломанное тело Линга, за ним молча, опустив голову, брела старейшина Юи. Распушенные черные волосы скрывали лицо. От покрытого темными пятнами ифу пахло кровью. Спрашивать, что именно произошло в долине, не рискнул никто.

Прибытие посланников Лозы собрало на площади перед Дворцом старейшин не только всех заклинателей нашего Дома, но и половину деревенских жителей. Ропот, плывущий над толпой, напоминал ворчание сторожевого пса. Дом предупреждал, что чужакам здесь не рады, рычал, веля убраться. И отступал перед белым стягом мирных намерений.

Пока отступал.

Мне было не по себе от чистой незамутненной ненависти, которой дышал этот послеобеденный час. Казалось, даже солнечный свет стал тусклее и. Хоть день и выдался теплым, стоявшая рядом Минджу зябко обхватила руками плечи. Учитель Лучань хмурился, сжав губы в тонкую напряженную линию, и я никогда не видел его таким мрачным.

Вражеские мастера хранили спокойствие. А вот сопровождавший их адепт, парень всего на несколько лет старше меня, не мог справиться с нервной дрожью и то и дело перехватывал древко доверенного ему мирного стяга, словно надеясь отгородиться им от враждебно настроенной толпы.

Появился глава Шаньюань. Высокий и прямой, он возвышался, словно могучий дуб, который не согнуть никаким ветрам. Серебристая борода спускалась на грудь потоками горной реки. Глаза чернели двумя омутами на изрытом морщинами спокойном лице.

Есть деревья столь величественные, что их тень накрывает половину леса. Так и сила главы Шаньюаня накрыла площадь, мгновенно погрузив ее в гробовое молчание. Она немислимой тяжестью обрушилась на плечи, заставляя склонить голову. Я едва устоял на ногах. Какое же давление должны ощущать посланники Лозы, на которых и было обращено недовольство главы?

Когда звенящая над площадью тишина стала невыносимой, глава Шаньюань наконец спросил:

— Что вам нужно?

Голос его звучал совершенно бесцветно, и в то же время грозно, словно шепот ветра в кронах вековых сосен, несущий весть о надвигающейся буре.

— Приветствую вас, уважаемый глава Шаньюань, — поклонившись, пусть и не так низко, как положено, начал старший из посланников. — Хоть вор детей и заслуживает того, чтобы его кости грызли лесные звери, а душа неприкаянной скиталась по свету, не надеясь на пере рождение, глава Фухуа решил проявить великодушие и вернуть Дому Шипа тело его сына.

Люди заволновались. Мастера Энлэя в Доме любили и не считали глупый спор из-за учеников иначе, чем дурной шуткой. И подобные слова звучали настоящим оскорблением памяти погибшего. Если бы посланников не защищал стяг мира, уверен, среди шипов нашлось бы немало желающих бросить им вызов.

— Это всё? — равнодушно поинтересовался глава Шаньюань.

Но за этим равнодушием крылась ярость лесного бога, в чью рощу имел глупость вторгнуться наглый древоруб. Всякий разумный человек уже поспешил бы извиниться за причиненное беспокойство и удалиться.

— Нет, — не вняв голосу разума посланник Лозы. — Мы хотим получить головы убийц, что жестоко расправились с нашими братьями и сестрой у Пещер Эха и в Долине Семи Чаш.

Чего?! Эти лживые твари первые напали на нас! Эти твари прикончили Линга! А теперь смеют называть убийцей учителя Лучаня?! Требуют казнить его?! Ядовитые змеи и те благородней, нежели проклятые лозы!

Пальцы учителя впились в плечо, удерживая от желания наброситься на мерзавцев. Вся площадь в немом возмущении затаила дыхание в ожидании ответа главы Шаньюаня.

Но ответил не глава.

— Голову?

Из дверей Дворца, шатаясь, вышла старейшина Юи. Она была все в том же окровавленном ифу, в котором вернулась из Долины Семи Чаш. Растрепанные волосы падали на посеребрившее лицо, наполовину скрывая его. Глаза блестели, как в лихорадке.

— Значит, вам нужна моя голова? — хрипло уточнила старейшина. — Так попробуйте забрать! Как вы забрали моего сына!

Прежде чем кто-то успел опомниться, старейшина Юи одним прыжком преодолела разделявшее их расстояние и призвала печать. Оказавшийся перед ней посланник Лозы внезапно стал ниже ростом, а по камням покатилося что-то круглое и светлое. Когда я понял, что это голова, к горлу подступила желчь. Второй посланник попытался выставить щит, но опоздал — и старейшина Юи отбросила прочь его мертвое тело.

Адепт выронил стяг, отшатнулся, споткнулся и нелепо плюхнулся на зад. Следующая печать, несомненно, должна была прикончить его. Но старейшина внезапно остановилась, так и не нанеся удар.

Бессильно уронила руки, запрокинула голову к небу и расхохоталась. В обрушившейся на площадь гробовой тишине ее смех был пугающе похож на всхлипы, на нерожденный плач, что не может вырваться из груди.

Все молчали, боясь прервать этот жуткий смех.

Когда учитель Лучань осторожно подошел к старейшине Юи и накинул свой плащ, она внезапно пошатнулась и обмякла. Учитель подхватил ее на руки, оглянулся на главу, ожидая приказа. Но тот молчал и не смотрел на дочь. Тогда учитель поклонился и удалился, унося обезумевшую женщину прочь с площади.

На обгаренных кровью камнях остались два тела и перепуганный до беспамятства адепт Лозы.

— Бери своих мертвых братьев и уходи, — тихо и как-то устало велел ему глава Шаньюань.

Развернулся и тяжелой старческой походкой направился к воротам Дворца. Казалось, на него разом навалились все двести прожитых им лет.

— Что теперь будет? — непривычно робко для заносчивой гордячки спросила Минджу.

Я не знал. Но, глядя, как белый стяг мира пропитывается красным, был уверен, что ничего хорошего.

Глава вторая

Лоза напала на рассвете. Атаковала стремительно и по всему периметру. Благо старейшины держались начеку и успели активировать цепь каменных столбов-стражей, накрывших деревню Шипа и ее окрестности непроницаемым куполом.

Защитный барьер сотряс очередной удар. Я пошатнулся, сильнее сжал вмурованное в столб металлическое кольцо. Охнул стоявший рядом Хуошан, но тоже сумел сохранить контакт с артефактом.

— Держись! — перекрикивая царившую вокруг какофонию, подбодрил я друга.

Хуошан в ответ прохрипел что-то невнятное. Судя по ровному свечению купола, концентрацию друг не ослабил.

Я поморщился — с каждой минутой вражеское давление усиливалось. Артефакт хоть и щедро делился фохатом, но работа по поддержанию защиты целиком ложилась на наши плечи. Каждый удар отдавался в теле болезненным эхом, подтачивая силы и волю. Пот заливал лицо, выедал глаза. Рука, сжимавшая кольцо, начала мелко подрагивать. Великий Дракон, откуда у Лозы такая мощь?!

Справа, на соседнем участке, барьер держали Минджу и Куан. Я не видел друзей, но благодаря тому, что мы были звеньями одной цепи, чувствовал колебания аур. Ровные и плотные вибрации Куана чередовались с зыбким и хаотичным мерцанием Минджу — девушка была на пределе. Куан еще какое-то время сможет удерживать защиту, но рано или поздно лозы нашупают слабинку и нанесут удар.

Я сжал зубы, чувствуя, как каменеют скулы. Проклятье! И послать им в подмогу некого. На поддержание купола отправили всех старших учеников. Мастера — на передовой. А от мелкоты никакого толку — пусть лучше сидит в подвалах Дворца Старейшин и не путается под ногами.

Неожиданно давление на купол ослабло. Я утер рукавом лоб. Справа шумно выдохнул Хуошан.

— Обломались, уроды, — зло бросил друг. — Не на тех напали!

— Рано расслабляться! — остудил я пыл напарника. — Эти твари наверняка что-то замыслили.

— У тебя осталась вода? В горле будто пустыня.

Я снял с пояса закупоренную горлянку и протянул Хуошану.

— Всё только не выхлебай, — предупредил друга. — Неизвестно, насколько мы тут застряли.

— Уверен, еще до заката эти слабаки уползут обратно в свою нору, зализывать раны, — улыбнулся Хуошан и выдернул из сосуда пробку.

На грани слышимого я уловил какой-то звук, похожий на комариный писк. Звук приближался, усиливаясь, наполнял тело странным зудом.

— Что за?..

Слова Хуошана потонули в пронзительном грохоте, будто рядом с нами разбилось исполинское зеркало. Невидимые осколки больно резанули по ушам, я выпустил кольцо, рухнул на землю, зажав ладонями уши. В нескольких шагах от меня вопил Хуошан.

— Печать, — сквозь боль просипел я. — Используй печать тишины!

Он не слышал меня, продолжая истошно выть.

Подняться не получалось, ноги не слушались — последствия пропущенного звукового удара. Печать тишины защищала от разрушительного воздействия, но справиться со слабостью

не могла. Медленно, преодолевая сковывающее тело оцепенение, я пополз в сторону Хуошана. Хватался за траву, вонзал пальцы в землю, подтягиваясь, и постепенно продвигался к цели.

Хуошан бился в припадке, сучил ногами, хрипло кричал. Уцепившись за рукав ханьфу, я подтащил себя к другу и приложил ладони к его ушам, шепча слова защитной печати. Хуошан перестал метаться, как безумный, мышцы расслабились, крик сменился шумным частым дыханием.

Поняв, что ему стало легче, я откатился вбок и распластался на спине, приходя в себя. Глубокий вдох — задержка — выдох. Повторить. Когда мир перестал отплясывать, а цветные пятна перед глазами рассеялись, я попробовал встать. Мышцы, казалось, набили соломой, но ноги уже не подкашивались.

— Ты как? — Я повернулся к другу.

Кряхтя и ругаясь, Хуошан поднимался с земли. Я подал руку, помогая удержать равновесие.

— Жить буду, — выдавил он и, бросив мрачный взгляд в сторону отсутствующего барьера, поинтересовался: — Чем они нас достали?

— «Песнь Лозы», судя по эффекту.

Эта печать вражеского Дома была одной из высших и сложнейших в исполнении. И одной из самых смертоносных. Если бы защитный купол не взял на себя основной удар, мы бы валялись сейчас с развороченными мозгами, пляясь в небо пустыми глазницами. Сегодня наш с Хуошаном второй день рождения.

— Как они преодолели барьер? — не унимался друг. — Мы же...

— Минджу! — выпалил я, ощущая, как слабеет аура подруги. — Идти можешь? — и не дожидаясь ответа, потащил его за собой.

— Но барьер... — попытался возразить Хуошан.

— Разрушен. Нужно помочь нашим.

Я перешел на бег. Сзади натужно сопел Хуошан.

Уже на подходе к участку Минджу и Куана сомнений не осталось, что Лоза пробила защиту именно здесь. Вспаханная земля, изломанные, вывороченные с корнями деревья, груды досок на месте хозяйственных построек. Бурлящий вокруг фохат свидетельствовал о колоссальной мощи, вложенной Лозой в прорыв. В энергетическом поле царил настоящий хаос: потоки сталкивались, сливались и распадались, закручивались немислимыми вихрями.

Каменный столб-страж уцелел, лишь слегка накренился. Но где же Минджу и Куан? Погибли во время атаки или успели отступить и укрыться? Мысли одна мрачнее другой, словно жуки-короеды, подтачивали уверенность в благополучном исходе. Я попытался прошупать пространство — может, удастся уловить ауры друзей. Тщетно. Все усилия отыскать их тонули в безумной пляске энергетических потоков. Похоже, сейчас не лучшее время полагаться на тонкое восприятие.

Мы с Хуошаном брели среди завалов, выкликая друзей. В ответ свистел ветер, гоня листья, мелкие ветки и пыль, да осуждающе смотрело подернутое серой пеленой небо. Я поежился от безотчетного гнетущего чувства, засевшего в груди.

— Сзади! — гаркнул Хуошан, выдернув меня из задумчивости.

Я рефлекторно ушел перекатом вбок. Вовремя. Там, где я только что стоял, извивался комок лоз. Кляня себя за потерю бдительности, я обвел взглядом поваленные неподалеку деревья и кустарники, пытаюсь понять, откуда прилетело заклинание.

Из зарослей выступили трое. Чернявые, в салатových ханьфу, с колючими самоуверенными взглядами. Заклинатель в центре, тощий и скользкий, растянул губы в кривой злорадной ухмылке.

— Кто здесь у нас? — вкрадчиво прошипел он. — Двое оборванцев из Шипа, копошащихся в грудах мусора. Что вы там искали, убогие?

Начали с разговоров — это хорошо. Значит, тянут время, прощупывая нас с Хуошаном, и, возможно, ждут подмоги. Значит, не так уверены в собственных силах, несмотря на численное преимущество. Используем заминку себе на пользу.

— Ты что-то вякнул, лягушонок? — Хуошан никогда не лез за словом в карман. — Повтори-ка, я тугой на одно ухо.

Предводитель троицы аж побагровел от возмущения. Молодец Хуошан, сам того не ведая, сыграл нам на руку. Пока противники придумывали словесный ответ, я готовил печать «Смертоносного дождя», собираясь накрыть ливнем стрел всех троих разом.

— Эй, ты, смотри не лопни от натуги, — не унимался Хуошан, и вот это было уже лишним.

Тощий зашипел по-гадючьи и метнул в моего друга клубок копошащихся лоз. Двое его соратников начали медленно обходить нас, беря в кольцо. План упреждающего удара с треском провалился. «Дождь» стал бесполезен.

Я отскочил назад, чтобы держать в поле зрения всю троицу, мельком бросил взгляд на Хуошана: тот с легкостью отбил выпад противника и теперь стоял с торжествующей улыбкой на губах. «Осел, ты не на состязаниях!», — хотелось крикнуть ему, но вместо этого ограничился кратким:

— Твой справа!

Заслон из терновника отрезал Хуошана и его противника от остальных. Уверен, Быкоголовый без труда разберется, мне же следовало заняться двумя оставшимися врагами.

Тощий крысук, судя по всему, был слабым заклинателем и хорохорился только потому, что его прикрывали товарищи. Второй пока себя не проявил, но его кошачьи движения и острый взгляд, подсказывали, что он гораздо опаснее напарника. Значит, первым нужно убрать крысюка, чтобы не мешался под ногами.

Отгоняя подальше, я бросил в противника слева россыпью колючек, а сам призвал «Клетку». Шипы вцепились в крысюка — тот даже пикнуть не успел. Воздух разрезал истошный крик.

Я завершил печать — теперь гаденыш никуда не денется — и развернулся к его напарнику. Вовремя. В мою сторону уже летело множество упругих лоз — каждая толщиной с пустынного удава. Таких терновая завеса не удержит. Я прыгнул за стоявший рядом валун. Лозы-щупальца врезались в землю, поднимая облако пыли.

— Го, уничтожь ублюдка! — надрывался тощий, перемежая ругань завываниями.

Не найдя цели, лозы снова взвились, повинувшись приказу заклинателя. Замешкались на мгновение, отвлеченные воплями крысюка. Мне хватило и этого, чтобы запустить «Вихрь шипов», окруживший меня смерчем из острейших лезвий. Лозы устремились ко мне, словно псы, взявшие след. Я вышел из-за камня и решительно шагнул им навстречу.

Десять шагов.

Пять.

Щупальца словно попали под кухонные ножи поваров-шифу: множество мелких острейших шипов, вращаясь, резало их на части, отшвыривая ошметки в стороны. Не давая противнику времени опомниться, я направил «Вихрь» на него. Враг, хоть мне и удалось отбить его атаку, растерянным не выглядел и, скорей всего, успел бы закрыться: учитель вечно ворчал, что я бью издалека, когда стоило бы подойти ближе. Хотя, как по мне, пять шагов — и так слишком близко.

Громыхнуло. Земля заходила ходуном, словно там, внизу, проснулась черепаха Ао [согласно легендам, Ао зовут черепаху, которая держит мир] и теперь ворочалась, разминая затекшие лапы. Я пошатнулся, но устоял. А вот противнику не повезло. Его качнуло как раз в тот миг, когда он ставил защиту от «Вихря». Пытаясь удержать равновесие, он выбросил в сторону руку, и безжалостный смерч тут же отсек ее до плеча. Враг рухнул на землю и затих. Потерял сознание от болевого шока?

Забился в истерике плененный крысук. Отрезанная рука валялась в нескольких шагах от своего хозяина, кровь растекалась по земле, пальцы мелко подрагивали. Я стоял и пялился на обрубок, не в силах отвести взгляд.

— Саньфэн!.. Сожри тебя Великий Дракон! — голос Хуошана доносился сквозь вату. — Хватит считать кольца на дубе!

— А?..

Я будто вынырнул на поверхность, и тут же Хуошан врезался в меня, сбивая с ног. Над головами свистнула лозовая плеть. Последний из противников встал перед нами, прикрывая собой товарищей. Мы явно были сильнее, но отступить он не собирался. Геройствовал? Ждал подкрепления?

Я ощутил приближение заклинателей, но понять, свои это или чужие, помешал царящий в энергетическом поле хаос.

— Сейчас я тебе покажу, как меня игнорировать! — зарычал Хуошан, собираясь вновь броситься в бой.

— Оставь! — вцепился я в рукав друга. — Некогда здесь возиться. Что-то стряслось во Дворце Старейшин. Уходим! Ты первый!

Я попятился, держа заклинание наготове, но атаки так и не последовало. Стоило нам отступить, противник с облегчением развеял боевую печать и бросился к лежавшему без сознания товарищу.

— Вы ответите за это, поганые шипы! — истерично вопил в спину крысук, вызывая желание вернуться и заткнуть его. — Да вас всех на удобрения пустят!

С каждым шагом и вдохом сознание прояснялось. Я нагнал Хуошана и зашагал рядом, до рези всматриваясь в разгорающееся вдали зарево. Пожар? Лозы подожгли Дворец Старейшин? Что с главой? Младшими учениками?

— Саньфэн, у тебя такой вид, будто ты жалеешь этих уродов!

— Не болтай чушь! Ты сам-то в порядке? — поинтересовался я у друга.

Тот лишь хмыкнул и выпалил нарочито бодро:

— А что мне станется? Пускай этот урод радуется, что рвануло и я отвлекся. А то б я задал ему перцу!

Я покачал головой и выдавил измученную улыбку. Хуошан — тот еще индюк, и пытается скрыть беспокойство за напускной бравадой. Но я не мог винить его за это. В сложившейся ситуации каждый сам отвечал за свое душевное равновесие, и здесь все способы хороши.

Мысли снова вернулись к Минджу и Куану, чьи следы мы так и не обнаружили. Оставалось надеяться, что ребята где-то схоронились. «Надежда — глупое чувство, — вспомнились слова учителя Лучаня. — Постоянно надеясь на чью-то помощь, поддержку, даже на удачное стечение обстоятельств, вы становитесь уязвимы и не сможете в полной мере воспользоваться своей силой. И чем раньше вы осознаете эту простую истину — тем дальше продвинетесь на Пути Света [учение о духовном и физическом совершенствовании, которого придерживаются все заклинатели мира Спектра]».

Наставник Лучань, где он сейчас? Сражается на передовой? Надеюсь, мы вскоре увидимся...

Я решительно мотнул головой, отгоняя то самое глупое чувство и осмотрелся. Мы уже вошли в деревню и приближались ко Дворцу Старейшин. Вокруг было пусто и мертво: дома пилились на нас темными провалами окон, жалобно скрипела дверь и трещала черепица на крышах, будто ее ломали невидимые руки.

Но стоило нам миновать врата Рассвета, плотина тишины рухнула. В небе полыхнули зарницы, сопровождаемые громовыми раскатами. Пахло гарью и чем-то сладковато-тошнотворным. Мы, не стовариваясь, прикрылись рукавами и поспешили ко Дворцу Старейшин. Судя по всему, Лоза прорвала оборону и пробралась в самое сердце Дома. Храни нас Великий Дракон!

Фохат вокруг кипел и бурлил, разрываемый печатями. Сотрясался воздух, стонала земля, а небесный свод, казалось, вот-вот опустится нам на головы и раздавит. Дом, вдоль которого мы пробирались, вздрогнул и начал с треском оседать. Я дернул Хуошана за руку, вытаскивая из-под рушащихся стен.

Впереди открывался круглый медяк Терновой площади, и обойти его не было ни малейшей возможности: справа стеной вставали дома, слева наступали заклинатели Лозы. Иного пути ко Дворцу Старейшин отсюда не было. Мы с Хуошаном переглянулись и разом рванули вперед.

Три шага наискосок влево, три вправо. Повторить. Мы бежали зигзагом, не давая вражеским заклинателям прицелиться. Сзади пронзительно засвистело.

Что-то стегнуло совсем рядом, обдав ошметками земли.

Противоположный край площади манил спасительными проемами между домами.

Еще чуть-чуть, еще немного. Дотерпеть. Добежать.

Мысленно я уже нырял в проулок, за спиной смыкались стены и скаты крыш, уберегая от преследователей.

В нескольких шагах перед нами лопнула земля, и из провала, извиваясь и киша, словно клубок червей, полезли многочисленные щупальца-лозы. Я бросил взгляд назад и похолодел: стелясь по земле, к нам приближалась вторая волна лоз, растягиваясь широченной лентой, отрезая путь к отступлению. Хуошан затравленно озирался и сжимал кулаки в бессильной ярости.

— «Терновую завесу»! — гаркнул я другу. — Вместе! Ну!

Колючие заросли соткались из фохата, окружили нас, стремительно разрастаясь. Удержит?

В груди кольнуло так, словно кто-то засадил острым раскаленным шипом в самое сердце. Горло перехватило железными тисками. Я повалился на землю, хрипя от боли и нехватки воздуха. Впился пальцами в грудь, чтобы разодрать кожу и впустить живительный эфир в легкие.

В гаснущее сознание ворвался чей-то крик:

— ...ватит! ...тите их! ...се чено...

Вражеское заклинание внезапно развеялось. Перед глазами калейдоскопом вертелись цветные пятна. Одно из них, постепенно обретая четкость, превратилось в лицо учителя Лучаня.

— Хвала Небу, ты жив, Колючка, — улыбнулся наставник Лучань, но его улыбка, кривая, вымученная, не успокоила, а лишь сильнее встревожила меня.

— К-к-ак... Хуош-ш-шан? — еле слышно выдохнул я: каждый вздох причинял невыносимую боль, будто я попытался проглотить неочищенный каштан, а он застрял в горле.

— Без сознания. Но его жизнь вне опасности.

Краем глаза я уловил приближение лоз. Попытался вскочить, призвать печать. Потерял равновесие и рухнул обратно на руки наставника.

— Достаточно, — удержал меня учитель, сказал, обращаясь то ли ко мне, то ли к противникам. — Мы сдаемся.

— Но я еще могу... — попытался возразить я.

— Достаточно, Колючка, — с нажимом повторил наставник. — Посмотри наверх.

Я поднял взгляд. Огромный, усеянный шипами ствол дерева — символ нашего Дома — болезненно пульсировал в небе. Изображение, созданное с помощью фохата, постепенно чернело и усыхало, колючки одна за другой осыпались, исчезая во тьме.

Внутри все заледенело, когда я осознал, что значит повторяющаяся раз за разом картина. Дом Шипа пал!

Глава третья

Есть вещи, за которыми можно наблюдать часами: как течет вода, горит огонь, как движутся облака по небу и как осыпается персиковый цвет в Садах Тишины.

Тот, кто научился наслаждаться гармонией мира, несомненно, оценит мимолетность момента, когда полупрозрачный лепесток отрывается от розовой сердцевины соцветия и, подобно кораблю, покидающему гавань, вверяет судьбу ветру провидения. Подхваченный изменчивым вихрем, он то взлетает к небу, то резко падает, уносясь все дальше и дальше от родного истока, чтобы в конце концов найти последний приют в объятиях земли... и превратиться в обычную грязь.

Грязь и кровь — в эти дни их было немало. Мертвый Линг на руках учителя Лучаня. Обезглавленные тела посланников мира. Отрезанная моим заклинанием рука ученика Лозы. Руины на месте дома старухи Мо. Добрая женщина, угощавшая вечно голодных учеников, — успела она уйти или похоронена под завалами?

Лучше не вспоминать об этом, не раздувать угли ярости, тлеющие под пеплом опустошения. Лучше следить, как осыпается персиковый цвет.

Нынешним вечером даже ветер боялся потревожить траурное молчание деревьев. Розовый «снег» шелестел в застывших сиреневых сумерках, укрывал зеленый пух молодой травы, словно желая сберечь. Битва обошла Сады стороной, не оставила шрамов, перепавших деревне и Дворцу Старейшин, и меня радовало, что хотя бы это место уцелело.

— Саньфэн...

Прикосновение к плечу вырвало из состояния медитации, куда я погрузился незаметно для самого себя. Тени сдвинулись, прошло не меньше часа, но внутренний сосуд не восстановился и даже, казалось, еще больше опустел: возведенный мастером Лозы барьер отрезал нас от фохата, создав внутри зала энергетический вакуум.

Я поднял взгляд на Яньлинь: прическа растрепалась, на скуле чернела полоска земли, а одежда порвалась — и промолчал о ее виде, неподобающем для старшей сестры Дома. Не считая нескольких синяков и царапин, она была цела, и это единственное, что имело сейчас значение.

— Как думаешь, они спасут Куана?

Тяжелораненых, в том числе и Куана, Лоза забрала сразу после битвы. Возможно, враги собирались проявить милосердие. Возможно, наоборот: нападавшие тоже понесли потери, а Владыка подземного царства Яньлю-ван тот еще барыга, и вполне готов торговаться с людьми из расчета жизнь за жизнь.

Кто будет спасать врагов, если в помощи нуждаются родные и друзья?

Этого я тоже не стал говорить.

Яньлинь, смущенная молчанием, опустила ресницы — жест мог показаться кокетливым, если бы не выражение обреченности, сквозившее в каждой ее черте: в глазах, блеск которых едва сдерживаемых слез, в опущенных уголках пухлых губ, в сдвинутых к переносице бровях. Она тоскливо оглянулась на прислушивающихся к разговору младших учеников и вновь обратила внимание на меня.

— Минджу и остальные... они ведь живы?

— Ну... Шанс есть.

Я не стал уточнять, насколько он мал. По крайней мере, для Минджу. Яньлинь держала барьер на противоположной стороне и не видела, как взорвался лозами лес в том месте, где была ее лучшая подруга.

Под тюрьму захватчики приспособили зал боевых практик. Помещение, большое и светлое, оказалось тесновато для сотни человек — внутри, несмотря на вечернюю свежесть и открытые окна, было душно.

Четверо из двенадцати старших учеников и несколько десятков младших, включая раненых, часть которых, возможно, не переживет грядущую ночь — наверно, я тоже не хотел верить, что это все, кто остался от Дома Шипа.

Мастеров и совсем мелких заперли отдельно. Почему я должен отказываться от надежды, что выжил кто-то еще? Возможно, остальных держат в зале медитаций или в подвалах Дворца Старейшин.

— Саньфэн, — Яньлинь понизила голос до шепота, — нас убьют?

— Не знаю, — пожал я плечами.

Яньлинь разочарованно отвернулась. Наверно, она ждала, что я совру и успокою ее — ее и перепуганных младших учеников. Но я никогда не умел сочинять сказки, потому меня и не любили, в отличие от того же Линга, пусть Извечный Свет будет благосклонен к его душе.

— Обещали же сохранить нам жизнь, если сдадимся, — заикнулся кто-то, и несколько учеников вздохнули с облегчением.

— Нашли кому верить! — вклинился Хуошан, с вызовом смотря на караульных. — Лживой Лозе!

Жесткие каштановые волосы встопорщились, крылья носа гневно раздувались, губы подрагивали, будто с трудом сдерживая рык — друг напоминал разъяренного тигра в клетке. На миг мне показалось, что он попытается разодрать барьер голыми руками, но Хуошан демонстративно сплюнул и отвернулся от врагов.

— Дому верь всегда, человеку — наполовину, чужаку — на четверть, Лозе — никогда, — громко процитировал он известную поговорку, прекрасно понимая, что его слышно снаружи.

— Заткнись! — снова открыла рот Яньлинь.

Это вконец вывело меня из себя, и я гаркнул:

— Оба помолчите!

Все и так напуганы, не хватало еще, чтобы страх перерос в панику. Или в драку: судя по ненавидящим взглядам сторожей, и нас, и их удерживали только барьер и приказы глав.

Проглотив возражения, Хуошан сел, демонстративно приняв позу спокойствия

Убьют, да?

Пару дней назад никто не стал бы задаваться подобным вопросом. Мы и не догадывались, насколько легко оборвать чью-то жизнь. Но теперь земли двух Домов обагрились кровью. Да и я сам... когда рухнул барьер, и атаковали вражеские ученики... был готов убивать. Просто не сложилось.

Я закрыл глаза, пытаюсь отвлечься на медитацию. Сосредоточиться не удавалось. В голове крутились мысли о смерти, всплывали лица погибших.

Линг. Минджу. И многие другие.

Удовлетворила бы голова старейшины Чжан Юи жажду крови Дома Лозы? И можно ли винить главу Шаньюаня в том, что потеряв любимого внука, он отказался принести в жертву еще и единственную дочь.

— Старший ученик Чжан Саньфэн!

Лоз снаружи прибавилось. Яньлинь испуганно вцепилась в запястье, словно надеясь удержать меня. Я высвободился, покачал головой: упрямство не принесет ничего, кроме неприятностей.

— Скоро вернусь, — хотелось верить в свои слова. — Лучше пригляди, чтобы Хуошан не натворил глупостей.

Друг никогда не отличался выдержкой. Брови нахмурены, кулаки сжались так, что костяшки побелели — того и гляди сорвется, а сейчас достаточно искры, и бойня начнется снова.

Я шагнул вперед, хмуро, выжидая, посмотрел на ученика Лозы, парня года на три-четыре младше меня.

— Я Саньфэн.

— С тобой хотят поговорить.

Барьер разошелся, пропуская, и снова сомкнулся за спиной.

— Следуй за мной.

Руки не связали, и это обнадеживало. Возможно, Лоза действительно хочет поговорить. Пока поговорить.

Впрочем, сражаться сейчас, с почти пустым сосудом равносильно самоубийству, а бежать... бессмысленно. Избавиться от провожатого не так сложно, но что дальше? На территории Домов меня рано или поздно найдут. Шанс же выжить в Серых землях без источника фохата и того меньше: одиночка — желанная добыча и для зверья, и для разного рода проходимцев.

Улицы деревни были неуютно пустынно. Ни спешащих с заданиями старших учеников, ни украдкой хвастающихся выученной печатью младших. Ни играющих детей, ни их родителей, многие из которых были обычными людьми, живущими при Доме. Двери ремесленных лавок закрыты наглухо, в окнах погашен свет. Потерявшийся щенок растерянно тыкался в ворота.

Дом, казалось, вымер.

Затаился, как испуганный ребенок, в спальню которого вторгся грабитель. А «грабители», понимая, что им тут не место, тоже нервничали, вскидывались на любую мало-мальски подозрительную тень.

Скоро стало ясно, что направляемся мы к жилищам мастеров: одноэтажные дома из бамбука с изогнутыми крышами стыдливо прятались среди сирени и рябинника. Я невольно вглядывался в окна ближайшего, гадая мерещится ли мне отблеск света или нет.

— Проходи, — провожатый остался снаружи. — Тебя ждут.

Три знакомые ступени. Порог я переступал с опаской, не веря в удачу. А когда различил в сумерках высокую белую фигуру, и вовсе не сдержался:

— Учитель Лучань!

— Привет! — невесело улыбнулся тот, вертя в руке фарфоровую статуэтку. — Похоже, это сражение мы проиграли, а, Колючка?

Статуэтка — слон, кусочек хобота отколот, но если не приглядываться, не заметно — вернулась на полку, заняв законное место среди шестерых собратьев. Когда я впервые, испуганный и растерянный, попал в дом наставника, они уже были здесь. Единственные безделушки в пустой комнате, конечно, не могли не привлечь внимание, а мастера ненадолго отвлекли... Знал ли учитель, что именно я испортил его слона? Наверняка знал. Но так ни разу не упомянул об этом.

Черепаша и семь слонов, что держат мир. Лампа, внутри которой горела ароматная свеча. Столик с изогнутыми ножками. На стене картина, написанная тушью — соловей в ветвях розового дерева. Все было до того привычно, что хотелось забыть обо всем. Внутри будто лопнули цепи, заставляющие перед лицом врага притворяться сильным и спокойным: обретенная свобода сбивала с ног, вызывала безумную улыбку.

— Садись, — разрешил наставник. — У меня есть для тебя важное... да, пожалуй, задание.

— Приказывайте, что делать! Отправиться в Серые земли? Отвлечь Лозу? Если понадобится, я готов отдать жизнь ради Дома.

— Хватит, Саньфэн! Смертей и так более чем достаточно, — покачал головой учитель, и глаза его на миг затуманились. — Да, достаточно. Кристалл Шипа уничтожен.

Кристалл — артефакт, доверенный Младшим Домам небожителями, копия их собственного Сердца Мира. Призма, что превращает Извечный Свет в свободный фохат, необходимый для создания печатей. Без Кристалла не существует энергетического поля, а значит, и Дома. Но ведь мы можем отнять его у врага!

— Кристалл Лозы для нас бесполезен, — мастер Лучань, заменивший мне и отца, и мать, знал меня как облупленного, а потому с легкостью читал мысли. — Нет, Колючка, Лоза и Шип больше не будут сражаться. Дома объединятся. Церемония состоится через пару дней.

Что?! Как бы невероятно это ни звучало, не похоже, чтобы учитель шутил. Но Лоза и Шип?.. Перед глазами всплыло искаженное яростью лицо недавнего противника, изломанное тело Линга и тела тех двоих, что пришли под мирным знаменем. Опутанный лозой мертвец, руины хижины Мо... И мы это простим? Они забудут? Мы все сделаем вид, что ничего не было?!

— Так решили глава и старейшины. Не тебе и другим ученикам оспаривать их приказ, — строго напомнил учитель. — Вашим обучением займутся мастера Дома Лозы. Я надеюсь, вы проявите должное усердие, какое проявляли до сей поры, и мне не придется испытывать стыд перед твоим новым учителем старейшиной Тэнг Цзымином. В то же время глава Шаньюань пообещал передать все печати и артефакты, которыми владеет наш Дом, в собственность Лозы — в чем вы тоже не должны чинить препятствий.

— Новый наставник... — слова, правильные, хорошие слова об окончании войны рождали внутри дурное предчувствие. — А вы? Почему вы сами не продолжите мое обучение?

— Я и остальные мастера... — учитель отвел взгляд. — Мы вынуждены покинуть вас.

Понятно. Никакое это не объединение — поглощение! Лоза решила забрать все ценное — артефакты, зелья, тайные техники... учеников. Заменить нами тех, кто погиб — исключительно из соображений выгоды, чтобы не ослаблять Дом. А все прочее — лишнее, помеха, от которой лучше избавиться. Победленных не спрашивают об их желаниях. Им предъявляют ультиматум.

— Но... Почему глава Шаньюань согласился? Вы же не... Что-то ведь можно сделать? Если Зеленый Дом узнает, он наверняка не одобрит!

— Поверь, Колючка, всем будет лучше, если Зеленый Дом не станет вмешиваться в дела вассальных Младших Домов.

— Тогда... Позвольте мне пойти с вами! — я уткнулся лбом в сложенные перед собой ладони. — Прошу, учитель! Обещаю, я не стану вам обузой!

— Гора Тяньмэнь — опасное место и явно не то, куда отправляются без крайней нужды, — наставник невесело улыбнулся, попенял: — Что за глупое упрямство, Колючка? Неужели ты готов перечеркнуть все, чего достиг за четырнадцать лет? Отказаться от мечты?! Извечный Свет, ты был таким забавным ребенком, когда заявил, что хочешь стать главой Белого Дома!

К чему вспоминать наивное детское бахвальство?!

Заклинатели Младшего Дома слишком слабы, чтобы надеяться когда-либо приблизиться к небожителям. Я слишком слаб, и в этом все дело! Вот почему учитель Лучань и велел уходить тогда, в долине, и поэтому не собирается брать меня с собой сейчас.

— К тому же помнишь, у меня есть для тебя задание? Я хочу, чтобы ты приглядел за учениками Дома Шипа.

— Найдите кого-нибудь другого! — я никогда бы не решился перечить учителю, но понимание, что мы расстанемся, возможно, навсегда, ввергло меня в отчаяние.

— А кому мне еще доверить это поручение? Яньлинь? Она умная и старательная девочка, но пока слаба, да и Шип никогда не признает женщину во главе. Хуошан? Вспыльчив и безрас-

суден. Куан... — учитель помрачнел. — Если переживет следующие сутки, останется калекой, не способным контролировать фохат.

— Я тоже не смогу... Не хочу... Не гоните меня!

Глаза щипало, в горле стоял комок. Наставник приблизился, обнял. Похлопал по спине.

— Хватит, Саньфэн. Мы еще... живы, а значит, все не так уж плохо, — он замолчал, выдохнул. — Прости. Мы должны были защитить вас и не справились. Позаботься о Доме Шипа. Найди общий язык с Лозой. Пообещай мне.

Я упрямо молчал, кусая губы. Но учитель не собирался уступать.

— Поклянись мне, Саньфэн.

— К-клянусь.

Клянусь, что стану сильнее, и тогда никто больше не посмеет отбирать то, что мне дорого.

Глава четвертая

Солнце стыдливо прятало лик за пеленой облаков, словно не желая быть свидетелем того, что должно произойти.

Дворец Старейшин казался угрюмым стариком, отгородившимся от мира запертыми наглухо дверями. С неожиданной четкостью проступили веснушки зелени на медных водосточных трубах, облупившаяся внизу колонн краска, которую давно пора обновить. Взгляд цеплялся за мелочи, не желая замечать полосу стесанной черепицы на крыше, пепелище на месте сада камней, свернувшуюся кольцами лозу среди осколков брусчатки, разбитые изваяния у лестницы.

Уцелевший каменный дракон встопорчил шипастый гребень и припал к земле, готовый броситься на вражеских мастеров — похожего на бога роскоши Будая [Заклинатель древности, изображающийся как веселый, вечно смеющийся толстяк. Символ хорошего настроения и щедрости] плотного лысого мужчину и женщину с оплывшим лягушачьим лицом. Считается, что Будай и его жаба сулят прибыль. Дом Лозы сегодня станет богаче: сотня обозленных учеников — отличный куш, как думаете? Жуйте, не подавитесь!

Ветер трепал обвисшие стяги — чужие поверх наших, гнал по площади персиковый цвет. Вялые грязно-розовые лепестки перекатывались по черепашьим спинам брусчатки, застревали в щелях между камнями, закручивались поземкой. Он был непривычно холодный для середины весны, этот ветер.

Ожидание затягивалось.

Справа скрипел зубами Хуошан. По левую руку ежилась Яньлинь. Сзади перешептывались ученики — шестнадцать рядов по семь человек и еще один, неполный. Подростки стояли вперемишку с совсем маленькими детьми. Не по традиции, но мелким так спокойнее, а остальным — лишняя причина вести себя благоразумно. Четырнадцать-пятнадцать лет — опасный возраст: какая-никакая сила уже имеется, а самодисциплины не хватает.

Ее и старшим ученикам не хватает, чего говорить: на костяшках, грозя прорвать кожу, набухали бугры шипов.

Вдох, задержать дыхание, выдох. Повторить пятую мантру успокоения.

По бокам, зажимая в тиски, выстроились ученики Лозы: старшие и подростки, начиная с четвертой ступени — своих детей враг оставил дома.

— Эй, неудачники, — крысюк, с которым я схлестнулся у барьера, оскалился, — готовы лизать наши сандали? Мои как раз запылились.

Он приподнял подол, демонстрируя обувь.

Хуошан вспыхнул:

— Саньфэн, этот...

— Не обращай внимания! — осадил я друга, тихо добавил. — Пусть псина лает.

Младшие мастера Лозы проигнорировали провокацию, но вряд ли они так же спокойно будут смотреть на драку, особенно если ее начнем мы.

— Тупые черепахи не понимают то, что им говорят?! — не унялся крысюк. — Могу повторить. Вы мусор, и в Дом вас берут из жалости. Если не хотите сдохнуть, как ваши дружки, лучше вам проявить почтительность к старшим! Интересно, кого из вас назначат моим слугой? Тебя, толстяк? Или твоего угрюмого приятеля? К нему у нас, кстати, отдельный разговор.

— Потом, — я перегордил путь Хуошану.

— Правильно. Бойся. А то ведь мало ли, что может случиться? Например, пришибут ненароком.

Язык чесался спросить, уж не он ли пришибет? Но мне удалось сдержаться, хоть и с трудом. Помогло осознание ответственности, возложенной на меня учителем. Нельзя нарываться: не сейчас, не на глазах у мастеров Лозы и не когда рядом младшие.

Крысюк хотел еще что-то ляпнуть, но его одернул сосед:

— Прекрати, Шу! Ты позоришь Дом и нашего главу.

Среди Лозы не все поголовно идиоты? Это радует: возможно, мне-таки удастся выполнить приказ учителя и найти общий язык с новыми братьями и сестрами. Или нет? Взгляд, которым нас с Хуошаном и Яньлинь одарил сосед Шу, был напрочь лишен дружелюбия.

Дворец открылся.

Парень с длинными светлыми волосами не без усилий развел тяжелые створки, поднял стоявший у порога сундучок из белого дерева и не спеша с достоинством направился к нам. Выверенный шаг, гордо расправленные плечи, тщательно разглаженные складки салатого ханьфу — он знал, что на него смотрят, и словно бы нарочно красовался.

— А я-то все думал, почему солнечного гения Лозы не видно, — пробурчал Хуошан. — Даже понадеялся, что его ненароком прибили, когда эти гады полезли на нас.

Значит, это и есть Вэй, первый ученик Дома Лозы?

Мы не встречались, но я много слышал о нем — от Хуошана и покойного Линга в том числе. Все слышали. Шутка ли, полгода назад ученик вызвал на поединок и умудрился победить одного из младших мастеров. Сплетники судачили о потрясающем везении и паре трюков в рукаве, которые оказались неожиданностью для соперника Вэя, и добавляли, что если бы бой шел всерьез... Но факт оставался фактом: в отличие от крысюка Шу, невысокий худощавый парень, несмотря на безобидный вид, мог стать опасным противником.

Сегодня солнечный гений Лозы выглядел далеко не лучезарно. На фарфоровом лице застыла хмурая сосредоточенность, словно в сундуке он нес взрывной порошок или ядовитую змею.

Вэй добрался до лестницы. Склонил голову, приветствуя младших мастеров. Начал спускаться к нам, но остановился на небольшой площадке в середине. Сколько раз мы с покойным Лингом сами поднимались туда, принимали почести за заслуги перед Домом или гордились младшими учениками, в чьих успехах была доля и наших трудов.

Украденное место — малость по сравнению с украденным Домом и украденной жизнью.

Вдох-выдох. Пятая мантра.

Раскатистый удар гонга оборвал гул разговоров. Из распахнутых ворот Дворца Старейшин потянулись две реки — изумрудная и салатая.

— Глава Дома Лозы Тэнг Фухуа, — громко объявил Вэй. — Глава Дома Шипа Чжан Шаньюань. Поклон!

Я соединил кулак с раскрытой ладонью, опустил взгляд, склоняя голову не перед врагами, но мастерами и старейшинами своего Дома.

Если глава Шаньюань всегда казался мне несгибаемым дубом, то Тэнг Фухуа напоминал караванщика, гостившего у нас прошлой осенью и принесшего диковинки далеких земель, лекарственные травы, артефакты из других Домов и слухи.

Торговец, рассевишийся словно ли хунг [тануки, дух в виде енотовидной собаки] в своем цветастом шатре, поглаживал аккуратную бородку-клинышек и постоянно улыбался. Улыбка разбегалась лучиками морщин от желто-зеленых глаз, приподнимала уголки губ. Из щели рта нескончаемым потоком лились комплименты заглянувшим к нему гостям и уверения в непревзойденном качестве товара. Очарованные его сладкоголосыми речами, многие после недолго считались монет.

В отличие от караванщика Тэнг Фухуа улыбаться не спешил. Глава Дома Лозы расстроено качал головой, и чудилось, будто собравшиеся на площади ученики в его глазах превращались в костяшки на счетах, на которых он подсчитывал убытки.

Почтенные старцы различались как река и гора и все же неуловимо походили друг на друга — окружающей аурой мудрости, власти, заставлявшей цепенеть и почтительно склонять головы при их появлении. Замолкать, стоило им открыть рот.

— Старейшина Тэнг Бинь...

Место справа от главы Дома Лозы занял несуразный, похожий на марионетку человек с плоским незапоминающимся лицом и сонным взглядом.

— Старейшина Тэнг Цзымин...

Мой будущий наставник оказался угрюмым мужчиной неопределенного возраста. Тело, жилистое и сильное, с покрытыми шрамами предплечьями принадлежало бойцу. Короткие черные волосы серебрились первой сединой. Лицо, лишенное и намек на изящность, вызывало мысли о хищных птицах: ястребиный нос, густые брови, выделяющиеся скулы, синеватая щетина на щеках.

Я вздохнул, предчувствуя грядущие трудности. Тэнг Цзымин явно не привык, чтобы с ним спорили, и договариваться он не станет, а я не уверен, что смогу признать этого человека своим наставником, доверять и подчиняться ему, как учителю.

— Старейшина Чжан Пенгфей. Старейшина Тэнг Диши. Мастер Чжан Лучань...

Учитель поймал мой взгляд и едва заметно кивнул, ободряя.

— Мастер Тэнг... Мастер Чжан... Младший мастер...

Старейшины Юи не было, как и мастера Ляо, как и многих иных. Соблазн поверить, что отсутствующие попросту отказались признать перемирие и потому где-то заперты, был велик. Но я понимал: они мертвы.

Закончив объявлять мастеров, Вэй принял позу внимания.

— Время слов иной раз наступает слишком поздно, — скорбно начал глава Лозы. — Слово — вещь непростая и опасная. Не прозвучавшее в нужный час или, напротив, сказанное не вовремя оно способно привести к большой беде. Уже привело, да. И если бы мы нашли время для слов, то могли бы избежать трагедии... Но лучше поздно, чем никогда, — Тэнг Фухуа покачал головой, продолжил другим, жестким тоном: — У Пещер Эха было совершено преступление. Чудовищное преступление, и пролитая там кровь требует наказать убийц.

— Но мы, поддавшись ненависти, — заговорил глава Шаньюань, обводя площадь ясным взглядом льдисто-голубых глаз, — совершили не менее тяжкое преступление. И точно крохотный камешек приводит к сходу лавины, что погребает под собой деревню, так одна смерть стала причиной сотни смертей. Эти дни... дни потерь забрали многих, кто был нам дорог... учителей, родителей, братьев и сестер, друзей... Забрали наших драгоценных детей.

Глава Шаньюань замолчал, и никто не осмелился его поторапливать.

— Мы не должны были позволять темным чувствам захватить наш разум. Как глава Дома Шипа, я беру ответственность за всю пролитую в эти дни кровь, чьей бы рукой — лозы или шипа — не был нанесен удар. И плачу за нее своей кровью.

Вэй, достав из сундучка кинжал в простых кожаных ножнах, с глубоким поклоном подал главе Шаньюаню.

Яньлинь побледнела, зажала руками рот, словно испугавшись, что глава вскроет себе горло. Но тот просто чиркнул лезвием по ладони и вытянул руку, позволяя тяжелым красным каплям упасть, разбиться о мрамор ступеней.

— Я, последний глава Дома Шипа, Чжан Шаньюань принимаю яд вашей ненависти, дабы он не отравлял более души. Я отказываюсь от мести, отрекаюсь от войны и прошу помощи у того, кого недавно считал врагом. Не во имя слабости и страха перед смертью, но во имя жизни, дабы спасти то, что еще можно спасти, и дать мирно исчезнуть остальному.

Глава переломил кинжал и бросил под ноги.

— Я вверяю Дому Лозы наследие и надежды Дома Шипа, дабы они не сгинули безвозвратно, а стали частью нового Дома Колючей Лозы и привели его к величию.

Чжан Шаньюань снял нефритовую гемму и вручил Тэнг Фухуа. Они поклонились друг другу. Затем бывший глава Шипа в сопровождении свиты из старейшин направился ко Дворцу. Учитель и несколько мастеров, в основном из младших, остались на площади.

— Кровь искупила кровь, яд поглотил яд, — объявил Тэнг Фухуа. — Почтим молчанием мужество тех, кто добровольно взял на себя грехи и ненависть минувшей войны. Да будет благосклонен к ним Извечный Свет!

Яньлинь всхлипнула, провела ладонью по щекам, утирая слезы.

— Лицемеры! — сплюнул Хуошан.

Клинок наверняка был отравлен. А если и нет, яд ждет главу во Дворце.

Сколько пафосных слов сказали, чтобы скрыть обычную предусмотрительность! Мастера Шипа, в отличие от нас, учеников, слишком опасны. Смерть старейшинам, ссылка — для учителя и остальных.

Я не понимал! Никто из моих друзей по-прежнему не понимал! Почему глава и мастера сдались? Мы же еще могли сражаться! Да, тогда война, скорее всего, уничтожила бы Дом... или даже оба Дома, но разве жизнь, за которую заплачено такой ценой, лучше?!

Вдох-выдох. Пятая мантра спокойствия. Шестая мантра.

Спрятать обратно когти и украдкой стереть кровь с костяшек.

У входа во Дворец Чжан Шаньюань покачнулся. Благодарно оперся о старейшину Пенг-фея, подставившего ему плечо. Посмеиваясь, что-то сказал, и старейшина вежливо улыбнулся в ответ.

Ворота Дворца захлопнулись.

— Когда в реку впадают ручьи, — продолжил церемонию Тэнг Фухуа, — она становится шире. Когда в саду распускаются новые цветы, он становится краше. Дом Лозы с радостью принимает семью Шипа.

Радости не наблюдалось: ни на наших, ни на лицах победителей, которым придется делить с нами кров и пищу.

Старейшины Лозы ждали. Моя очередь сыграть роль в их спектакле?

— Саньфэн? Мы же не...

На кулаках Хуошана тоже чернела кровь. Достаточно моего знака, и ученики Шипа будут сражаться: безнадежно, без шанса не то что на победу, на спасение, предпочтя гибель позору.

Учитель Лучань не сводил с меня взгляда. Хмурился.

— Вы оглохли и не слышали, что сказал глава Шаньюань? — я нарочно произнес это громко, чтобы заглушить и чужие, и собственные сомнения. — Или вы настолько не уважаете свой Дом и учителей, что осмеливаетесь ставить под сомнение их волю?

Первый шаг дался невероятно тяжело, будто к ногам привязали неподъемные гири. Второй — уже легче.

Остановился, как и положено, у лестницы, стараясь не замечать уродливых ржавых пятен на ступенях. Лица мастеров сохраняли бесстрастность. А вот Вэй глядел с... сочувствием, будто что-то понимал.

Его фальшивая поддержка взбесила больше всего. Если бы Небеса благоволили нам, то сейчас бы он стоял на моем месте, и это Дом Лозы перестал бы существовать, а я бы смотрел на бывшего врага сверху вниз... возможно, с тем же сочувствием или, скорее, едва скрывая торжество. Признаю, мне далековато до благородства солнечного гения Лозы.

Колени не хотели сгибаться. За спиной нарастал ропот недовольства. Еще немного, и кто-то из учеников — неважно, свой ли, чужой — обязательно вспылит, и начнется бойня. Тогда жертва главы окажется напрасной. Я не могу подвести — ни его, ни учителя Лучаня. Теперь я отвечаю за Дом Шипа.

— Я...

Слова застревали в горле колючками рамбутана, и их приходилось выталкивать силой.

— Я, Чжан Саньфэн, старший ученик мертвого Дома Шипа, присягаю на верность Дому Колючей Лозы, принявшему меня, проявившему ко мне милосердие и доброту, — слова, просто слова, я не хотел думать, что они означают. Но не думать не получалось. — Клянусь, отныне и впредь всякое мое деяние и помысел будут направлены во славу, силу и благо моего нового Дома.

Я не сдержался, позволил горечи прорваться в мой голос.

— Готов ли ты подтвердить клятву?

— Залогом моих слов станет моя жизнь.

Я знал, что последует за согласием. Зеленая нить отделилась от ладони главы Лозы и, извиваясь в воздухе, поплыла ко мне. Пусть и очень хотелось, я не стал закрываться щитом или уклоняться.

«Червь клятвы» ввинтился в грудь, проник в сердце. От резкой боли на миг перехватило дыхание и потемнело в глазах.

— Дом Колючей Лозы принимает тебя, старший ученик Тэнг Чжан Саньфэн, и обещает относиться как к брату и сыну, защищать и поддерживать, наказывая за проступки и воздаявая по заслугам.

Слова Тэнг Фухуа ученики и мастера встретили гробовой тишиной.

Новые названные братья и сестры не скрывали ненависти, скалились цепными псами, у которых из-под носа увели сладкую кость. Яньлинь кусала губы и теребила кольца на поясе. Хуошан отвел глаза, не желая становиться свидетелем моего позора. Мальчишки, стоявшие позади него, угрюмо насупились.

Тэнг Чжан Саньфэн. Надо же, дали двойное родовое имя, сохранив прежнее! Неопишущая щедрость! Тэнг — даже звучит противно.

Учитель одобрительно кивнул, улыбнулся, а когда я почти отвернулся, закрыл глаза... пряча боль. Я поступил, как он велел, подчинился решению главы и старейшин, отрекся от погибшего Дома... и от него самого, получается, тоже.

Это действительно было необходимо?

Я медленно брел к друзьям. В груди давило. Площадь качало, и дурной кошмар все не заканчивался. Хотелось завывать от бессилия, упасть и биться головой о брусчатку. Но навстречу брела, едва переставляя ноги от ужаса, Яньлинь, пришлось собрать волю в кулак и улыбнуться ей: все в порядке, ты справишься.

Пускай не сейчас, но мы с ними справимся. Однажды у нас появится шанс возродить Дом Шипа.

А пока все, что я могу, — это сцепить пальцы, пряча дрожь. Следить, чтобы никто из учеников не натворил глупостей, и ждать, когда закончится эта проклятая церемония.

Глава пятая

«Я кровь от крови земли, плоть от ее плоти. Свет, заключенный во мне, явись и стань воплощением моей воли! “Спицы колеса вечности”!»

Три десятка шипов, окружив меня, повисли в воздухе на уровне груди. Они слегка подрагивали, рвясь в бой. Если смотреть сверху, фигура и впрямь напоминала колесо без обода со мной-осью в центре. Идеальное заклинание, когда вокруг одни враги.

Как мастера Лозы, например.

Сегодня старейшин было трое. Сам глава Фухуа, его вечно сонная «марионетка» Тэнг Бинь и Тэнг Диши, суетливый старичок-сморчок с реденькой, торчащей клочьями бородкой, сальным взглядом и хозяйской улыбочкой. После его взгляда хотелось опрокинуть на себя ведро воды, чтобы стереть мерзкое ощущение попользованной вещи. Рядом с ним, склонившись над свитками, за письменным столиком сидела женщина с лягушачьей физиономией. К соседке Тэнг Диши обращался исключительно «милая Ниу».

Нити заклинания натянулись до предела. Искушение было велико: всего-то и нужно, что позволить печати сформироваться до конца.

Я вообразил, как шипы разлетаются в стороны.

Рвут в клочья защитные амулеты и срезают ловцы ветра. Разбивают фарфоровые вазы в человеческий рост — те, бело-зеленые, расписанные травяными узорами, с жалобным звоном осыпаются грудой осколков.

Шипы впиваются в колонны, пол и стены, в нарисованные на шелке картины, поражая в самое сердце — святотатство! — Великого Дракона, даровавшего людям искусство обращать Извечный Свет в фохат и заклинать его.

Пальцы подрагивали. Волосы на висках слиплись, чжуньи [натальное белье/нижняя рубаха] промокла от пота — хоть выжимай. «Колесо» рвалось в бой, и удерживать его было не так уж легко.

Глава Фухуа кивнул, показывая, что хватит, и я развеял заклинание.

Сделал несколько вдохов-выдохов, успокаивая потоки фохата в теле. Сосуд почти опустел. Это была уже восьмая старшая печать подряд. Мой нынешний рубеж — девять. Но я молчал и ждал распоряжений мастеров.

Мне продолжать? Вы хотите, чтобы я раскрыл все секреты Дома Шипа, которыми владею?

Они хотели. Но старейшины Лозы... мои старейшины были достаточно мудры и умели держать свою жадность в узде. И терпения, как и подобает заклинателям их ранга, у них хватало.

— Пожалуй, на сегодня достаточно, — объявил глава Фухуа. — Благодарю, Саньфэн. Можешь отдыхать. Ждем тебя через два дня.

Кулак к ладони, поклон, не выражающий ничего, даже положенного почтения к мастерам. Дань традиции, которой нужно следовать, чтобы избежать неприятностей.

Кивок означал, что я свободен.

Я направился к выходу, но у самых дверей меня остановили.

— Саньфэн, — мягко окликнул меня глава Фухуа.

Я обернулся.

— Ты нас ненавидишь?

Ложь мастерам — один из тягчайших грехов, и я не собирался ему поддаваться. Всего лишь ушел от ответа, озвучив прописную истину:

— Каждому ученику Дома должно с благодарностью и почтением относиться к его главе и старейшинам.

Тэнг Фухуа покачал головой, но ничего более не спросил.

После духоты Дворца свежий весенний ветер, долетающий с горного хребта Шуан-Ди, был подобен живительному глотку ключевой воды. Я позволил себе пару мгновений насладиться им, прежде чем начать спуск в деревню.

Ненавижу ли я Лозу? Людей, которые заявили в мой Дом, убили моих друзей и учителей?

Тигр пожирает антилопу, слабые — пища для сильных. Таков закон этого мира, а против мировых законов идут только глупцы и самоубийцы. Я невольно прикоснулся к груди, где в сердце дремал «Червь клятвы».

Ненавижу ли я Дом Лозы? Ответ очевиден. Но ненависть — бесполезное разрушительное чувство, которое единственное к чему приведет, — это к моей гибели. Учитель приказал мне жить дальше и заботиться о выживших из Дома Шипа.

Не стоит жалеть дерево, когда оно уже превратилось в лодку.

— Саньфэн! Доброе утро!

Навстречу мне спешила Яньлинь. Лицо ее покраснело от быстрой ходьбы, глаза подозрительно блестели. На ней сегодня было изумрудное парадное ханьфу с орнаментом в виде листьев.

— Я не знала, что подобает одеть. Поэтому и задержалась, — смутилась она, заметив, как я рассматриваю ее, провела пальцем по лицу: плакала? Натянута улыбнулась. — Не слишком официально?

— Выглядишь отлично. А где Хуошан?

В переданном вчера приглашении говорилось, что глава Фухуа желает видеть всех трех старших учеников Шипа.

— Он сказал... — Яньлинь замялась, — что не сможет.

Полагаю, Быкоголовый выразился намного грубее. С него станется вслух пожелать «этим кошкам и собакам, что прячут нож внутри улыбки» получить в подарок песочные часы [пожелание смерти]. Вот же упрямый осел! Сам нарываяется на наказание!

Яньлинь покосилась на Дворец и понизила голос, будто опасаясь, что находящиеся там старейшины Лозы могут ее подслушать.

— Мне страшно.

— Веди себя как обычно, словно перед тобой прежний глава Шаньюань, и все будет хорошо.

— Тогда мне лучше поспешить.

Глава Шаньюань не терпел опозданий, и Яньлинь торопливо устремила вверх по лестнице.

— Давай-давай, твой растрепанный вид и покрасневшее лицо очень порадуют Тэнг Диши, — крикнул я ей вслед.

Яньлинь отмахнулась, и я не стал настаивать: возможно, это был ее способ протеста, молчаливого несогласия с окружающей нас действительностью.

Не стоит жалеть дерево...

Утро пришло в мир, наполнив его светом и жизнью. Затопленные поля, убегающие к далеким холмам, блестели огромными зеркалами, отражающими безоблачное небо. Вода приблизилась вплотную к домам, казалось, еще чуть-чуть и затопит дворы — обманчивое впечатление: пусть в Доме в эти дни и царил бардак, за плотинами следили.

Если смотреть с высоты, деревня мало изменилась. Часть разрушенных хижин разобрали, другие развалины уже примелькались и, чудилось, были всегда.

На улицы вернулись люди.

Стайка голопятых малышей лет шести играла в безглазую ищейку. Рядом крутился бестолковый щенок, то и дело норовивший влезть в забаву. За ними приглядывал старик Чан, выбравшийся из своей мастерской погреть кости на солнце. Позвякивая колокольчиком, катилась тележка водовоза, запряженная седым на боках ослом. Женщины с коробами за спинами вереницей направлялись к реке.

От огромных глиняных котлов шел соблазнительный запах свежего риса и рыбы. Я вспомнил, что еще не ел, и свернул к кухне. Сегодня дежурила семья Йизэ — добродушный толстяк с вечно удивленным выражением на лупоглазом лице, его напоминающая сухую иву жена и две их дочери. Младшая была глуповата, старшая... тоже, иначе бы не строила глазки всем подряд заклинателям, надеясь, что кто-нибудь из них, неважно кто, возьмет ее замуж.

С семьей Йизэ у меня всегда были хорошие отношения, а потому хоть пора завтрака давно миновала, нашлась и миска жаренного с фасолью риса, и несколько кусков карпа, обваленных в зелени.

— Саньфэн, я тут спросить хотел, это... — других неурочных гостей не было, и Йизэ воспользовался затишьем, чтобы поговорить. — Что слышно во Дворце? Когда в этом году собираются благословлять поля?

Я пожал плечами. Я мысли главы Фухуа прочитать не способен. Кто знает, когда будут заклинать поля на богатый урожай и будут ли заклинать вовсе, или чужаки наплюют на нужды этой деревни? Странно, что мы до сих пор не отправились в Дом Лозы. Наверно, мастера еще не разобрались с «наследием» Шипа, или, другими словами, не разграбили все хранилища.

— Понимаю, у вас свои дела, заботы. Да, такие дела, что не до нас... — не унимался Йизэ, от волнения комкая в руках полотенце. — Но рис уже посадили. И лук тоже.

— Приказа от мастеров пока не поступало.

— Так мастеров, почитай, не осталось... — он с опаской покосился на Дворец, осенил себя отгоняющим злых духов знаком. На лбу — от жары ли, волнения — выступили капельки пота. — Старых мастеров. А от этих, пришлых, чего еще ждать? Ты бы... поспособствовал как-нибудь.

Как-нибудь — это как? Самому заклясть поля? Боюсь, надорвусь, даже если привлеку Хуошана, Яньлинь и ребят помладше. Напомнить старейшинам Лозы об обязательствах защищать и оберегать вассалов Дома? Они и так небось помнят. Но считались ли вассалами местные жители, я не был уверен.

— Я думаю, старосте деревни все же лучше самому обратиться к главе Фухуа.

Ответ прозвучал излишне резко, и Йизэ отодвинулся, забормотал:

— Ну не злись, не злись... Я же только спросил.

Я не спеша ел и смотрел в окно.

Жизнь обычных людей пока поменялась мало. Дети играли взрослые занимались привычными хлопотами.

Салатовые ханьфу мелькали среди толпы слишком часто.

Стоило появиться чужакам, и разговоры затихали, на лицах проступало опасение, а люди от греха подальше спешили перейти на противоположную сторону улицы. Ученики Лозы чувствовали напряжение и инстинктивно держались друг друга. Наши тоже.

Редко кто осмеливался бродить в одиночку, не сбиваясь на торопливый шаг и не оглядываясь через плечо.

В ответ на благодарность за пищу, Йизэ мрачно зыркнул: похоже, его благосклонности я лишился, но сейчас меня это мало волновало.

Завтра утром я должен явиться к старейшине Цзымину, и предстоящее знакомство с новым наставником внушало закономерные опасения. Поэтому не стоило терять напрасно время. Неплохо бы найти тихое место для медитации, восстановить потраченный фохат.

Домой идти не хотелось.

Линг, Куан — хижины тех, кто погиб, заняли лозы. Ученики обретались вместе, по возрастам и ступеням — впервые это правило показалось мне глупым. Как и решение поселить рядом заклинателей двух Домов. Чего они хотели добиться? Взаимопонимания?

Пока получалось ровно наоборот.

Смотреть, как лозы по-хозяйски обживаются в жилищах друзей, было само по себе неприятно, но проблема не ограничивалась этим. Лозы не решались меня задевать и не пытались пробраться в мой дом: каждый раз по возвращению я проверял барьер, и тот оставался не тронут. Но уколоть словами — мимоходом, в беседе друг с другом, нарочно подстраивая так, чтобы их услышали — случая не упускали.

Из собачьей пасти странно ждать слоновой кости. Следуя народной мудрости, мне удалось игнорировать их лай. Чего нельзя было сказать о Хуошане: вчера я с трудом удержал его от драки.

А утром на своем крыльце обнаружил разбитые тухлые яйца.

В общем, дома было слишком беспокойно для занятий.

В Сады Тишины и в зал медитаций я тоже не пошел: в последние дни там околачивалось раздражающе много чужаков, да и младших учеников видеть не хотелось, если честно. Надоело выслушивать бесконечные жалобы, решать вопросы, успокаивать, уговаривать... С объединения Домов прошла всего пара дней, а казалось, что я занимаюсь этим уже целую вечность.

Сегодня я попросту сбежал.

Путь мой пролегал за пределы деревни.

В трех ли от Дома росла сливовая роща.

Возможно, когда-то здесь жил заклинатель, который, как и я сейчас, ненавидел людей. Нынче от дома, если он вообще был, не осталось и следа, деревья одичали, и единственное, что подтверждало домысел об отшельнике — бывший из земли ключ и сад камней: девять поросших мхом булыжников, расположенных особым образом.

Тихое и отдаленное — идеальное место, чтобы привести тело, мысли и чувства в гармонию.

В роще кто-то был.

И это возмутило больше, чем тухлые яйца.

И сюда добрались! Проклятые лозы, словно крысы, заполонили все вокруг. И кто же это такой наглый? Я решительно направился к чужаку, намереваясь за шкуру выбросить его со своей территории. Говорят, шипы колючие и вспыльчивые? Пора оправдывать репутацию.

В центре рощи, усевшись на большом камне, медитировал знакомый невысокий блондин в салатовом ханьфу. Освещенная солнцем фигура, казалось, и сама лучилась энергией.

Вэй? Я с досадой цокнул: не повезло так не повезло! Связываться с первым учеником объединенного Дома мне не по рангу. Пока.

Придется поискать другое место.

Уйти я не успел.

— Кто здесь? — Вэй встrepенулся. — Выходи! Не бойся. Не обижу. Или хочешь поиграть в прятки?

Он всерьез намерен за мной гоняться? Развлекать еще и этого гениального полудурка в мои сегодняшние планы точно не входило, хватило спектакля для его мастеров.

Пришлось показаться.

— Прошу прощения, что нарушил ваше уединение, первый ученик, — я нацепил привычную до омерзения маску вежливости.

— Саньфэн?

Ну надо же! Запомнил мое имя!

— Ты что тут делаешь? Меня искал?

Делать мне больше нечего, как искать этого белобрысого идиота.

— Видимо, нет, — понял он по моему лицу и вздохнул, как показалось, с облегчением.

Предположил: — Здесь твое место, да?

Я продолжал сверлить его взглядом.

Мое. И что это меняет? Неужели уступит?

— Надеюсь, ты не против, если я тоже потренируюсь? — улыбнулся Вэй. — В роще вполне хватит места для нас двоих.

Против. Но тогда первый ученик вправе предложить мне погулять, пока он не закончит дела. Я знал еще пару подходящих для медитации мест в окрестностях Дома, но до них добираться гораздо дольше. Идти обратно в деревню, тем более, не хотелось. Если выбор стоит между оравой лоз и одним из них, он очевиден: Вэя я как-нибудь перетерплю. Надеюсь.

— Если желаете.

— Я всего на год старше тебя, и мы не на официальном мероприятии, так что давай на «ты»?

Я проигнорировал его предложение. Обсуждать нам решительно нечего.

Под заинтересованным взглядом Вэя я стянул пропотевшую чжуньи, оставшись в одних штанах. Умылся. Прополоскал в ручье одежду и развесил на ближайшей сливе. День теплый и ветреный, за пару часов высохнет.

— А знаешь, я тебя другим представлял, — улыбаясь, неожиданно заметил Вэй. — Линг упоминал, что ты угрюмый тип, но я не думал, что настолько.

Когда это он встречался с Лингом? В прошлом году? На совместных тренировках-соревнованиях, куда я не попал, потому как умудрился отравиться неправильно изготовленной пилюлей?

— Линг погиб, — резко сказал я, дав понять, что не намерен продолжать разговор. — В Долине Семи Чаш.

— Мне... жаль, — улыбка солнечного гения померкла.

В роще воцарилась желанная тишина.

Я скрестил ноги, положил руки ладонями вверх на колени, закрыл глаза. Солнце обжигало плечи, проникало под кожу, наполняло тело теплом — от макушки до кончиков пальцев я весь состоял из солнца, из света.

Над головой недовольно шумела листва: ее тревожил ветер — азартный и шаловливый щенок, он хотел играть, баловаться, мешая деревьям спокойно наслаждаться погожим днем.

Рядом журчал ручей. Вода поднималась из глубин земли, искрилась, оплетала струями воздух и вновь уходила под землю.

Я представил, как корни слив пьют воду. Та течет по стволу, достигает согретых солнцем крон и, напитавшись энергией небесного светила, возвращается к истокам. Я представил, как набухают почки, раскрываются новые листья, вызревают плоды. Как расходятся ветки.

Я представил, что одна из слив — я...

Извечный Свет! Ненавижу, когда на меня пялятся! Я похож на актера сицуй [театра]?

Присутствие Вэя мешало сосредоточиться.

Белобрысый негромко насвистывал мотив из трех нот. Крохотная лоза, шурша шелковыми листиками, змейкой вилась между пальцами, оплетала запястья. Судя по расслабленной позе, он просто развлекался. У первого ученика столько свободного времени, чтобы тратить его на пустяки? Если не собирается упражняться, мог бы сделать одолжение и свалить.

— Скучно, — Вэй развеял заклинание, откинулся назад, заложив руки за голову. — Эй, Саньфэн, давай смахнемся? Тренировочный поединок, не более, — спешно добавил он, заметив, как я напрягся. — Я не собираюсь тебе вредить. Честно.

Издевается? Победил младшего мастера и думает, что неуязвимый?

— Не хочу.

— Хочешь, — возразил Вэй.

Подловил: мне действительно было интересно, так ли этот зазнайка хорош, как о нем трезвонят. Вредить он, видите ли, не собирается. Победи сначала!

Белобрысый вздохнул:

— Но не получится. Пока мы здесь, глава поставил табу на любые дуэли старше четвертой ступени. Если кто начнет нарываться, имей в виду.

— А если первым полезу я?

— Тогда накажут тебя. Наверно. Глава про это не говорил. А ты нападешь? — Вэй азартно встрепенулся. Но улыбка быстро погасла. — Нет?

— Тебе скучно, ты и нападай.

Я начал подумывать, что поискать другое место для тренировки не такая плохая идея: белобрысый со своей непосредственностью прицепился ко мне, словно черепаха к зайцу, и я не мог понять, то ли он на самом деле странный, то ли притворяется.

— Жалко, — Вэй вновь улегся на траву, посмотрел в небо. — Хороший был план. Мы бы подрались, потом помирились и стали лучшими друзьями.

— Другьями? — я скептически приподнял бровь.

— Да. А что? — он повернулся ко мне. — Я со всеми предпочитаю дружить. Так жить гораздо проще и приятнее.

— Что ж ты тогда здесь прятался?

— Подловил, — хмыкнул белобрысый. — Девочки.

— Девочки?

— Ага. Уже целый месяц за мной гоняются. Прямо проходу не дают. Один раз даже барьер сняли и в дом забрались, — Вэй снова вызвал лозу-змею. — Нет. Не пойми неправильно. Я ничего против девочек не имею. Они милые. И забавные. Особенно, смешные мелкие. Но учитель пообещал из меня самого девочку сделать, если я вместо его тренировок стану с котлами возиться, — белобрысый позволил «змею» соскользнуть с руки и уйти в землю. — Они мазь хотят, для красоты. А ты о чем подумал?

— Ни о чем.

— Мне не сложно, но учитель прав, от тренировок они отвлекают.

— Не только они.

— Я тоже тебя сейчас отвлекаю, да? — понял намек Вэй.

Какой догадливый! И впрямь гений!

Белобрысый поднялся на ноги.

— Пойду прогуляюсь.

Вопреки надеждам, он не ушел совсем. Бродил по окрестностям, то приближаясь, то удаляясь — и в какой-то момент его незримое присутствие стало настолько привычным, что я перестал обращать внимание.

Даже наоборот.

Распрямился примятый ковыль, покачнулся стебель лютика, когда с него вспорхнул испуганный жук, осыпалась пыльца — по мельчайшим изменениям окружающего мира я наблюдал за перемещениями белобрысого.

Это оказалось интереснее, чем смотреть на сливы.

А потом Вэй догадался, что я за ним слежу, и... исчез.

Дрогнула стебель одуванчика, когда на него приземлился кузнечик. Опустил вялые листья засыхающий остролист. Под корнями дерева шевельнулся мелкий безымянный дух, напуганный близостью заклинателей. Ветер пригладил траву... и часть ее склонилась чуть ниже.

Нашел!

Какое-то время мы развлекались тем, что Вэй скрывал свое присутствие, а я его искал. Потом первому ученику надоела игра, и он вернулся на поляну. Устроился на другом краю роши и затих — то ли тоже погрузился в медитацию, то ли уснул.

Пришлось снова заняться сливами.

Когда я открыл глаза, солнце клонилось к горизонту.

Если мы не хотим пропустить ужин, пора топать назад в деревню.

Я облачился в высохшую одежду. Покосился на первого ученика. В его компании я не сильно-то нуждался, но не позвать... невежливо. Он хоть и странный, но старший.

— Вэй, идем?

Белобрысый не ответил.

Оглох, что ли? Я приблизился.

Этот придурок и впрямь спал! Безмятежно, словно наловившийся молока младенец в материнских объятиях, разве что не причмокивал. Белесые пряди упали на лицо. Нос щеко-тала травинка, Вэй недовольно поморщился, но тут же снова улыбнулся. Оголившаяся шея выглядела соблазнительно беззащитной.

Идеальный момент.

Всплеск фохата, вызванный печатью, он наверняка почувствует (я бы почувствовал). Успеет ли среагировать?

Я помотал головой.

Что за бредовые мысли нашептывают вечерние духи?

Я ведь не собираюсь на него нападать, а тем более убивать? Даже если бы у меня были какие-то причины (а их нет, Вэй пока не сделал мне ничего плохого), это просто... неразумно. Пропажу первого ученика наверняка быстро обнаружат. Станут его искать. И найдут. А потом найдут и меня.

— Саньфэн, что-то случилось?

Вэй наблюдал за мной. Глаза, полуприкрытые веками, горели зеленым.

Разве у него были настолько яркие глаза? И что важнее: как давно он проснулся?

— Поднимайся. Дома ждут.

Глава шестая

Противный моросящий дождь как нельзя лучше соответствовал настроению. Каждый шаг по влажной размякшей земле приближал меня к цели — дому старейшины Цзымина. Моего нового наставника.

Я вспомнил церемонию и невольно поежился. Властный и не улыбочивый, Тэнг Цзымин показался мне полной противоположностью учителя Лучаня. Такой, скорее, наградит нерадивого ученика затрешиной, нежели станет объяснять, где тот ошибся.

Зубы невольно сжались от одной мысли, что старейшина Лозы может ударить меня, но я тут же повторил мантру спокойствия, изгоняя поднявшую голову змею гнева. Сейчас гнев — худший помощник, он только усугубит и без того непростое положение. Да и это всего лишь мои мысли, навеянные дурным настроением и мерзкой моросью, проникшей за ворот ханьфу.

«Наши чувства не есть мы сами, — так говорил учитель Лучань. — Они не являются чем-то постоянным и неизменным, а лишь отклик нашей души на те или иные события, слова, мысли. Ты не смог исполнить старшую печать, и тебя гложет досада. Это естественно. Но вот тебе на глаза попалась миловидная девушка в нарядном ханьфу — и ты уже позабыл, что минуту назад злился и негодовал. Чувства — это рябь на поверхности озера. Относись к ним легко и снисходительно. Зачем волноваться из-за того, что поднялся ветер и погнал волну, если рано или поздно наступит штиль?»

Я улыбнулся, вспоминая тот урок трехлетней давности и упрямого своевольного мальчишку, каким был тогда. Ох, и намучался же учитель Лучань со мной! При этом, я ни разу не слышал, чтобы наставник жаловался на нас другим мастерам, а все наши с Лингом выходы он встречал с добродушной улыбкой на лице. Знай я, что скоро придется обходиться без его мудрых советов и поддержки, еще больше ценил бы проведенное вместе время. Учитель Лучань... Благополучно ли он добрался до горы Тяньмэнь? В порядке ли?

Дождь усилился, и я зашагал быстрее. Из-за треволнений по поводу нового наставника я позабыл взять зонт, и теперь с завистью глядел на немногочисленных прохожих, укрывшихся под зелеными конусами. Как назло, старейшина Цзымин решил занять дом покойного мастера Чжан Сяня, который жил на горе за пределами деревни. Дорога к нему то ныряла в лес, то виляла по крутому, открытому всем ветрам и дождю склону. Пока доберусь до места, буду мокрым как мышь, вылезшая из залитой водой норы.

Идти под дождем пришлось не менее получаса, прежде чем из-за деревьев показалась крыша с загнутыми вверх углами. Помнится, мастер Сянь вечно жаловался на воздушных драконов, якобы прилетавших ночью, чтобы поиграть возле его дома. Крылатые безобразники скатывались с крыши и падали прямо в цветник, который был гордостью старого отшельника. В какой-то момент старик настолько вышел из себя, что переделал скаты, загнув их края вверх. Теперь драконы, соскользнув по черепице, подлетали высоко в небо и приземлялись за окружавшим двор забором. «И bestиям радость, и цветник цел», — потирая руки, хихикал мастер Сянь, жутко довольный своей выдумкой.

Цветы были единственным, что интересовало старика и занимало все его внимание и время. Каждый раз, когда я приходил к нему с поручением, в доме царил жуткий бардак. Брошенная где попало одежда, сваленные в беспорядочные груды книги и свитки, грязная посуда и остатки засохшей еды на столе. Пыль. Затхлый воздух, будто помещение не проветривали долгие годы. Передвигаться по дому отшельника приходилось с осторожностью, иначе незадачливый гость рисковал споткнуться о вынырнувший из ниоткуда столик для письма или вступить в разлитую на полу тушь.

Я не без злорадства представил лицо Тэнг Цзымина, когда тот впервые переступил порог дома мастера Сяня.

Дедушка Сянь, как он просил нас, учеников, обращаться к нему, погиб в сражении Домов. Его тело, оплетенное тугими жгутами лоз, нашли во дворе. Небось вышел навстречу захватчикам, чтобы те и пальцем не коснулись его цветника. Еще одна жертва этой проклятой войны...

Дождь между тем разошелся не на шутку, и я с облегчением нырнул под деревянный навес у ворот. Те оказались заперты, а на стук колотушки никто не отозвался.

Нового хозяина нет дома? Это что же получается, я зря проделал весь путь досюда?!

Преисполнившись негодования, злой и мокрый до нитки, я принялся тарабанить в ворота. Звук ударов тонул в шуме дождя, но я не собирался сдаваться. Не так легко!

Целая вечность прошла, прежде чем лязгнул железный засов. Скрипнула, отворяясь, створка. Мне навстречу вышел низкорослый коренастый мужичок средних лет, лысый, с круглым лицом, одетый в серое заношенное ханьфу. Губы незнакомца были поджаты, глаза смотрели равнодушно и устало, будто ему приходилось выпроваживать назойливых посетителей по несколько раз на дню.

— Ну и куда ты ломишься? — грубовато осадил он меня. — Не видишь, закрыто?

Опешив от подобного обращения, я не сразу нашелся с ответом:

— Я старший ученик Чжан... Тэнг Саньфэн. Прибыл по личному указанию старейшины Тэнг Цзымина.

Мужичок окинул меня взглядом и ответил все тем же сухим холодным тоном:

— Мастер сегодня не принимает.

— И все-таки я требую, чтобы вы доложили о моем приходе!

— В том нет нужды. Мастер тебя не ждет.

— А вы, собственно, кто такой, чтобы решать это? — надавил я на незнакомца.

— Мое имя — Пинг, — не смутившись, ответил тот. — Я служу мастеру Цзымину без малого двадцать лет. Слежу за тем, чтобы ему не докучали всякие невоспитанные наглецы и оборванцы в мокрых тряпках. Явился к великому учителю, а сам даже не потрудился привести себя в подобающий вид!

— Не одежда красит человека, но лишь его помыслы и поступки, — не отступал я. — Мастер Цзымин назначил мне встречу, и...

— Если ты глухой, то я повторю в третий раз: мастер Цзымин сегодня не принимает. Он уехал по делам.

Сказано это было с таким видом, что я понял: служка нагло лжет. И что дальше? Съездить по его щекастой физиономии и войти во двор? Я сдержал порыв, прекрасно осознавая, во что выльется подобное своеволие.

— Хорошо. Тогда предупредите старейшину, что я приду завтра в это же время. Пинг только хмыкнул и скрылся за воротами. Заскрежетал засов, послышались шлепающие по воде шаги.

Ловить здесь больше нечего. Я вышел из-под навеса и подставил лицо прохладным тяжелым каплям.

Значит, мастер не принимает. А чего я, собственно, ждал?! Что Лоза, разрушив наш Дом, захватив наши земли, убив старейшин и изгнав младших мастеров, действительно согласится меня учить? Победители никогда не станут относиться к побежденным как к равным. Второй сорт! Собачонки на коротком поводке, живущие лишь милостью хозяев! Вот кто мы для них!

Разговор с хамоватым Пингом неожиданно вывел меня из себя. Меня трясло от бушевавшего внутри пожара, и даже холодный ливень не в силах был остудить этот огонь. Может, все-таки вернуться и проучить зарвавшегося привратника?

Какая чушь лезет в голову! Дело ведь не в Пинге... не только в нем.

Нужно успокоиться. Я должен помнить о вверенных мне судьбах учеников Шипа, а потому сейчас никак нельзя сорваться и натворить глупостей. Но, Извечный Свет, как же трудно! Учитель Лучань взвалил на меня неподъемную ношу, и я не знал, насколько еще хватит моего запаса терпения. Похоже, учитель верил в меня больше, чем я сам, если полагал, что я сумею справиться со всем в одиночку.

Погрузившись в мысли, я не заметил, как вышел к берегу лесного озера. Свернул не туда на последней развилке? Возможно, к лучшему. Уединенное место для медитации и восстановления пошатнувшегося душевного равновесия — как раз то, что мне сейчас требовалось. Вон и разлапистый кедр, под которым можно укрыться от дождя.

Я успел сделать несколько шагов к укрытию, прежде чем меня окликнули.

— Привет-привет, гнилая колючка. И чего это ты тут бродишь? Да еще совсем один.

Знакомый голос.

Я обернулся.

Шу вместе со своим дружком стояли посреди тропы и недобро смотрели на меня. Только этих придурков мне сейчас не хватало!

— Отвалите, — предпринял я попытку разойтись миром.

— Ты слышал, Танзин? — прошипел Шу, не сводя с меня взгляда. — Колючка не рад нас видеть.

Его товарищ растянул губы в злорадной усмешке:

— Скоро он будет прыгать от радости.

Дешевые позеры! Даже жалко тратить на них время, а потому я перешел сразу к делу:

— Что вам надо?

— Ты покалечил Го, оторвал ему руку, — Шу выплевывал слова, будто яд. — Мы пришли забрать должок.

— Всего лишь одну руку? А надо было обе! Чтобы знал, как тянуть их к нашему Дому! — у меня было слишком паскудное настроение, чтобы сдерживаться.

— Ты... Танзин, бей его! — взвизгнул Шу.

Зазвенел фохат. Я рефлекторно закрылся щитом из терновника. Тут же с другой стороны в него врезалось что-то тяжелое, и защита просела. Неужели эти убогие с прошлого раза чему-то научились?

Я отскочил, увеличив расстояние до удобного: лезть в ближний бой против двоих сразу — глупость. Активировал печать «Клетки». Сейчас эти крысеныши попляшут у меня.

Терновый щит затрещал и осыпался на землю трухой. Я кинул в противников рой шипов. Удар пошел по широкой дуге. Шу отскочил в сторону и угодил в «Клетку» — попался на тот же крючок дважды, неудачник! Сейчас ты у меня прыгать будешь, крысюк!

Под ноги ударила лоза Танзина, и я, потеряв равновесие, упал на спину. Тут же перекатился вбок и рывком поднялся. Шу и Танзин, ухмыляясь, переглянулись. Одежда на первом была разодрана в нескольких местах, но крови я не заметил. Как он сумел вывернуться из клетки?

— Ты до тошноты предсказуем, гнилая колючка, — демонстративно зевнул Шу. — Неужто думал, я куплюсь на один и тот же фокус дважды?

Что-то было не так. Меня смущала легкость, с которой крысюк справился с моей печатью. Неужто поганцы прихватили с собой артефакты?..

Отвлечись, я едва не пропустил летящий в меня комок лоз. Рубанул наотмашь призванными когтями, рассекая зеленые щупальца, сделал несколько шагов назад, разрывая дистанцию. Под ногами хлюпнуло. Бросив быстрый взгляд вниз, я обнаружил, что стою по шиколотку в воде. Дерьмово! Вода замедляет движения, к тому же можно запросто поскользнуться на камнях. Надо выбирать.

— Что ты все бегаешь от нас, как трусливый заяц? Давай познакомимся поближе.

— Уроды вроде вас не в моем вкусе!

Противники тоже правильно оценили ситуацию и явно решили загнать меня глубже в озеро, лишив пространства для маневра. Проклятые лозы, словно змеи, ползли по берегу, окружая со всех сторон. Я отступал, все глубже погружаясь в воду. Ступни застревали в топком иле, острые камешки, забившиеся в сандалии, царапали кожу. Плечо обожгло ударом лозовой плети.

— Моли о пощаде! И тогда, возможно, отделаешься только рукой!

Противники уже предвкушали победу. И им явно было плевать на приказ главы Фухуа — или тот существовал только на словах белобрысого придурка Вэя? Твари! А с тварями можно не церемониться!

«Я кровь от крови земли, плоть от ее плоти. Свет, заключенный во мне, явись и стань воплощением моей воли! Старшая печать — “Смертоносный дождь”!»

Фохат надо мной уплотнился до предела, сжался в тугой комок. Разрядился ливнем острейших шипов, которые ударили по извивающимся на земле лозам (и те замерли мертвыми сухими отростками), мгновенно скрыли под собой Шу и Танзина. До меня донеслись проклятия, кто-то закричал от боли... А затем наступила тишина.

С меня словно спала пелена ража, и я понял, что натворил. Убил двоих старших учеников Лозы. Извечный Свет, я убил этих придурков! Что на меня нашло? Как я мог потерять контроль?!

Я метнулся к двум возвышающимся над землей холмикам, опасаясь увидеть обезображенные, истерзанные тела...

На земле лежали два плотно скрученных из лоз кокона, покрытые шипами так густо, что напоминали ошестинившихся дикобразов.

Пока я пялился на них, шипы осыпались, лозы зашевелились и начали сползать. Из-под них с руганью выбрались Шу и Танзин. Ученики были живы и, не считая мелких царапин и прорех на одежде, почти целы. Вот уж не думал, что можно испытывать такую радость из-за провалившейся атаки!

— Рано торжествуешь, гнилой шип! Думал, эти детские колючки способны нам навредить? — взъярился крысюк, заметив мою улыбку. — Ты как, Танзин?

— Порядок, — второй лозовец отряхнулся и принял боевую стойку. — Давай уже кончать с ним.

— Эй, уроды, — Хуошан появился как нельзя вовремя — Что как крысы-то, вдвоем на одного! Честно сразиться — кишка тонка, недоноски?

Шу погасил не до конца сформированную печать, с досадой сплюнул. Они с Танзином переглянулись и разом попятнулись, а после, когда Хуошан, пугая, метнул в них россыпью колючих шаров, и вовсе задали стрекача.

— Мы еще встретимся!

— Это будет твоей последней встречей! — крикнул им вслед Хуошан.

Он явно порывался догнать крысиных выкормышей и наподдать как следует, но я остановил друга:

— Забудь про этих недоумков.

Я устало уселся прямо на размокшую от дождя землю. Хуошан шлепнулся рядом и поинтересовался:

— Чего это тебе вздумалось гулять в такую мерзкую погоду?

— Ходил к мастеру Цзымину, — я поведал другу о «радушном» приеме у ворот дома старейшины.

— Надо было размазать наглеца по забору! — дослушав до конца, выпалил Хуошан.

Впрочем, иной реакции я от него и не ждал.

— Ага, и схлопотать наказание за нападение на служку старейшины и проникновение в его дом, — не удержался я от сарказма. Вздохнул, возвращаясь к невеселым размышлениям, прерванным появлением Шу и его дружка: — Раз уж мы остались в нашем Доме за старших, нужно тщательно оценивать каждый шаг, думать о том, какой пример мы подаем малышне.

— Тоже мне мамка нашлась, — отмахнулся Хуошан. — Ты не обязан носиться со всеми, как насадка с цыплятами. В конце концов это хорошая школа жизни: пускай мелкие сами справляются с трудностями.

Я с удивлением посмотрел на друга, усмехнулся:

— Ну вот! В кои-то веки ты учишь меня, а не наоборот. Дожили...

Хуошан покровительственно хлопнул меня по спине:

— А кто еще скажет тебе правду и подставит в трудную минуту плечо? Цени!

Мы от души посмеялись. Напряжение и смятение постепенно растворялось, как утренняя дымка на поверхности озера под первыми лучами солнца.

— А на этих идиотов, — Хуошан кивнул в сторону, где скрылись лозовцы, — тебя как угораздило напороться?

— Задумался и свернул не туда, — вздохнул я. — Ты-то сам как тут очутился?

— Шел проведать Яньлинь и вдруг заметил этих двоих. Они сидели в беседке и что-то обсуждали, постоянно озираясь вокруг. Мне это показалось подозрительным, вот я и остановился послушать. Самого-то меня они за изгородью не заметили, правда, и понять, о чем они болтают, толком не удалось — разобрал только твое имя. А потом вдруг эти придурки сорвались и куда-то заспешили. Я решил проследить — и в итоге оказался здесь. Признай, весьма вовремя.

— Да уж...

— Ты должен был раскидать этих убожеств как котят! А ты стоял, будто сопливый ученик на пороге своего первого испытания. Если бы кто сказал...

— Заткнись, — осадил я друга. — Сам не понимаю, что произошло. Печати работали не в полную силу. Когда Шу с легкостью вырвался из клетки, я списал это на случайность. Но когда они с Танзином выжили после «Смертоносного дождя»...

— Да ты рехнулся, использовать «Дождь»! — с восхищением присвистнул Хуошан. — От них и мокрого места не должно было остаться! И это Саньфэн, наш рассудительный старший ученик...

— Может, не будешь меня перебивать и выслушаешь до конца?

Хуошан поднял руки, извиняясь.

— Шу и Танзин укрылись от «Смертоносного дождя» обычным коконом из лозы, понимаешь? — я испытующе посмотрел на друга. — Либо я ошибся, создавая печать, хотя уверен, что все сделал правильно, либо... что-то не так со мной. Слушай! Попробуй-ка ты призвать «Ливень шипов». Или хотя бы «Клетку»...

— Дерьмо, — спустя десять минут подытожил ситуацию Хуошан, убедившись, что и его печати ослабли.

— Дерьмо, — согласился я. — Похоже, мой провал не случайность. Лоза и впрямь решила держать нас на коротком поводке.

Я выругался. Наверно, стоило вспомнить, что существуют способы ограничить, а то и вовсе запереть силу заклинателей. Зелья, артефакты, печати... Единственное заклинание, которое Лоза применяла и ко мне, и к моему другу, это...

— «Червь клятвы»! — Хуошану пришла та же мысль, что и мне. — Наверняка, это он повлиял на нас.

— Как вариант, — кивнул я. — Либо Лоза что-то подмешала нам в еду.

— И что будем делать?

— Пока не знаю, — я задумался. Повторил: — Не знаю. Но собираюсь выяснить.

— Потребуешь ответа у своего нового наставника, этого... как его там... Тэнг Цзымина?

— Ага. Наставник, несомненно, только и ждет, когда я заявлюсь к нему с вопросами, — связвил я. — Так ждет, что сегодня даже не пустил меня на порог! Есть идея получше: как насчет того, чтобы порыться в архивах?

Глава седьмая

— Эй ты, тупая колючка, смотри, куда прешь! — из переулка донесся полный негодования девчачий писк. — Тебя не учили, что старшим нужно уступать дорогу?

— А где тут старшие? — прозвучал насмешливый ответ. — Ты, что ли?

Я узнал голос Баожэй, младшей ученицы Дома Шипа. Бывшего Дома Шипа. «Шпилька — она и есть шпилька, где бы ни оказалась», — усмехнулся я, притаившись за углом дома и решив до поры до времени не вмешиваться в перепалку.

— Ты как со мной разговариваешь, глупая дыня?! — взвилась девочка из Лозы. — Тебе напомнить твоё место?

— Смотри, не лопни от натуги, — хихикнула Баожэй. — И не разевай так сильно рот: не хочу, чтобы твои слюни испачкали мое новое ханьфу.

— Я... я тебе сейчас все волосы выдеру!

— Даже лысая я буду красивее, чем ты! Что это за смешные пятна у тебя на лице? Веснушки? А я думала, птица нагадила!

Сравнение веснушек с птичьим дерьмом стало последней каплей. Соперница Баожэй всхлипнула, а затем раздался цокот стремительно удаляющихся шагов.

Я осторожно выглянул из-за угла. Ученица Лозы скрылась на соседней улице. Баожэй хмыкнула и как ни в чем не бывало зашагала вперед, напевая под нос какой-то веселый мотив.

Я подумал, что стоит догнать Шпильку, но, вспомнив вчерашний разговор с Хуошаном, вовремя себя одернул. В конце концов, каждый приспособливается как может. В обращении с учениками, предупреждал учитель Лучань, главное: не испортить.

Если бы я сейчас упрекнул девочку, что своими действиями она нажила себе недоброжелателя и усугубила и без того непростое положение шипов внутри нового Дома, была бы от этого польза? Зная характер Баожэй, я сомневался. Если бы я продолжил давить, она нарочно стала бы поступать наоборот. Та еще несносная колючка! Но хотя бы может за себя постоять. Такая нигде не пропадет.

Я проводил взглядом Шпильку, пока та не свернула за угол, после чего зашагал в противоположном направлении.

Сегодня небеса разродились не очередным многочасовым ливнем, а приятным солнечным теплом. Небесный Стрелок [легендарный герой китайских мифов] пронзил непроглядную серую пелену и выпустил на волю колесницу Сихэ, запряженную шестью рогатыми драконами. Солнцеликая богиня разъезжала по небосводу, разгоняя тучи и озаряя землю своей неземной красотой.

Я вдохнул полной грудью, наслаждаясь утренней свежестью, и свернул на одну из аллей Дворцового парка, чтобы срезать путь до архивов.

Глава и старейшины ждали меня во второй половине дня, поэтому утром я решил не тратить время зря и наведаться в архивы. Вчерашняя стычка с Шу и Танзином и странное действие печатей не давали мне покоя.

Хуошан вызвался сопровождать меня и разделить нелегкую участь книжного червя. Мы договорились встретиться у входа в архивы, но я серьезно сомневался, что он появится. Усидчивость и вдумчивое изучение свитков были противны его взрывной деятельной натуре. Скорее, мой друг бросит вызов одному из старейшин, чем добровольно переступит порог архивов.

Пустынная в этот ранний час аллея ровной лентой тянулась вдаль, к самому подножию горного хребта Шуан-Ди, на склонах которого и расположилось сердце Дома: Дворец Старейшин, зал медитаций, школа младших учеников, мастерские артефакторов и зельеваров, архивы. Стройные ряды кипарисов устремлялись в небеса, будто гигантские наконечники

копий. У начала аллеи журчал старый заросший мхом фонтан, брызги искрились в солнечных лучах драгоценными камнями.

Мир продолжал жить и звучать, как и прежде, ему не было дела до человеческих невзгод. Малахитовая статуя цилиндра, прячась под вуалью воды, равнодушно взирала на меня со своего постамент. Говорят, появление этого зверя — одного из Четырёх Благородных — сулит миру скорое рождение великого мудреца или правителя, либо же уход из жизни таковых. Хотелось надеяться, что в этот раз священный зверь принесет нам добрую весть...

Я мысленно вернулся к подслушанному полчаса назад разговору между Баожэй и неизвестной мне ученицей Лозы. Это уже не первый случай, с которым мне доводилось сталкиваться после церемонии слияния Домов. Равенство, о котором объявил глава Фухуа, на деле оказывалось мнимым: даже младшие ученики Лозы, которые были еще детьми, не признавали шипов. Не все из них вели себя по-хамски, подобно собеседнице Баожэй, но дистанцию держали и всячески давали понять: мы для них — чужаки, кто бы там что ни заявлял.

Что делать с таким отношением, я не имел ни малейшего понятия. Вездесущая река времени, возможно, когда-нибудь вынесет наши Дома к берегам добрососедского сосуществования. На большее я и не рассчитывал. В то, что мы станем единым сплоченным Домом я, признаться, верил слабо. Нет такой печати, чтобы в мгновение ока превратить вчерашнего врага в друга и брата.

— Эй, Саньфэн, — вырвал меня из раздумий знакомый голос. — Ты чего такой хмурый с утра? Снова вляпался в переделку?

Я сам не заметил, как подошел к архивам. У ворот — милостивые небожители! — меня поджидал Хуошан — невыспавшийся, судя по смачному зевку, но полный решимости и готовности к самопожертвованию.

Его вид вызвал улыбку, и я на время отбросил удручающие мысли.

— Смотрю, ты прямо-таки пылаешь энтузиазмом, — похлопал я друга по плечу. — Бьюсь об заклад: ни один свиток не устоит перед тобой и мигом раскроет свои секреты.

— Шути-шути, — нахохлившись, буркнул Хуошан. — Я требую с тебя справедливую плату за каждый час, проведенный в этом оплоте бумаги и пыли.

— Осваиваешь навыки торговли? — поддел я Хуошана. — Похвально. Тогда вот тебе первое правило: сначала работа — потом оплата.

— В Диюй [аду] я видел такие правила, — отмахнулся он. — Ладно, хорош трепаться! Пойдем уже. Чем раньше приступим — тем раньше покинем этот душный склеп.

Внутри архивы и вправду напоминали безжизненную, застывшую во времени обитель тишины и книжных стеллажей.

Господин Юйсян, главный смотритель архивов, занимал эту должность почти сорок лет. Лишенный способности чувствовать фохат, он тем не менее был великолепным специалистом по теории заклинаний, прекрасно разбирался в истории и космогонии. Плюс ко всему обладал феноменальной зрительной памятью, что при его работе было незаменимым. Я искренне порадовался, когда узнал, что глава Фухуа и совет старейшин приняли решение оставить за ним место главного смотрителя архивов.

Выслушав мою просьбу, господин Юйсян хитро прищурился, поправил круглые очки, но не стал вдаваться в выяснения; позвал служку, велел проводить нас в читальный зал и предоставить необходимые трактаты и свитки.

Мы пробирались узкими проходами между деревянных стеллажей, глядевших на нас разноцветными корешками фолиантов. Пахло древностью, бумагой и сухим деревом. Хуошан зря наговаривал — всюду чувствовалась рука заботливого и рачительного хозяина: блестяли

покрытые лаком полки, стояли, как на параде, ряды книг, тут и там попадались указатели для скорейшего поиска.

Через какое-то время служка привел нас в круглый светлый зал с десятком небольших столиков. Мы с Быкоголовым оказались не единственными желающими приобщиться к мудрости предшествующих поколений. Двое младших учеников Лозы старательно скрипели перьями, переписывая лежавшие перед ними свитки. Незнакомый мне средних лет мастер увлеченно листал страницы толстеного фолианта.

Служка предложил нам занять свободный стол, а сам взял из стопки неподалеку вместительную корзину и отправился на поиски запрошенных материалов.

— Можно пока вздремнуть, — громко зевнул Хуошан. — Ты видел эти лабиринты? В лучшем случае нам принесут книги после обеда.

— Веди себя пристойно, — шикнул я на него.

Младшие ученики даже не подняли голов, продолжая старательно выводить тушью иероглифы. Мастер же оторвался от фолианта и осуждающе взглянул на нас.

Я пихнул Хуошана в бок и приложил палец к губам, сделав страшные глаза. Он хрюкнул от смеха, но тут же угомонился и, положив руки на стол, опустил на них голову. Я молил всех богов, чтобы Хуошан не захрапел, иначе нас выставят отсюда вон, еще и учителям доложат — и тогда не избежать наказания. Хуже того, нам закроют доступ в библиотеку, а этого я допустить не мог — пока это был единственный шанс получить ответы. Не ждать же, когда наставник Цзымин, который сегодня утром снова «никого не принимал», снизойдет до разъяснений.

Служка явился минут через десять — Хуошан даже задремать не успел. Аккуратно выложил из корзины несколько увесистых томов и добавил сверху коробку со свитками.

— Учитывая неопределенность вашего запроса, — склонившись к столу, прошептал он, — рекомендую для начала поискать в этих трактатах. Уверен, на сегодня вам будет более, чем достаточно.

Служка бесшумно скрылся среди стеллажей, оставив нас один на один со стопкой толстенных фолиантов.

Хуошан сграбастал коробку со свитками.

— Ищем все, что касается действия печатей, ограничения способностей заклинателя и тому подобное, — шепотом напомнил я другу.

— Угу, — отозвался тот, разворачивая первый свиток.

Я активировал «Меру шицзян» — простенькую печать, отвечающую за отсчет времени. Опоздать или, того хуже, пропустить встречу с главой и старейшинами было бы вопиющим проступком.

Я взял первую сверху книгу и прочел название: «Канон Извечного Света». Вот так угрозило... «Канон» затрагивал всевозможные вопросы, начиная от строения мира и законов преобразования Извечного Света в фохат до философских и этико-моральных принципов пути заклинателя. Искать здесь ответы на свой вопрос — все равно, что мелкий камешек на горе Кху-Ям. Я вздохнул и открыл первую страницу...

Спустя четыре часа, когда в голове пискнул условный сигнал печати, я испытывал жгучее желание развести костер прямо посреди читального зала и бросить в него «Канон», а заодно и все остальное, что попадет под руку. Хуошан, судя по взъерошенным волосам и бурлению фохата, также был в шаге от того, чтобы сравнять с землей это проклятое богами место.

Будто почувствовав наше настроение, из-за ближайшего стеллажа вынырнул служка. Я сухо поблагодарил его, кивнул Хуошану, и мы направились к выходу из этой умственной душегубки.

Глоток свежего воздуха развеял муть в голове и остудил порыв раздражения. Какое-то время я шагал молча, отпустив все мысли, и созерцал природу. Хуошан, напротив, выплески-

вал негодование вслух, призывая на головы тех, кто придумал книги, всевозможные бедствия. Когда словесный поток иссяк, я поинтересовался:

— Я так понимаю, ты тоже ничего не нашел?

— А по мне не видно? — мрачно усмехнулся Хуошан. — Надеюсь, Ню Мо-ван [быко-головый князь демонов] услышит мои призывы и насадит на рога всех нечестивцев, которые пишут книги.

— Ты сам вызвался мне помочь, — напомнил я другу. — Я тебя за ханьфу не таскал.

— Даже мудрейшие мужи допускают ошибки, — беззлобно огрызнулся Хуошан.

Некоторое время мы шли в тишине, слушая журчание воды в фонтане.

— Вспомнил! — вдруг выпалил Хуошан.

Я непроизвольно дернулся от его резкого крика и недовольно взглянул на друга.

— Зачем так орать? Я не глухой.

— Короче, — не обращая внимания на мое ворчание, продолжил Хуошан, — помнишь историю про Си Цзиня?

— Легендарного заклинателя-отшельника с горы Шуан-Ди?

— Он самый. Каждый год в первый день весны он спускался со своей горы, приходил в деревню и уводил с собой одного ученика. Что случалось с предыдущими, никто не знал, но поговаривали, что старик питается их жизненным фохатом. Одного человека ему хватало ровно на год, а потом он возвращался за очередной жертвой. Те, кто встречал его в горах в середине года, отмечали, насколько молодо он выглядел, словно одним махом скинул полвека. А в деревню приходил сгорбленный немощный старик, который едва волочил ноги.

— Ну и к чему ты ведешь? — перебил я Хуошана. — Что мастера Лозы поглощают наш фохат, и оттого сила печатей слабеет?

— А чем тебе не версия? — набычился мой друг. — Мы ж не знаем, как действует этот «Червь клятвы». Может, он сосет наши силы и передает их паскудникам из Лозы. Вспомни этих стариканов — Тэнг Фухуа и Тэнг Диши. Они бодры как молодые тигры и лишь притворяются разомлевшими на солнце дряхлыми котами.

Сравнение старейшин с котами отчего-то так рассмешило меня, что я долго не мог успокоиться. Отсмеявшись и утерев выступившие слезы, я поднял руки, прося пощады.

— Признайся, — сквозь смех, выдавил я, — ты выдумал все это, чтобы доконать меня и вынудить оплатить твой поход в архивы?

— Еще чего, — горделиво вскинул подбородок Хуошан. — С друзей платы не беру. — Но тут же опомнился и скороговоркой добавил: — Однако, от двойной порции лапши с говядиной не откажусь!

«Я кровь от крови земли, плоть от ее плоти. Свет, заключенный во мне, явись и стань воплощением моей воли! “Объятия терний”!»

Циклопические подobia рук, сплошь усеянные острейшими шипами, проявились, повинаясь моему призыву. Несмотря на высокие потолки приемного зала Дворца Старейшин, призрачным рукам было здесь тесно. Дай им волю, и они разрослись бы еще больше. Но я держал печать под контролем, хотя видит Великий Дракон, мне это давалось нелегко.

«Объятия терний» — мощнейшая печать против толпы. С ее помощью заклинатели древности останавливали армии, превращая солдат в груды костей и мяса.

Сейчас передо мной стояли глава Фухуа, старейшины Тэнг Бинь и Тэнг Диши. Лишь на миг я дал себе волю и вообразил, как терновые длани сжимают всех троих, как рвется одежда, хрустят ребра и зал наполняется воем ужаса и боли. Руки опасно дернулись, но я вовремя спохватился и удержал печать. Лоб взмок, мышцы подрагивали от струящегося по телу фохата.

— Достаточно, — поднял руку глава Фухуа.

Я погасил печать и закусил губу. Всего лишь третья подряд, а я выжат почти досуха. Проклятый «Червь»!

— Теперь покажи еще раз «Пляску чертополоха».

Я мысленно выругался: эту печать я откровенно не любил. Пусть и считается, что заклинатель должен уметь использовать в бою не только фохат, но и собственное тело, мне больше нравилось разбираться с проблемами на расстоянии. В ближнем бою я чувствовал себя неуверенно, словно тигр в чайной лавке. Контролируй я печати лучше, и тому лозовцу, приятелю Шу, оторвало бы не руку, а голову. Шутка.

Отвлечшись на воспоминание, я утратил концентрацию, и наполовину сформированная печать ожидаемо осыпалась.

— Простите.

Я даже не стал пытаться начать «Пляску» второй раз.

— Сегодня ты не в форме, — холодно констатировал Тэнг Бинь. — В чем дело? Может, ты заболел? Или причина в другом? К примеру, что ты и твой друг не видите смысла стараться на благо нашего Дома?

Я сжал зубы, чтобы не выплеснуть все, что было на душе. Подозрения это одно, а прямые бездоказательные обвинения — совсем другое. Тем более в адрес главы и старейшин Дома.

— Ну что вы, уважаемый Тэнг Бинь, — пришел мне на выручку Тэнг Диши, — Полагаю, мы просто замучили Саньфэна этими бесконечными демонстрациями. Он всего лишь старший ученик. Не будьте к нему столь взыскательны. Как ты себя чувствуешь, мой мальчик?

Захотелось заткнуть уши, чтобы не слышать этот елейный стариковский тон, который проникал в душу и оседал там противной склизкой дрянью.

— Прошу прощения, уважаемые глава Тэнг Фухуа, старейшина Тэнг Бинь и старейшина Тэнг Диши, — я слегка поклонился. — В следующий раз подготовлюсь лучше.

— Иди отдыхай, Саньфэн, — великодушно разрешил глава Фухуа. — В ближайшее время ты нам не понадобишься.

Я сложил руки в почтительном жесте, развернулся и, преодолевая предательскую слабость, как можно быстрее зашагал к выходу из зала. В этот раз вопроса вдогонку не последовало.

Глава восьмая

Панцирь фарфоровой Ао был холодным и гладким. Статуэтки слонов соскальзывали с него, не желая выстраиваться в круг. Может быть, им надоело держать этот безумный мир?

Я задумчиво покатаю по столу хрустальный шарик величиной со сливу. Поднял двумя пальцами, сощурился, смотря сквозь него на заглядывающее в окно солнце.

Первой и главной проблемой было ослабление наших печатей. Второй — сидящий напротив Хуошан.

Друг и раньше, до войны с Лозой, не отличался терпением и здравомыслием. Глава Шаньюань долго сомневался, давать ли ему право называться старшим учеником, но в итоге вынужденно признал его силу.

Да уж, фохата моему вспыльчивому другу всегда было не занимать. Как объяснял учитель Лучань, дело в редкой аномалии строения тонкого тела, из-за которой сосуд Быкоголового был как бы двойным. Если судить по энергии, которую он мог одновременно вложить в печать, Хуошан намного сильнее меня и, возможно, даже лозяного гения Вэя. А от последнего во время нашей встречи в сливовом саду фонило изрядно.

Вот только, в отличие от белобрысого, Хуошан применял свои способности совершенно бездарно. Доступ ко второму сосуду открывался только в минуты эмоционального всплеска: чем больше друг злился, тем сокрушительнее и одновременно бесхитростнее становились его печати.

В ярость друг всегда приходил легко. Но если раньше он худо-бедно контролировал себя, то объединение Домов породило в нем — чего скрывать, во всех нас — протест, и в отличие от меня и Яньлинь сдерживаться Хуошан даже не пытался.

А самое паршивое, что на него смотрели другие ученики.

Слоны зашатались, и я едва успел их поймать, не позволив разбиться.

— Так о чем ты хотел поговорить?

Хуошану надоело наблюдать за моими попытками вернуть равновесие в шаткий мир черепахи и слонов.

— О твоём безрассудном поведении. Зачем ты устроил скандал в лавке башмачника, обвинив его, что он продал товар ученику Лозы? И во Дворце ты ни разу не появился, вопреки приглашению главы Фухуа. Да и к мастеру Ниу, которую назначили твоей наставницей, не ходил.

— Я не такой дурак, чтобы упорно стучаться в закрытые ворота. Долго еще собираешься подчиняться чужим правилам и изображать из себя послушного мальчика?

Захотелось взять Хуошана за шиворот и хорошенько встряхнуть: может, тогда образумится. Вместо этого я медленно повторил одну из мантр успокоения и только затем спросил:

— Считаешь, если мы сейчас сдохнем, это что-то изменит?

— Нужны мы им, мараить о нас руки! — фыркнул друг.

— Зачем-то наверняка нужны... Но если лозы решат, что хлопот от нас больше, нежели проку, могут и передумать. От бесполезных вещей обычно избавляются.

Никто не будет держать заклинателя, который не уважает правила Дома и старейшин — в Доме Шипа точно бы не стали. Мастера Лозы до сей поры закрывали глаза на выходки Хуошана: не иначе дали нам поблажку ввиду обстоятельств. Но я чувствовал, что их терпение вскоре иссякнет.

— Считаешь, у нас много шансов выжить в Серых землях? Сомневаюсь. Как сомневаюсь и в том, что другие Дома, до которых еще надо добраться, примут нас. Дом Лозы... Пока это наш единственный шанс продолжить Путь Света. Или ты хочешь последовать за Куаном?

Старший ученик Чжан Куан накануне покинул Дом — это было его собственное решение. Мы провожали друга всемером: я, Хуошан, Яньлинь и ребята пятой-шестой ступени. Куан шутил, говорил, что давно собирался навестить родителей и сестер, просил приглядеть за оставшимся в Доме младшим братом, строил планы на будущее и звал в гости при случае.

Вот только глаза у него были совсем мертвыми — и я надеялся, сопровождающий его мастер присмотрит, чтобы Куан не натворил глупостей. Перестать быть заклинателем... сама мысль об этом пугала.

— И ты предлагаешь молча подчиняться?

Хуошан все еще смотрел недовольно, исподлобья, словно подозревая меня в сговоре с Лозой, но тон убавил: видно, и его проняло.

— Я предлагаю вести себя благоразумно, согласно обстоятельствам. Прежде чем отбирать тушу буйвола у тигра, неплохо бы самому стать тигром, а не жуком, которого он смахнет хвостом и не заметит. Если Дому Лозы хочется считать нас учениками, следует притвориться учениками и взять все, что только сможем.

— Думаешь, они нас действительно приняли? Лозе верить нельзя.

Слова Хуошана ударили по больному месту.

За минувшие дни я прочитал десятки свитков в архивах, но так и не сумел выяснить, почему мои печати ослабли. И не только мои: другие ученики Шипа тоже жаловались на потерю сил. И это было странно. Заклинанием верности связали меня, Яньлинь, Хуошана и еще пяток учеников шестой ступени. А истощение зацепило и младших: Син даже расплакался, когда у него перестала получаться недавно выученная первая базовая печать.

Дело не в «Черве клятвы»? Тогда в чем?

Был бы рядом учитель Лучань, он объяснил бы, что происходит, или, скорее (наставник не любил прямых ответов), дал бы подсказку, в каком направлении искать. Мастер Цзымин... В положенные часы я приходил к дому старейшины Лозы, но тот избегал встреч, что лишь укрепляло подозрения.

Учитель... Мне его не хватало. Не хватало наших разговоров обо всем на свете, когда мы часами сидели на крыльце, любуясь закатом, а потом и звездным небом. Не хватало его поддержки и наставлений.

Я погладил слоника со щербатым хоботом. Прощальный подарок? Или на горе Тяньмэнь не нашлось места для фарфоровых безделушек, а выкинуть было жалко?

Я надеялся, учитель жив.

Я верил, мы еще встретимся — и эта вера хоть как-то позволяла примириться с ситуацией.

— Очень прошу, не давай им повода избав...

— Саньфэн! Старший брат, ты тут?!

В дверь тихо поскреблись. Не дождавшись ответа, забарабанили.

— Саньфэн!

Сюли? Только младших учениц мне сейчас не хватало!

В голосе девочки звучало настоящее отчаяние, и я, несмотря на стойкое желание притвориться, что меня нет дома, открыл дверь.

Кучерявые волосы, забранные в две загогулины, придавали ей сходство с молодой овечкой, и сейчас эта ярка, упершись ладонями в колени, тяжело дышала и явно была чем-то расстроена.

— Сюли? Что... Яньлинь?!

Старшая ученица обессиленно привалилась к стволу росшей возле дома сливы, сползла на землю. Разлохмаченные пряди падали на заплаканное лицо, а пучок походил на воронье гнездо. Наполовину оторванный рукав висел на нескольких нитках. Пояс отсутствовал, и Яньлинь стягивала края верхней накидки пальцами.

— Ты ранена?

Крови на ее одежде заметно не было, но это ничего не значило. Стоило мне приблизиться, Яньлинь взвизгнула и свернулась в комок. Сюли, сама напуганная и растерянная, бросилась ее утешать.

Мы с Хуошаном беспомощно переглянулись.

— Сюли, ты знаешь, что случилось?

— На старшую сестру напали.

Яньлинь не жаловалась, но я догадывался, она тоже не нашла общий язык с новыми соседками из Лозы. Мужчине лезть в женские разборки стыдно, но, похоже, шутки зашли слишком далеко...

— Кто?! — рыкнул побелевший от ярости Хуошан, напугав Сюли.

Младшая ученица помотала головой, всхлипнула. Только второй истерики нам не хватало!

— Воды лучше принеси, — осадил я друга. — И в красном сундуке лежат сушеные травы... Ай, ладно, забудь! — а то еще насыплет не того, тем более я и сам не уверен в правильности сборов. — Воду носи, черепаха!

Я опустил на колени перед Яньлинь.

— Тише. Спокойнее, — я поймал ее взгляд. — Дыши. Медленно. Вот так. Умница.

— Они... Я...

Яньлинь вцепилась в протянутую Хуошаном кружку. Руки у нее дрожали, зубы стучали о край, и добрая половина выплеснулась на одежду.

— Их было двое, подкараулили возле зала тренировок... Схватили... Смеялись... Там никто бы не увидел...

Я коснулся Яньлинь, и на этот раз она не отстранилась. Поднял на руки, занес в дом. Оказавшись под защитой стен, она слегка успокоилась.

— Мне удалось вывернуться. Убежать. Преследовали, но я... Добралась... На улице много людей, и они отступили...

— Кто это был?

— Старшие из Лозы... Шу... И Танзин, кажется.

Крысок! Сжатые в кулаки пальцы побелели от ярости. Не хватило силенок справиться со мной, решил взяться за моих друзей?! Без должного отпора совсем распоясались, уроды?! На кого они нападут в следующий раз? На младших учеников?

Шу нужно проучить! Осталось придумать, как это сделать и не попасться старейшинам.

— Убью гадов!

Хуошан откладывать месть не собирался. Рванул прочь из дома, так что пятки засверкали.

Я выругался: Быкоголовый! Полезет в драку, еще и при свидетелях — не расхлебаем! Перспектива изгнания, которой я пугал его пару минут назад, из гипотетической становилась вполне реальной.

Все это промелькнуло в голове за мгновение, но когда я встал, чтобы последовать за другом, Яньлинь вцепилась в запястье.

— Не уходи!

— Я скоро вернусь. — На счету было каждое мгновение. — Только остановлю этого барана. С тобой побудет Сюли. Я поставлю защиту. Они не посмеют сюда сунуться.

Яньлинь неохотно разжала пальцы.

Я активировал печать барьера, затем вторую, создавая летающий лепесток. Вскочил сверху, поднимаясь над домами. Заклинание левитации тратило уйму фохата, а потому изучали его мастера... и не в меру любопытные ученики, которые не прочь покопаться в архивах.

Зал тренировок, значит?

Шу с дружкойм вряд ли ушли далеко. Скорее всего, Хуошан подумал также и направился туда.

Солнце слепило глаза. Внизу проносились соломенные крыши и стиснутые домами людные улочки. Я едва не запутался в хвосте воздушного змея. Уклоняясь, пропахал борозду по скату, почти свалился, выправился — не иначе каким-то чудом.

Первым я заметил Шу.

Крысок с Танзином оккупировали восьмиугольную деревянную беседку и что-то в лицах обсуждали, гогоча и игнорируя недовольство окружающих. Завидев Хуошана, они переглянулись, обидно заржали.

Я бросился наперерез.

И опоздал. Друг атаковал раньше.

Рой шипов прошил воздух. Шу попытался защититься, но ему явно не хватало времени завершить заклинание. Танзин и вовсе не подумал испугаться.

Лозы спелись плотной стеной, окружая беседку. Хлестнули перед лицом Хуошана, вынуждая того отступить.

— Что здесь происходит?!

Только вмешательства первого ученика не хватало!

В роще Вэй не показался мне скотиной, но было бы глупо забывать, из какого он Дома и чью сторону, соответственно, примет. Трое на двоих — неприятный расклад, и если крысок и его подпевала опасения не внушали, то солнечный гений Лозы — другое дело.

— Ты же видел, они сами к нам полезли!

Шу благоразумно держался за спиной Вэя и довольно лыбился.

— Вы, уроды, напали на нашу подружку!

Хуошан плевал на последствия, точнее, под ноги первому ученику. Вэй на оскорбление отреагировал удивительно спокойно. Обернулся к приятелю, приподнял бровь.

— Мы просто хотели познакомиться с Яньлинь поближе. Она выглядела такой одинокой. У меня и в мыслях не было посягать на чужую девушку, — ослабилась Шу, отвечая на немой вопрос старшего. — Может, этому олуху стоило уделять больше внимания... подружке, тогда бы она не закатывала сяцзя [Публичная истерика, когда девушка ведет себя словно ребенок, требуя внимания партнера. В какой-то степени даже поощряется обществом].

На улыбку белобрысый не ответил.

— Шу, Танзин, Хуошан, пойдете со мной. Саньфэн, ты тоже.

— Раскоманд...

Я ткнул приятеля локтем в бок, покачал головой, кивнул на зевак вокруг.

— Не дури.

Что-то подсказывало: спорить с первым учеником себе дороже. Вэй был зол и не расположен дурачиться, как в прошлую нашу встречу. А людный сквер — неподходящее место для разборок.

Быстро выяснилось, что направляемся мы к Дворцу Старейшин. Плохо. Хуошану не стоило ждать снисходительности от главы Фухуа. Однако и Шу встрече с мастерами Лозы не шибко обрадовался. Сблестнул, догнал первого ученика, неуверенно схватил за рукав.

— Вэй, может, не надо вмешивать старейшин?

— Я тебя предупреждал, — высвободился тот.

Зачарованные двери отворились легко: нас ждали.

Сквозняк пронесся по залу, зашелестели свисающие с потолка камифуды [бумажные талисманы]. Закружил, играя, случайно залетевший во Дворец персиковый лепесток. Опасливо, словно боясь потревожить, дотронулся до склонившегося над сянци [китайские шахматы] старейшины Диши.

— Вэй, радость моя? — тот поднял взгляд от доски, растянул губы в слащавой до тошноты улыбке. — О! Да тут, никак, весь цвет Дома собрался? Что привело вас, драгоценные?

— Старейшины Тэнг Бинь, Тэнг Диши, — Вэй прижал кулак к ладони, склонился в приветствии. Я, помедлив, последовал его примеру. А потом жест повторили и остальные ученики, даже Хуошан. — Прошу прощения, что прервал вашу партию. Дело касается нарушения правил Дома и воли главы. И, вероятно, оскорбления чести девушки.

— Девушки, вот как? Слышите, уважаемый Тэнг Бинь, а наши мальчики, похоже, выросли.

Второй старейшина, дотоле сидевший неподвижно, резко повернул голову и уставился на нас немигающим кукольным взглядом. Проняло даже Хуошана, еще недавно собиравшегося разнести полдеревни в щепу. Шу и Танзин сникли, старательно изучали пол. В другой ситуации я бы позлорадствовал над рожами этих ничтожеств, но сейчас мне было не до того — на плечи давил невидимый пресс.

Старейшина Диши вздохнул, и «пресс» слегка ослаб:

— Девушка, значит... Девушек надо баловать. А оскорбление чести нехорошо, совсем-совсем нехорошо.

— Пятнадцать минут назад я остановил драку между Шу и Хуошаном. Танзин и Саньфэн, — Вэй покосился на меня, и в его голосе почудился упрек, — полагаю, не преминули бы вмешаться. Насколько мне известно, причиной послужило неподобающее поведение Шу и Танзина по отношению к старшей ученице Яньлинь.

— Мы просто пошутили... — заикнулся Шу.

— Они порвали на ней одежду! — не сдержался Хуошан, с ненавистью глядя на крысюка.

— Тише-тише, дорогие, не надо кричать, — всплеснул руками старейшина Диши, и те разом замолчали: похоже, не обошлось без воздействия. — Драка — это нехорошо. Глава Фухуа запретил драки между учениками. Мне очень жаль, — он удрученно покачал головой, — но придется вас наказать. Чистота в душе начинается с чистоты в доме, поэтому, надеюсь, уборка площади перед Дворцом поможет вам обрести гармонию в мыслях, а заодно лучше понять друг друга. Труд, он сближает.

На месте Тэнг Диши я бы на это не надеялся.

Зашевелился, привлекая к себе внимание, второй старейшина.

— Уважаемый Тэнг Бинь, вы хотите что-то добавить?

Тот кивнул, щелкнул пальцами — звук получился неожиданно звонким и резким. На Хуошана и Шу упала светящаяся зеленая сеть из фохата, впиталась в тело. Взгляд кукольных глаз переместился на меня, и я невольно напрягся: не знаю, какую именно печать использовал старейшина, но подозреваю и, судя по побледневшему лицу крысюка, не напрасно, та еще пакость.

— Тот, кто применяет силу, всегда должен думать о последствиях, — голос у Кукольника оказался под стать внешности, скрипучий и неживой. — Так урок запомнится лучше.

Тэнг Бинь отвернулся, и я облегченно перевел дух.

— Вы пугаете, уважаемый Тэнг Бинь, — мастер Диши почесал всклокоченную бороду. — Что касается причины драки... Полагаю, правильнее будет выслушать саму пострадавшую. Конечно, поговорить с Яньлинь следовало бы ее наставнице, но милую Орё вызвали к главе в исконный Дом. И сюда она прибудет не раньше часа петуха [6-8 часов утра]. Красавицы Веики и Инюэ сейчас инспектируют деревни. А мы не можем держать мальчиков тут до завтрашнего утра.

Судя по равнодушному взгляду Тэнг Биня, он не видел веской причины, которая помешала бы ему это сделать.

— Не можем! — настойчиво повторил старейшина Диши. — Поэтому, с вашего согласия, я возьму на себя обязанность опросить девицу Яньлинь. Полагаю, почтенные лета послужат

весомым аргументом, и меня не заподозрят в бесстыдных намерениях? — Кукольник моргнул, и старейшина Диши счел это за одобрение. — Вэй, драгоценный мой мальчик, сделай милость, приведи нашу обожаемую ученицу Яньлинь.

— Как прикажете, старейшина.

Солнечный гений поклонился и вышел.

Я не сомневался, что ему хватит сил разрушить наспех возведенный мною барьер. Но вот согласится ли пойти с ним Яньлинь? И если нет, что он будет делать? Прибегнет к силе? Не выполнит приказ?

Тэнг Бинь быстро утратил к нам интерес и вернулся к партии, полностью сосредоточившись на положении фишек на доске. В своей неподвижности он напоминал статую. Старейшина Диши, напротив, взял со столика чашку и прогуливался с ней по залу. Когда он проходил мимо, от чая повеяло горечью и топленым молоком.

Я недооценил обаяние Вэя.

Не прошло и получаса, как первый ученик вернулся. Я ревниво отметил, как доверчиво прижимается к нему Яньлинь. Завидев Шу, она испуганно попятилась, но возникший рядом старейшина Диши (и когда он успел преодолеть половину зала?) цепко подхватил девушку под локоток.

— Милая моя, ничего не бойтесь. Вам никто не причинит вреда. Если позволите, я хотел бы задать пару вопросов. Чаю?

Мастер потянул Яньлинь к дальней стене. Когда они проходили мимо, Хуошан было дернулся вмешаться, но одумался и промолчал, с опаской покосился на второго старейшину: похоже, полученный от Тэнг Биня урок слегка охладил пыл друга. Лозы сплелись, образуя тонкую ширму, на которой разыгрывался театр теней, весьма занимательный.

— ... значит, Танзин стоял здесь? А негодник Шу подкрался сзади и схватил вас так? Да?

Яньлинь взвизгнула, отшатнулась. Хуошан сжал кулаки. Шу скрипнул зубами, пробормотал под нос ругательство и тут же осекся. Танзин виновато мял конец пояса. Один Вэй выглядел до ужаса довольным.

— Простите, милая. Какой конфуз! Я не собирался вас там трогать. А дальше? Вы вывернулись вот так? Использовали печать... Потрясающе! Великолепно!.. Подождите немного: я разберусь с делами и сразу приду.

Вернувшийся Тэнг Диши напоминал обожравшегося сметаны кота.

— Какая мягкая девочка! Бери и делай с ней все, что хочешь! Податливая, как воск! Пожалуй, я обращусь к главе Фухуа с просьбой разрешить мне заняться ее обучением: Орёе просто не сможет раскрыть все глубины этого таланта.

Старейшина Бинь стукнул костяшкой, сделав ход, и Тэнг Диши опомнился, посмотрел на доску, потерял бороду.

— Ах, да, мальчики... Мальчики малость увлеклись. Я бы и сам, будь лет на сто моложе... — он причмокнул губами, вновь оценил позицию и поскущел. — Но, конечно, подобное обращение с девицами недопустимо. Полагаю, будет правильным вернуть старших учеников Шу и Танзина в исконный Дом. И донести до их наставников о случившемся. А те сами пусть решают, к каким воспитательным мерам прибегнуть.

— Через час жду вас обоих у вторых ворот, — Тэнг Бинь поднялся. — Соберите вещи.

Скривив недовольные рожи, Шу с Танзином поспешили покинуть зал. Глупо было рассчитывать, что крысюка действительно накажут. Но, по крайней мере, какое-то время Шу не будет мозолить глаза, а потом я придумаю, что с ним делать.

— Вы тоже идите-идите, — рассеянно махнул Диши и скрылся за ширмой из лозы. — А вот и снова я, милая. Соскучились?

— Яньлинь...

Я незаметно наступил Хуошану на ногу, потащил за собой. Давление Тэнг Биня усилилось, гоня нас из Дворца. Мне тоже не хотелось оставлять Яньлинь наедине с озабоченным стариком, но перечить проклятому Кукольнику — самоубийство.

Старейшины, как-никак, не должны ученицу обидеть.

На улице дышалось легче.

Проклятье! И часа не прошло, а чувство, что целый день бегал по холмам с мешком на плечах. С другой стороны, могло быть и хуже.

— Сейчас я им такую уборку устрою! — пообещал Хуошан.

Взмахнул руками, собираясь выплеснуть негодование в печать. А то и не одну.

— На твоём месте я не стал бы использовать фохат ближайшие несколько часов, — вмешался Вэй, благоразумно не приближаясь к Быкоголовому. — «Тля» весьма неприятная штука.

— «Тля»?..

— Она так хитро нарушает работу внешних энергетических каналов, что печать рассыпается прямо у тебя в руках. Ещё и откат схлопочешь. Если использовать сильное заклинание, говорят, «Тля» может даже убить на месте, но в данном случае, думаю, отделаешься легким ожогом.

Хуошан все-таки рискнул призвать шипы, убедился, что белобрысый прав. Выругался и пнул статую у входа.

— Карающий Перст Бинь сегодня был крайне снисходителен, — заключил Вэй, улыбнулся: — Нам еще повезло.

Хуошан мрачно уставился на первого ученика, подозревая, что тот изошренно издевается.

— Идем, — тронул я друга за плечо, пока он снова не сорвался. — Раньше начнем, раньше закончим.

— А ты сам разве не можешь снять с меня эту гадость?

Я покачал головой: структура печати старейшины была слишком сложной и крепкой. А даже если бы мог, то не стал бы. Сомневаюсь, что Тэнг Бинь простит самоуправство. Да и полдня без фохата пойдут Хуошану на пользу: может, до него дойдет, насколько неустойчиво наше положение в Доме.

— И это по-твоему справедливо?! — негодовал Хуошан. — Нам тут горбатиться, а этих просто выслали.

— В нашей деревне есть свой Дворец, и площадь перед ним, — многозначительно заметил солнечный гений. Задумался, неожиданно предложил: — Вам помочь? В конце концов, мне следовало лучше приглядывать за своими.

— Обойдемся, — буркнул Хуошан.

Вэй настаивать не стал. Видно, он тоже скептически относился к сближающей силе совместного труда.

Глава девятая

Первая из двенадцати великих мудростей гласит: путь к вершине складывается из тысячи крохотных ступеней. Шестая — правилам должно следовать, пусть некоторые из них, на первый взгляд, и кажутся бессмысленными.

Как и было предписано, утром, в час обезьяны, я вновь посетил дом мастера Цзымина.

Я ожидал, что у ворот меня привычно остановит наглый служка и вновь сообщит про отсутствие старейшины, но сегодня створки оказались распахнуты, приглашая войти. Не было Пинга и во дворе — чисто выметенном и избавленном от сорняков, до которых у прежнего хозяина обычно не доходили руки.

Я нерешительно замер перед дверью, прислушиваясь к тяжелым шагам в доме. Но прежде чем выбрал, каким образом подобает сообщить о своем появлении, старейшина не терпящим возражений тоном приказал:

— Входи!

Внутри дом мало изменился. Сохранилась даже мебель. Стол, комод, расписанные масляными красками сундуки и плетеные из луба коробки новый хозяин, расчищая место, сдвинул к дальней стене, словно не полагал себя вправе распоряжаться чужим имуществом или прежде чем выбрасывать, хотел убедиться, не завалилось ли внутри чего ценного.

— Садись.

Я не видел старейшину Цзымина с самой церемонии: на демонстрациях, что меня заставляли устраивать для Дома Лозы, он отсутствовал. Видно, старшие печати Шипа не сильно его интересовали.

Молчание затягивалось. Тэнг Цзымин, нахмурившись, рассматривал меня — без любопытства, скорее, как докучливую обязанность, которой ему не хочется заниматься, но и откладывать уже не позволяют правила приличия. Капли разбивались о дно стеклянной клеписдры — я успел досчитать до сотни, когда старейшина вздохнул и неохотно сказал:

— Буду честен с тобой, Саньфэн: я не знаю, чему могу тебя научить.

Не думал, что кто-то из Лозы после всех лживых уверений в равенстве открыто признает нежелание посвящать нас в секреты Дома.

Я поднялся, поклонился, собираясь уйти.

Архивы они пока не догадались закрыть: для начала мне хватит и хранящихся в них общедоступных свитков. А позже можно подумать и о тех, что хранятся под замком в секретном зале. Пусть без наставника будет непросто, но я научусь сам и научу других.

— Сядь! — с изумлением, переходящим в раздражение, велел Тэнг Цзымин. — Я не отпускал тебя.

— Вы сказали, что не собираетесь меня учить, — напомнил я старейшине его же собственные слова.

— Я не говорил, что не собираюсь. Я сказал, что не знаю, — поправил он, уставился на меня, и в стального цвета глазах промелькнула странная озабоченность, словно собеседник видел что-то, неведомое мне, и это ему очень не нравилось.

— Хуже точно не будет, — решил он, но объяснять ничего не стал, а спросил: — Ты наверняка заметил, что в последние дни твои заклинания ослабли?

Я промолчал, и старейшина Цзымин недовольно напомнил:

— Когда старшие о чем-то спрашивают, принято отвечать. По крайней мере, среди воспитанных людей.

— Я думал...

— Ты думал, что способности учеников из Дома Шипа нарочно подавили?

— Да, — сказал я с вызовом. Видит Извечный Свет, я не хотел этого, но если он добивался признания, пускай слушает: даже если меня потом и накажут за непочтительное отношение к Дому. — Чтобы мы не взбунтовались!

— Ну конечно же!

Тэнг Цзымин раздраженно, гулко впечатывая шаги в доски, прошелся туда-сюда по комнате, но, как ни странно, злился он не на меня.

— Стоя на вершине, так легко не заметишь мелкий камешек у ее подножия! Обладая знанием, забываешь, каким искаженным видят мир те, кто этого знания лишен.

Он в задумчивости взял стоявшую на комодке резную шкатулку из красного дерева, встряхнул, прислушиваясь к звуку.

— Какие, однако, сокровища можно отыскать в здешнем хламе. Пожалуй, тебе хватит двух... трех.

Три изумрудных камешка легли в мою ладонь.

— Остальное я пока придержу у себя, дабы не вводить тебя в искушение, — старейшина поставил шкатулку на место. — Это кристаллизованный фохат. Штука ценная и достаточно редкая. Проглоти их.

Он хочет накормить меня галькой?!

— Травить тебя мне незачем.

На вкус камни оказались словно... обычные камни. Они тяжестью упали в желудок. А затем внезапно стало легко. Хорошо, как уже давно не было. С плеч будто сняли невидимый груз. Я мог бы сотворить сотню старших печатей подряд и даже не устать! Я мог бы пробежать вокруг деревни десяток раз и не запыхаться.

Тэнг Цзымин, склонив голову и заложив руки за спину, наблюдал.

— Подействовало? Прекрасно. А теперь попробуйся меня убить.

Чего?! Он шутит? Если так, мне совершенно не смешно. Неужто старейшина Цзымин забыл о клятве преданности Дому Лозы, которая связывала меня по рукам и ногам? О том, что я сдохну, если нарушу ее?

— Кажется, я ясно отдал приказ? — в голосе старейшины лязгнул металл. — Попробуйся убить меня, Саньфэн.

Я медлил. Сила бурлила в крови, требовала выхода, но я не настолько глуп, чтобы пойти у нее на поводу и забыть об осторожности.

— Если вдруг у тебя получится, — губы Тэнг Цзымина изогнулись в усмешке, словно он видел ход моих мыслей так же ясно, как вершину горы Шуан-Ди в солнечный день, — никто не посмеет обвинить тебя в неверности. Не знаю, какие порядки были в твоём старом Доме, но у нас приказ учителя имеет для ученика первостепенное значение. Или отсутствие дисциплины — вина твоего прошлого наставника? Неудивительно. Чего еще ожидать от заклинателя, который и сам часто пренебрегал правилами.

— Не смейте говорить так об учителе Лучане! Вы... — я вовремя опомнился, прикусил язык.

— Я что? Договаривай, Саньфэн.

Я угрюмо молчал, и Тэнг Цзымин продолжил сам.

— Я и подошвы сандалии его не стою, ты это собирался сказать? Похоже, должному воспитанию учеников мастер Лучань уделял возмутительно мало внимания.

Проглотить оскорбление? Опять? Слова — это просто слова, ложь не ранит, если ей не позволить. Гораздо важнее наказ учителя Лучаня. Я должен использовать любую возможность для роста. Мне нельзя ссориться со старейшиной Цзымином.

Нужно извиниться. Сесть. Склонить голову.

Я остался стоять.

— Хочешь меня убить, Саньфэн? По глазам вижу, что хочешь. У тебя мое разрешение, приказ. Так почему медлишь? Или ты трус?

Я до крови куснул губу. Замолчите!

— Чжан Лучань воспитал ничтожного труса? И это его наследие, которым он гордился?

Если он не замолчит, я...

— Позор. Никчемный ученик никчемного наставника.

Никто, слышите?! Никто не смеет насмехаться над учителем!

«Я кровь от крови земли, плоть от ее плоти. Свет, заключенный во мне, явись и стань воплощением моей воли! “Рой шипов”!»

Атака увязла в щитах из лозы, но неудача только сильнее разъярила меня.

Пусть это хитрость, чтобы обвинить меня в нападении на мастера, плевать! Ненависть и боль, что я сдерживал внутри себя, усмирять и запирали на стальные засовы долга и безразличия, выплеснулись наружу.

«Я кровь от крови земли, плоть от ее плоти. Старшая печать — “Ловушка терний”!»

Доски пола взорвались шипами в человеческий рост, грозя насадить врага, как бабочку на спицу. Но Тэнг Цзымин играючи уклонился и даже рук не показал. Словно просто издевался!

«Свет, заключенный во мне, явись и стань воплощением моей воли! Старшая печать — “Танец дикобраза”».

Я сотру снисходительную улыбку с лица старейшины Лозы!

«Старшая печать — “Объятия терний”».

За унижения и насмешки!

«Спицы колеса вечности».

За издевательства над Яньлинь и Хуошаном!

«Пасть зверя».

За смерть Минджу и Линга! За старейшину Юи. За искалеченного Куана. И за остальных тоже!

«Старшая печать — “Стрелы богов войны”».

За учителя!

Я убью эту тварь из дома Лозы! Каждую тварь!

«Старшая печать...»

Заклинание осыпалось, не сформировавшись. Сосуд пуст? Как не вовремя! Враг прямо передо мной! Рукой дотянуться! Я еще могу сражаться! Даже если мне придется сдохнуть самому, я убью его! Хотя бы его!

«Когти тигра»...

— Достаточно, Саньфэн!

Превращенные в шипы пальцы увязли во внезапно окружившей меня лозе. Лианы змеями оплели руки и тело. Вздернули в воздух, распиная.

Попался? Еще нет!

«Клинок леса»...

Лоза впиалась в шею, оборвала заклинание. Я дернулся, пытаюсь освободиться, но живые путы связали крепко. Инстинктивно ударил чистым фохатом — лоза дрогнула, но лишь стиснулась сильнее.

Кровь стучала в висках. Мышцы готовы были порваться от напряжения.

Дышать... нечем.

Сквозь сгущающуюся тьму донесся спокойный голос Тэнг Цзымина.

— Достаточно. Если продолжишь использовать печати, выгоришь.

Петля вокруг шеи ослабла ровно настолько, чтобы позволить сделать вдох. Я висел между полом и потолком, жадно хватая губами воздух. Следил за малейшим движением врага. Ждал.

В дверь заколотили. Послышался встревоженный голос Пинга.

— Наставник Цзымин, что у вас там...

— Пошел вон!

От рыка старейшины заложило уши, я потряс головой, тшась избавиться от звона. Зато снаружи все стихло — и это радовало: не хватало еще, чтобы обезьяний сын увидел меня в таком положении.

— Бестолочь, — безжалостно прокомментировал старейшина. — Преданный и старательный, но никогда не слушает, что ему говорят, — он обернулся ко мне. — Теперь насчет тебя... Ты-то, надеюсь, готов слушать? Или все еще злишься?

Я промолчал. Слушать его я не хотел, но когда трепыхаешься под потолком, беспомощный, опутанный лозой, выбор не больно-то велик.

— Злишься, конечно, — сам ответил на вопрос Тэнг Цзымин. — Хотя я сказал правду: Чжан Лучань — человек своевольный.

Не способный освободиться, я глухо зарычал.

— Что не мешает ему быть сильным и достойным уважения заклинателем. А потому мне не хочется становиться свидетелем того, как ненависть съест изнутри его любимого ученика. Превратит в ожесточенное огрызающееся на весь мир ничтожество.

— Я не ничтожество!

— Значит, по прочему возражений нет? Или найти зеркало? Зрелище, скажу прямо, отвратительное. Твой бывший наставник сильно расстроился бы, увидь он тебя в таком виде. Благо, я могу оградить его хотя бы от этого.

— Не смейте теперь притворяться его другом!

— Другом? — переспросил Тэнг Цзымин. — Нет, Саньфэн. Мы с твоим учителем не друзья, — старейшина прошелся по комнате туда и обратно: его тело словно требовало непрерывного движения, и он не мог устоять на одном месте. — Но и не враги. У нас общий путь и схожие взгляды, как следует идти по этому пути. Тебе я, кстати, тоже не враг.

Каждое предложение он завершал небольшой паузой, то ли что-то обдумывая, то ли давая время на размышления мне. Дармовой фохат перестал бурлить в крови: короткая схватка опустошила меня. Навалилось привычное, как после тренировок, изнеможение.

— Шип ненависти не вытащить из сердца за один раз, — продолжал Тэнг Цзымин. — Может быть, не вытащить вообще, но мы попытаемся. Со временем ты поймешь: никто не хочет навредить ни тебе, ни твоим... братьям и сестрам из Шипа. Никто из мастеров, — уточнил он. — Среди учеников Лозы тоже полно бестолочей.

Он остановился, обернулся.

— Я могу отпустить тебя, не опасаясь, что ты продолжишь разносить мой временный дом в щепки?

В щепки? Комната была цела и невредима — и это после десятка активированных старших печатей! Тэнг Цзымин не сражался со мной, всего лишь позволил выплеснуть ярость, как обиженному ребенку разрешают поколотить тюфяк. Оказывается, несколько минут в подвешенном состоянии прекрасно способствует очищению мозгов.

— Да.

— Даже если я разрешил себя убить, это не значит, что я потерплю неуважительное отношение.

Тэнг Цзымин ждал, и я неохотно выдавил:

— Да, ма...

Бровь старейшины дернулась.

— Да, наставник Цзымин.

Слова оставили на языке вяжущий горьковато-сладкий привкус, как неспелые ягоды рябины.

Лозы дрогнули, будто колеблясь, распутались, осторожно опуская меня на пол, и исчезли. Я потер шею, покрутил запястьями, прислушиваясь к ощущениям, — обошлось без вывихов. Сел, приняв позу внимания.

Старейшина удовлетворенно кивнул.

— Время сгладит углы, а пока поступим так. В следующий раз, когда ты почувствуешь обиду на Дом Лозы, вместо того, чтобы оправдывать свое бездействие дурацкой клятвой, ты бросишь вызов мне. Обещаю, что не откажусь от поединка, и никакого наказания не последует.

Я промолчал.

— Саньфэн, не вынуждай меня думать, что я разговариваю со стеной.

— Да, н-наставник, — неохотно отозвался я.

Пользоваться его великодушным предложением я не собирался: слишком наглядно мне продемонстрировали, насколько велика разница между учеником и мастером.

— Вот же свалился мне на голову второй упрямый баран! — теперь старейшина смотрел на меня с досадой. — Если чувства постоянно держать в цепях, рано или поздно они порвут оковы и уташат в пучину безумия. Потеря самоконтроля... Надеюсь ты осознаешь: для ученика твоего уровня это непозволительная ошибка. Что если бы тебя спровоцировал не я, а кто-то другой? Мог пострадать и ты сам, и все вокруг. Даже непричастные.

Он был прав, и это злило, но нынешняя злость не шла ни в какое сравнение с тем безумием, что владело мной недавно.

— Простите. Этого больше не повторится.

— Хорошо. А теперь вернемся к изначальной теме нашего занятия — снижению эффективности заклинаний бывших учеников Шипа и почему я не знаю, как и чему тебя учить.

Если я что и вынес из «трепки», так это то, что мастерам Лозы не было никакой нужды блокировать нашу связь с Кристаллом.

— Пожалуй, начнем мы... да, с основ. Как тебе хорошо известно, Извечный Свет пронизывает весь мир. Где-то его поток плотнее, в иных местах, как в Серых землях, он рассеян и почти не ощутим.

Тонкие ручьи света, начиная свой путь с Окраины, сливаются друг с другом, превращаясь в Меридиане в семь полноводных рек, что встречаются в центре мира. Там, где находится Великий Белый Дом.

На медном диске, висевшем во Дворце Старейшин, карта потоков напоминала закручивающиеся спиралью павлиньи перья.

— Заклинать Извечный Свет мы не способны. Поэтому нам и нужны Кристаллы — чтобы преобразовать его в фохат, необходимый для магических техник.

Прямо как рыбаки запружают реку, чтобы ловить карасей.

Пока мастер Цзымин не сказал ничего нового.

— Фохат можно поделить на семь типов, которые для удобства принято обозначать цветами в соответствии с базовым элементом. Перечисли их.

— Красный — огонь, оранжевый — зверь, желтый — камень, зеленый — дерево, голубой — ветер, синий — вода, фиолетовый — металл.

— Верно, Саньфэн. Нетрудно догадаться, что Старшие Дома получили свои названия и специализации по основному типу используемого фохата.

Тэнг Цзымин сделал паузу, подчеркивая важность дальнейших слов.

— А теперь я хочу, чтобы ты попытался осознать. Окружающий нас фохат неоднороден и всегда представляет собой сочетание нескольких базовых элементов. Если говорить о господствующем над нашими землями Зеленом Доме, он не использует только дерево, просто дерево составляет минимум половину в структуре каждого заклинания Зеленых и их вассалов.

Я наморщил лоб, и старейшина огляделся в поисках того, что продемонстрировало бы его слова. Задержался на алтаре предков и лежащих на нем подношениях.

— Лепешка... Да, пожалуй, хорошее сравнение. Кто-то добавляет в них тертую репу, кто-то — зеленый лук, мед, орехи, но основа остается неизменной — мука, яйца и молоко.

Печати — это лепешки? Я не удержался и хмыкнул.

— Кристаллы всего лишь копии Сердца Мира, что было создано Великим Драконом, основавшим Белый Дом. Копии несовершенные, ибо никто из учеников Великого Дракона, распространявших учение о Пути Света по всему миру Спектра, так и не смог сравняться с учителем. И если Старшим Домам дозволен цвет, то Младшие Дома довольствуются оттенком. У Дома Лозы он салатный. У Шипа — изумрудный. Соответственно, магические печати создавались, опираясь на доступный нам оттенок — отсюда и берут корни различия в техниках Домов.

Поэтому учитель сказал, что Кристалл Лозы нам не подходит? Кажется, я начинал понимать, почему глава сдался: и в озере, и в море плещется вода, но напиток получится только из озера.

— Кристалл Шипа разрушен, и фохат нужного оттенка постепенно рассеивается. Мне просто не хватает энергии для печатей?

— Верно.

— Почему об этом не рассказывают ученикам?

— Ученикам и так есть чем занять свои беспокойные головы, например, созданием хлопот их наставникам, — съязвил Тэнг Цзымин. — Младшие Дома обычно расположены далеко друг от друга и редко общаются, поэтому даже не замечают разницу в оттенках фохата. Дома Лозы и Шипа, скорее, исключение. Да и если подумать: что это знание меняет?

Ничего... наверное.

Я и так понимаю: вся магия, которая когда-либо станет доступна мне, жалкий осколок чужой магии. В центре мира живут люди, почти взошедшие на одну ступень с богами, и сколь усердно я не тренировался бы, даже сотни жизней не хватит, чтобы приблизиться к ним.

Но я благодарен Белому Дому за то, что они создали искусственные Кристаллы и даровали их жителям Окраины.

Ведь даже осколок силы — это оружие против разбойников и дикого зверья. Это лекарства от болезней и долголетие — полторы сотни лет здоровья и бодрости вместо пятидесяти, отведенных обычным людям. А еще всегда остается шанс, пусть он ничтожно малый, что тебя сочтут достойным и возьмут в Зеленый Дом.

Даже осколок магии лучше, чем ничего.

— Вот и выходит, что я не могу учить тебя техникам твоего Дома, потому как не владею ими. Более того, это тупиковый путь: примерно в течение года изумрудный фохат в этой области рассеется полностью.

— Печати Лозы? Почему вы не хотите показать мне их?

Усыпленная было подозрительность пробудилась вновь.

— Это опасно, но не для Дома, как ты подумал...

Я пристыженно отвел взгляд.

— Для тебя самого. Когда гончар берет глину, она оставляет следы на руках. Когда ты используешь заклинания, фохат оставляет следы в твоём теле, и чем чаще ты призываешь печати, чем мощнее они, тем изменения сильнее. Я могу показать тебе любую старшую печать Лозы, но если ты сейчас попробуешь применить ее, то в лучшем случае — ничего не получится.

— А в худшем?

Старейшина пожал плечами.

— Зеленый Дом. Ведь он использует разные техники, в том числе Шипа и Лозы, или я не прав?

— Сомневаюсь, что они поделятся этим секретом с нами. Поэтому единственный путь, который мне приходит в голову, — начать с основ. У учеников четвертой ступени и младше

неплохие шансы. У тебя... Глава Фухуа надеется, что у тебя, Хуошана и Яньлинь получится объединить знания обоих Домов.

Начать сначала? Объединить техники или хотя бы приспособиться к оттенку иного Кристалла. А если нет? Если я не смогу использовать печати Лозы? Сдаться? Наблюдать, как Сюли и Лин — те, кто всегда был слабее — уходят вперед, и не иметь даже шанса догнать их?

Как бы не так!

Учитель Лучань верил, что я справлюсь, в противном случае он бы не поручил мне присматривать за другими учениками. Заклинателям с Меридиана плевать на оттенки, а значит, способ использовать фохат чужого Кристалла есть. А раз он есть, я обязательно его найду!

Глава десятая

Сегодня Пинг был на месте. Старательно взбивал метлой пыль, не замечая, что она тут же оседает обратно на землю и полы длинного ханьфу, которое он не удосужился подвязать перед работой. В ответ на приветствие Пинг что-то угрюмо буркнул под нос: вряд ли это было пожелание доброго утра и крепкого здоровья.

Пожав плечами, я пересек двор, поднялся на крыльцо. С внезапной опаской — вспомнив о вчерашнем — потянулся к двери, но замер, так и не решившись постучать. Внутри спорили.

— ...кто-кто, а ты должен понимать, насколько опасно, не имея знаний, смешивать техники двух Домов, — мастер Цзымин сердился, и это неприятно напомнило о вчерашней взбучке. — Знать о существовании пути через топи и отыскать его — разные вещи!

— Саньфэну вы позволите попробовать! И Яньлинь! И даже Хуошану! Хотя, по мне, безопаснее дать мартышке зажженный факел и запустить в амбары с мукой.

Вэй? Откуда в голосе солнечного гения столько... обиды?

— Сомневаешься в мудрости главы? Однако дерзкие нынче ученики.

Интересно, а если белобрысый продолжит упрямиться, его тоже «подвесят»? Или с ним такой трюк не пройдет? Вопрос остался без ответа, потому как Вэй оказался благоразумнее, чем я вчера, и отступил:

— Нет.

— Если бы глава Фухуа видел иное решение, мы бы не стали так рисковать. К сожалению, у учеников Дома Шипа нет иного шанса.

Несколько секунд за стеной царило напряженное молчание: то ли Вэй обдумывал сказанное, то ли набирался решимости продолжить спор.

— Вам не кажется, что это... нечестно?! Полагаете, мне нужно позволить другим таскать каштаны из огня? Дождаться? Чего?! Главного блюда или объедков с чужого стола?

Как хочешь, так и понимай, что именно солнечному гению показалось нечестным. То ли белобрысый слишком добродетельный и не собирается загребать жар чужими руками, то ли боится упустить шанс стать еще сильнее.

— Наверно, я должен был спросить об этом раньше, — старейшина... вздохнул? — Чего ты хочешь добиться, Вэй? Не сейчас. Не в ближайший год или два. Зачем ты решил изучать Путь Света? Ты думал об этом?

Разговор становился все интереснее и интереснее.

— Все просто. Согласно Колесу Судьбы, у каждого человека в этом мире есть настоящий друг и настоящий враг. Я хочу найти их!

Судя по запинке, Тэнг Цзымина, как и меня, ответ озадачил.

— Будто сейчас у тебя мало друзей!

— Это не то! Даже младшие мастера, не говоря о прочих, никогда не воспримут всерьез ученика, а Зихао еще и дует за тот дурацкий поединок. Тай — нытик, который после провала десятилетней давности уверен, что упустил время и уже ничего не достигнет, а потому почти сдался.

— Он, правда, так думает?... Глупости! Ему всего тридцать.

— Шу — болван: в черепашке вместо мозгов уязвленная гордость. Танзин повторяет слова Шу. Хуошан меня ненавидит. Девушки... странные: вечно сочиняют какую-то ерунду и сами в нее верят. Саньфэн...

Дверь вдруг отворилась, явив мне взбудораженного солнечного гения — а я даже шагов не различил!

— Эй, Саньфэн, хочешь быть моим другом?

От неожиданности я послал его ловить демонов в горах Кху Ям.

— Вот! Вы сами все слышали! — триумфально заключил белобрысый, с многозначительной улыбкой глядя на меня.

Давно он догадался о моем присутствии? И как мне теперь себя вести? Оправдываться? Лучшая защита — нападение.

— Ты что тут делаешь?

— Да, собственно, то же, что и ты. Вкушаю горькие плоды из садов мудрости предыдущих поколений. Видишь ли, этот вредный старикан, — за спиной выразительно кашлянули, и первый ученик поспешно поправился, — то есть я хотел сказать глубокоуважаемый и многопочитаемый старейшина Тэнг Цзымин — и мой учитель тоже.

А вчера, значит, белобрысому в «плодах» отказали? Старейшина заранее предполагал, чем обернется встреча и избавил меня от публичного позора? Пожалуй... за это следовало быть благодарным.

— Саньфэн, надеюсь, ты все же сочтешь нужным зайти, — позвал мастер Цзымин. — Слова как тепло от костра — чем дальше находишься, тем меньше долетает, а я не привык говорить попусту.

Я разулся и опасливо прошел мимо Вэя в дом.

Сегодня по сравнению со вчерашним Тэнг Цзымин выглядел еще более раздраженным: не иначе из-за спора с белобрысым. На меня он посмотрел с ожиданием, словно спрашивая, пошел ли на пользу вчерашний урок. Пошел: лишь идиот хватается голой рукой за раскаленный прут дважды. Я мысленно попросил прощения у учителя Лучаня и приветствовал старейшину, как и подобает ученику встречать наставника.

Тот удовлетворенно кивнул. Велел:

— Садитесь!

Вэй опустил на пятки, уставившись на Тэнг Цзымина с нарочитым обожанием. Тот поморщился, но упрекать в паясничестве не стал, вместо этого снял со стены бумажный веер и выразительно хлопнул по ладони. Белобрысый вздрогнул: похоже, этим веером ему прилетало не раз и не два.

— Перед тем, как мы приступим непосредственно к занятиям, — заговорил наставник, убедившись, что мы слушаем, — я хочу сообщить вам: дата экзамена в адепты определена. Испытания состоятся в начале нынешней осени.

— Пару лун назад вы говорили о трех годах, — перебил Вэй и с елейной улыбкой добавил: — Учитель, при всем уважении, ваша память определенно слабеет. Может, вам обратиться к старейшине Диши? Наверняка он не откажется сварить пару укрепляющих пилюль. Или, если опасаетесь огласки, я готов предложить вам собственную помощь, хоть моим умениям и далеко до мастерства главного зельевара Дома.

Белобрысый сейчас... нарывался? Первый ученик он или нет, но в Доме Шипа не простили бы подобной наглости. Даже учитель Лучань, взбреди мне в голову безумная идея дерзить ему.

Тэнг Цзымин хлопнул веером о ладонь, словно раздумывал, не познакомить ли его поближе с чьей-то бессовестной мордой.

— Что? — не испугался Вэй. — Я просто беспокоюсь о здоровье моего драгоценного учителя: бурная молодость и возня с бестолковым мной не проходят даром.

— Ты закончил спектакль? Тогда я продолжу.

Неужели старейшина оставит выходку без внимания?

— Столкновение Домов нарушило баланс фохата в ближайших землях, а потому гора Тяньмэнь откроется раньше срока.

Гора Тяньмэнь? Получается, экзамен Лозы будет проходить неподалеку от святилища, куда сослали наших мастеров? Возможно, у меня даже появится шанс встретиться с учителем!

— Саньфэн!.. — судя по повышенному тону, окликали меня не в первый раз. — Может, мне стоит уйти и вернуться, когда вы оба будете настроены слушать?

— Прошу прощения, наставник.

— Кого именно допустят к испытаниям, определит совет старейшин. На мой взгляд, вы оба пока не готовы, — Тэнг Цзымин многозначительно посмотрел на Вэя. — А потому, надеюсь, подойдете к тренировкам со всей серьезностью и прилежанием, потратите оставшееся время с пользой, а не на глупые эксперименты и шалости. Дабы не ждать десять-пятнадцать лет следующего шанса.

— Мы постараемся не разочаровать вас, учитель, — ответил за нас обоих солнечный гений. — Продemonстрируем всё, на что способны.

— Тогда, если нетрудно, продемонструируй нам первую базовую технику дыхания. И постарайся сохранить ясный рассудок: хоть ты всего пол луны живешь вдали от Кристалла, высокая концентрация фохата может с непривычки опьянить.

Вэй озадаченно кивнул. Солнечный гений явно ожидал чего-то иного — повторения старших печатей, к примеру. Но без возражений принял позу медитации,

Тэнг Цзымин перевел взгляд на меня:

— Смотри внимательно, Саньфэн.

Правильное дыхание — основа основ. Похоже, как мастер Цзымин и говорил вчера, мне предстоит учиться словно ребенку, с самых простых вещей.

Вэй дышал немного иначе, нежели было принято в Доме Шипа. Долгий вдох и равнозначный выдох плавно перетекали один в другой, Я посчитал — семь и три четверти секунды против привычных шести с половиной.

— Следи за энергетическими потоками.

Я зажмурился, открыл глаза, переходя на другой слой зрения. Мир помутнел, выцвел, став серовато-болотным. Сам Вэй превратился в светлое пятно, на котором сияли семь «звезд», семь центров притяжения, в которых собиралась текущая по телу белобрысого энергия. Одни едва тлели, другие ослепляли, как, например, «звезда» у основания позвоночника.

Рисунок был мне знаком (как-то мастер Лучань заставил нас с Хуошаном целый час пялиться на тонкие тела друг друга). Но одновременно неуловимо отличался. От этого крохотного отличия, похоже, как раз и зависел оттенок используемого фохата. Жаль, я не могу посмотреть на себя со стороны и сравнить детально.

— А теперь попробуй сам.

На первый взгляд, ничего сложного.

— Не закрывайся, Саньфэн. Позволь фохату течь свободно.

Одиннадцатая великая мудрость говорит: прежде чем воин заслужит меч полководца, он должен пройти десять битв. Старостой деревни избирается тот муж, который собрал сто мер риса, забил пять овец, построил дом и вырастил двух сыновей. Прежде чем отрок взнуздает лошадь, он снесет на конюшню двадцать ведер воды и двадцать же охапок сена, вычешет двадцать раз гриву.

Заклинатель тоже сначала учится чувствовать поток фохата, его течение, законы, и только затем менять. Понимание — первый шаг. Для того и нужны базовые техники дыхания. Плотность поля оказалась неожиданно высокой, учитывая удаленность от Кристалла. Вероятно, мастер Цзымин создал в комнате локальную область с близкими к Дому Лозы условиями.

Всего-то и требовалось, что взять этот непривычный фохат. Пропустить через себя. Вдох, выход. Вдох. Не спешить. Выдох. Вдох, одновременно с Вэем. Выдох — с ним же. Белобрысый — отличный ориентир. Вдох... Старейшина Цзымин одобрительно кивнул, значит, у меня получалось. Но почему тогда вместо привычной легкости ощущение, будто в грудь зашили камень? Так и должно быть?

Вдох. Выдох. Камень становился тяжелее. Тянул ко дну.

Я... задышался!

Проваливался в болото, барахтался, утопая в грязи.

Болота было много. А воздуха мало. И ухватиться не за что...

— Спокойнее, Саньфэн! — слабый шлепок бумажного веера по макушке заставил очнуться. — Даже несмотря на устроенную тобой накануне... демонстрацию способностей...

Вэй заинтересованно покосился.

— ...фохата изумрудного спектра здесь хватает. И вокруг, и внутри тебя. Пока хватает.

Но цепляться за него — путь в никуда. Чтобы у меня, как заклинателя, имелось будущее, мне нужно дышать болотом или, вернее, «пить его», не обращая внимания на журчащий за стеной родник. Родник скоро иссякнет, а фохат Дома Лозы, пусть и чужой, это фохат, и его можно использовать — Вэй же использует, и весь Дом Лозы.

Все дело в привычке.

Вдох, выдох. Повторять за белобрысым становится проще и проще. И...

— Вэй, помнится, среди твоих многочисленных жалоб и оправданий, которые звучали за прошедший год, не было ни одной на слух. Я ясно сказал: тренируй первую базовую технику дыхания.

— Простите, учитель, но вы ведь не уточнили, какого Дома, — Вэй встряхнулся, и вокруг него вспыхнули и погасли изумрудные искры. — Я подумал...

— Думать можешь после того, как покинешь эту хибару. А пока, будь добр, делай именно то, что тебе говорят. Саньфэну нужен «якорь».

— Простите, учитель Цзымин, — в этот раз покаяние в голосе Вэя звучало почти искренне.

С чего бы белобрысому вздумалось использовать техники Шипа? Выпендривается? Но если может он, то смогу и я!

Вдох, выдох. Дышать — в этом же нет ничего сложного! Фохат растекался внутри внешними ручьями, прокладывая тропинки в «сугробах» мышц и костей. Я не сопротивлялся. Лишь надеялся, что не растаю весь.

Ноги жгло. Затылок холодило. И камень в груди по-прежнему тяготил.

Тэнг Цзымин наблюдал. Если что-то пойдет не так, старейшина, хотелось верить, вмешается. Точнее, у меня не было выбора, верить или нет. Главное, не спешить. Позволить телу привыкнуть.

Я ведь уже проходил все это. Давным-давно, когда был младше Сюли и Лина. Смогу и снова. Второй раз, говорят, проще.

Или нет? Стоило расслабиться, и я непроизвольно сбивался на знакомый ритм дыхания, которому меня учили двенадцать с лишним лет — и спохватывался только после шлепка веера. Излишняя сосредоточенность тоже вредила: напряжение тела усиливало неприятные ощущения, превращая их в болезненные.

Нескоро, но мне все же удалось найти баланс.

Вдох, выдох.

Мастеру Цзымину надоело кружить рядом хищным вороном. Он достал с полки свиток, письменные принадлежности и устроился за столиком у окна — долгое время тишину нарушал только скрип пера.

Вдох, выдох.

Белобрысый засранец, кажется, уснул с открытыми глазами, не прекращая дышать в нужном темпе. И чем только Вэй занимается по ночам, что вечно дрыхнет днем? Тэнг Цзымин долго, хмурясь, смотрел на ученика и даже потянулся к вееру, но махнул рукой. Встал, ушел.

Перерыв? Приказа не было, и я, несмотря на жгучее желание сбежать, продолжил тренировку.

Вдох...

Мастер Цзымин вернулся спустя полчаса. Разжег очаг. Вода, вскипая, весело булькала и выплескивалась через край на угли, отчего они рассерженно шипели.

Огонь и вода. Огонь в затекших ногах, лед сковал затылок.

Вдох, выдох...

По комнате расплылся горько-сладкий аромат «жасминовой невесты». Учитель Лучань тоже любил этот сорт чая и иногда угощал меня — вряд ли от нового наставника стоило ждать подобной щедрости.

Вдох, выдох.

Тени прижались к стене у окна, повернулись на восток и вновь пересекли комнату. Из приоткрытой двери повеяло вечерней прохладой.

— Достаточно, — нарушил тишину старейшина Цзымин. — На сегодня.

Вэй тут же вскочил, с наслаждением потянулся. С упреком заметил:

— Я уж боялся, что вы, многоуважаемый учитель, решили оставить нас не только без обеда, но и без ужина. А также без личного времени, которое мы должны тратить на поиск внутреннего покоя и гармонии.

— Чем меньше у вас, оболтусов, свободного времени, тем в Доме спокойнее.

— Что-то не припомню такую великую мудрость.

— Это жизненный опыт, — старейшина пригубил третью чашку, поинтересовался. — Скажи, Вэй, почему я терплю твои выходки?

— Потому что я не только шалопай, фигляр и неуч, у которого язык быстрее, чем мысли, но также редкий талант, гордость и надежда нашего Дома, будущий сильнейший и мудрейший заклинатель этой части Окраины за последнюю тысячу лет. И однажды вам еще придется называть меня главой Вэем!

— Надеюсь, я не доживу до этого чудесного момента, — пробормотал Тэнг Цзымин.

— Не говорите так, учитель! — первый ученик в притворном ужасе всплеснул руками. — Вы относительно молоды и вообще неплохо сохранились, а если попросите у мастера Диши его пилюли...

— Вэй!

Кажется, белобрысый понял, что дошел до некой черты, которую пересекать не следовало, и благоразумно прикусил язык.

— Я вижу, ты жаждешь применить свои многочисленные таланты на пользу Дому...

Вэй насторожился. Я тоже.

— А потому тебе не составит труда привести послезавтра утром ученика первой ступени, за успехи которого ты будешь отвечать вплоть до грядущей осени. Саньфэн, тебя тоже касается. По тому, насколько вы справитесь с ролью наставников, и будет решаться вопрос вашего допуска к экзамену.

Найти ученика? Ничего сложного. В Доме Шипа тоже считали, что обучая других, лучше понимаешь урок сам. А потому старшие частенько тренировались с младшими — конечно же, под присмотром наставников.

— И да, уточню, — с насмешкой добавил старейшина, — ваш подопечный должен быть из противоположной части Дома.

Это... провал! Найти среди Лозы ребенка, который согласится учиться у меня? Разве что схватить первого попавшегося и приволочь за шиворот, но вряд ли это засчитают. Судя по задумчивости на лице Вэя, задача оказалась трудной и для него тоже. Похоже, девушек в истерике успокаивать было проще.

— Свободны.

— Благодарим за науку, учитель Цзымин.

Вэй первым согнулся в поклоне. Я, замешкавшись, повторил.

За дверью на меня накатило пьянящее чувство легкости... разбавленное неясным беспокойством, будто я что-то забыл.

Дорога в деревню была единственной. На узкой тропе едва хватало места для двоих, но идти рядом с белобрысым мне не хотелось, поэтому пришлось плестись следом и пялиться на его макушку.

Тот же, как назло, брел медленно.

Искушал.

Лестница крутая, и перил нет. Если Вэй споткнется и упадет, никто не удивится. Я, на всякий случай, спрятал руки за спину, не понимая, откуда снова взялось странное желание убить белобрысого.

— Самое простое решение — тебе позвать кого-нибудь из своего Дома, мне — из своего, а потом мы бы поменялись, — нарушая тишину, заметил Вэй. — Но старик этого не одобрит.

— Если мы так поступим, наставник Цзымин, определенно, нас убьет, — пробормотал я под нос.

Вэй услышал. Обернулся. Заметил с неожиданной серьезностью — и куда только исчез недавний кривляка?

— Тебе незачем бояться учителя.

— Я и не боюсь.

— Ага. Ты осторожничаешь... как мелкий хищник, который случайно забрел на территорию крупного.

— Зато ты... — в последний миг я смягчил формулировку, — наговорил сегодня лишнего.

Вэй пожал плечами.

— За слова не убивают. По крайней мере, в доме наставника. Учитель на то и учитель, Саньфэн, что ты можешь доверить ему абсолютно любую чушь, — белобрысый почесал макушку. — Но, пожалуй, я немного перестарался. Надо бы извиниться. Так что прояви понимание, опоздай немного на следующее занятие: не всегда безопасно подслушивать чужие разговоры.

Странно, если бы он забыл.

— Вэй... насчет утра...

— Я не собираюсь уступать, — перебил белобрысый. — Поэтому даже не думай провалить грядущие испытания.

Для начала на них бы еще попасть... И все же от слов Вэя мне стало спокойнее, пусть спокойствие это, по большей части, было ложное. Лучше биться над задачей вдвоем, чем одному.

— Не знал, что Лоза тоже сдает экзамены на горе Тяньмэнь. Расскажи, как у вас проходят испытания.

Вэй пожал плечами:

— Наверняка, так же, как и у вас: залезь туда, не скажу куда, принеси то, одни демоны ведают что. А чтобы ученики вдруг не заскучали, мастера приготовят пару или, точнее, пару десятков ловушек. Убьет не убьет, но Тая в прошлый раз сильно покалечило: потом долго с лубками гулял.

Тай? Мужик, который осадил Шу на церемонии слияния Домов?

Какая разница? Важнее другое.

Я постарался припомнить все, что мне было известно о горе Тяньмэнь, и вынужден был признать, что знал я прискорбно мало. Учитель Лучань не обсуждал со мной эту тему: вероятно, считал, что успеется, ведь экзамен должен был состояться лишь через несколько лет. А потому сейчас я располагал только бродившими среди учеников слухами да парой строчек из случайно попавших в руки свитков.

Гора Тяньмэнь находилась за пределами подконтрольных моему бывшему Дому земель (за пределами земель Дома Лозы, впрочем, тоже). Там встречалось несколько видов редких целебных растений, упоминая о которых покойный мастер Чжан Сянь приходил в полнейший восторг, и около десятка опасных животных-людоедов, по словам острословов, пообедавших бы мастером Сянем, а также любим другим восторженным идиотом, решившимся забрести туда.

В существование половины этих чудовищ я, если честно, не верил.

— Скажи, а на горе Тяньмэнь или рядом с ней есть какая-то деревня? Храм? Может, святилище?

— Не знаю. Не спрашивал.

Как появится время, надо покопаться в архивах. Наверняка найдутся карты и записи.

— А...

Я осекся, заметив поджидавшего меня Хуошана. Друг хмурился. Что-то опять случилось? Только его проблем не хватало! До того, как солнце сядет, всего пара часов, а мне еще нужно подумать, как выполнить задание мастера Цзымина. Да и без ужина остаться не хотелось бы.

— Я, пожалуй, пойду, — Вэй со свойственной ему тактичностью поспешил удалиться. — До встречи.

— До встречи.

Хуошан угрюмо молчал, пока я не подошел вплотную и не спросил:

— Ну и что ты опять умудрился натворить?

— Я? Ничего. Это ты что творишь?! Предатель!

Глава одиннадцатая

Опешив от такого заявления друга, я не сразу нашелся с ответом.

— Ты что несешь? Какая муха тебя укусила?

Хуошан проводил Вэя испепеляющим взглядом, а затем снова обернулся ко мне.

— Нашел себе нового приятеля? — презрительно сплюнул он. — Молодец!

— Вэй — ученик мастера Цзымина, — хоть я и был возмущен беспочвенными нападками Хуошана, но старался говорить спокойно. — У нас было совместное занятие.

— Совместное занятие? Это так теперь называется дружба с врагами? — желчно поинтересовался он.

— То, что Вэй из Лозы, само по себе не делает его врагом. Это во-первых. А во-вторых...

— Вот! — выкрикнул Хуошан, тыча пальцем мне в грудь. — Ты уже защищаешь его! Чем он тебя подкупил? Пообещал похлопотать перед главой, чтобы с тебя сняли печать подчинения и вернули силу?

Вчера мы не виделись, а потому я не успел пересказать другу все, что Тэнг Цзымин говорил про Кристалл и оттенки.

— Старейшина...

— Что?! — перебил Хуошан. — Неужто сразу сделают старейшиной? Без всяких испытаний и тренировок?! Я знал, что у тебя губа не дура!

— Ты бредишь! — начал заводиться я. — Сам-то себя слышишь?!

— Я как раз слышу, — вздернул подбородок Хуошан. — И помню, что эти уроды сделали с моим Домом и друзьями! А вот ты, похоже, забыл.

— Не смей так говорить! — я едва сдержался, чтобы не врезать ему по роже. — Ничего я не забыл и не простил. Только, в отличие от тебя, я понимаю, что если пинать гору, то скорее отобьешь ногу, чем сдвинешь ее с места. Мысли о мести — путь в никуда, втемяшь это в свою пустую башку! Сейчас они приведут к окончательному уничтожению Дома Шипа. Ты хочешь этого? Хочешь убиться сам и угробить всех вокруг? Тогда ты и есть настоящий предатель!

Встречное обвинение ошеломило Хуошана, и он замер, переваривая услышанное.

— Линг, Минджу... — нарушил он, наконец, тишину. — Ты предлагаешь их забыть и жить так, будто ничего не произошло? Смотреть в глаза их убийцам и улыбаться, принимая пищу из их рук? Наплевать на смерть друзей, на свою гордость и совесть? И кем мы станем после этого?

— Мне очень жаль Линга и Минджу, но для них я уже ничего не могу сделать. Зато могу позаботиться о будущем тех, кто еще жив, как и приказал мне учитель Лучань... — начал я, но Хуошан снова перебил:

— И что вы предлагаете? — его глаза полыхнули злым колючим огнем. — Ждать?! А чего? Пока ядовитое семя Лозы пустит в нас корни и превратит в двуличных подлецов? Уподобиться проклятым Лозам, для которых честь — пустой звук? Знаешь, что я думаю? Что ты и твой учитель — вы просто сдались!..

Это уже слишком! Если Хуошан еще хоть слово скажет против учителя, я точно ему врежу! Хоть и понимаю, что драка — глупейший способ доказать свою правоту. Пускай Быко-головый и ведёт себя как придурок, но все же он — мой друг. Один из немногих, оставшихся в живых...

— Поговорим, когда ты успокоишься настолько, чтобы слышать не только себя, но и других, никчемный придурок! — бросил я в лицо Хуошану, развернулся и быстро зашагал прочь.

— Да пошел ты! — шагов через десять донеслось до меня.

В кои-то веки у меня выдался свободный от забот день, который я решил посвятить прогулкам и медитации. После занятия у наставника Цзымина я продрях всю ночь как убитый и проснулся полный сил и в отличном расположении духа.

Впрочем, настроение подпортил Хуошан, с которым я столкнулся, выходя из дома. Друг демонстративно отвернулся и поспешил прочь, не дав сказать мне ни слова. Похоже, вопреки распространенной поговорке, утренний свет не развеял печалей вечера.

Давно мы не ссорились настолько серьезно. С моего появления в Доме мы были с ним не разлей вода. Вместе радовались победам, сетовали на неудачи и получали нагоняи от учителей. Размолвки случались, как без этого? Иной раз дело доходило и до драки. Но Хуошан хоть и быстро вспыхивал, так же быстро остывал. Да и я не имел привычки таить обиду годами, а потому к ужину обычно от ссоры не оставалось и следа.

Но в этот раз Быкоголовый зашел слишком далеко. Обвинить меня в предательстве? Да как у него язык повернулся?! Словно в душу плюнул.

То, что мы вчера болтали с Вэем, еще не говорит о том, что я переметнулся на сторону Лозы. Солнечный гений оказался, в сущности, неплохим парнем: дружелюбным, рассудительным, лишенным надменной заносчивости, которой можно ожидать, учитывая его славу. Я невольно улыбнулся, вспомнив выходки белобрысого на уроке Тэнг Цзымина. Правильно говорят, что не стоит судить о человеке по цвету его одежд, и если бы в Лозе было больше людей, похожих на Вэя, а не крысюка Шу, двум Домам оказалось бы легче достичь взаимопонимания. Возможно, войны и вовсе бы не случилось.

Задумавшись, я сам не заметил, как ноги вынесли меня к Жемчужному пруду. На берегу что-то происходило. Стайка младших учеников столпилась у мостков и галдела, активно жестикулируя.

Извечный Свет! Чуть не забыл! Мне же нужно привести завтра к наставнику Цзымину младшего ученика Лозы.

Интересно, каким образом будет выкручиваться солнечный гений? Я вот пока не представлял, как справиться с поставленной задачей. Малышня из Лозы весьма настороженно относилась к изумрудным ханьфу, и это еще в лучшем случае. В худшем — убегала прочь, словно заклинатели Шипа какие-то демоны. Сомнительно, что кто-то по доброй воле захочет иметь дело со мной.

Я покосился на толкавшуюся у пруда малышню, прикидывая, что скажет Тэнг Цзымин, если завтра я притащу ему младшего ученика за шкирку. Или хотя бы сошлюсь на его приказ.

Принуждение, пусть даже и на словах, как ни крути, остается принуждением. Семя насилия и обмана не даст добрых всходов, не позволит преодолеть пропасть отчуждения и недоверия между Домами...

Великий Дракон, я пенял на Хуошана, а сам ничего не могу с собой поделать и по-прежнему считаю Шип отдельным Домом, хотя тот уже неделю как не существует. Правду говорят, хочешь изменить мир — начни с собственного сердца!

Малышня продолжала возбужденно шуметь на берегу. Я собрался уйти, не желая мешать детским забавам, но тут младшие ученики расступилась, позволив, наконец, разглядеть причину столпотворения: в воде барахтался мальчишка. Он беспорядочно молотил руками, то и дело скрываясь под водой с головой.

Я ринулся через луг, растолкал детей и, не раздумывая, прыгнул в воду. Кожу обожгло холодом. Вынырнув, я подплыл к тонущему мальчишке, схватил за волосы и, загребая свободной рукой, устремился к мосткам.

— Тихо, всё хорошо, — попутно пытался успокоить я ребенка. — Я тебя держу.

Малец будто и не слышал, отчаянно трепыхался, сам не понимая, что только мешает мне. Благо до берега было недалеко. Пара гребков, и мы подплыли к мосткам. Держась одной рукой за опору, другой я подсадил мальчишку и вытолкнул его на доски. Тот встал на четвереньки и надсадно закашлялся. Тут же к нему подбежали несколько ребят.

— Жаолинь, ты как? — с тревогой спросила девчушка лет десяти.

— Чэнфу и его подпевалы убежали, — добавил один из мальчишек, — тебе нечего бояться.

— Я... кхе-кхе... и не боюсь... кхе-кхе — хорохорился пострадавший.

Я выбрался из воды, и детвора резко замолчала. От десятка малышей, крутившихся на берегу минуту назад, осталось двое мальчуганов и девчонка. Все трое примерно одного возраста. Все трое из Дома Лозы. Впрочем, как и несостоявшийся утопленник.

— Что здесь произошло? — потребовал я ответа.

— Й-йя... поскольз...

— Это Чэнфу со своими приятелями столкнули Жаолиня в пруд, — выпалил один из мальцов.

— Что за дурацкие игры? Он же мог утонуть!

— Да я случайно...

— Хватит их покрывать! — перебила Жаолиня девчушка. — Они постоянно над тобой издеваются, а ты им всё спускаешь. Ты заклинатель или тряпка?

Малец покраснел и опустил взгляд. Казалось, сейчас разревется, но Жаолинь лишь сжал кулаки.

— Я стану сильнее, — зло выпалил он. — Клянусь Извечным Светом, я стану сильнейшим заклинателем Лозы! Главой Дома! И тогда никто не посмеет так обходиться со мной!

Похоже, у солнечного гения появился «серьезный» конкурент на звание главы. Я потрепал мальчика по макушке, но тут же опомнился, удивившись собственному порыву.

— Молодец! Намерение — первый шаг на пути заклинателя.

— А какой второй? — тут же подхватил воодушевленный малец.

— Регулярные тренировки. Каждый день. Без перерывов. А если не хочется заниматься — тренируешься в два раза усерднее.

— Ничего себе, — почесал затылок второй из мальчишек.

— А вы что думали, вас сюда за красивые глаза взяли? Или чтобы вы носились по деревне и устраивали беспорядки?

— Нас взяли, потому что мы чувствуем фохат, — не растерялась девчушка. — Это особый дар.

— Дар — это не более чем семечко риса, которое по счастливой случайности оказалось у каждого из вас, — назидательно произнес я, оглядев обступивших меня мальцов. — Его еще нужно взрастить. Учителя — ваши помощники на этом пути: они подсказывают, как правильно ухаживать за семечком, чтобы оно росло лучше. А вот что из него вырастет — зависит уже от вас. Насколько вы будете прислушиваться к советам наставников и работать над собой — таким и будет ваш «урожай».

Дети усталились на меня с таким восторгом, что даже стало немного неловко.

— А кто твой учитель? — неожиданно спросила девочка. — Ты — сильный, сразу видно.

— Чжан Лучань, — не думая, произнес я, осекся. Возникший в воображении образ учителя развеялся, оставив меня один на один с собой. Я встряхнулся и продолжил: — То есть Чжан Лучань, один из сильнейших заклинателей Дома Шипа, учил меня прежде. Сейчас мой наставник — старейшина Тэнг Цзымин.

— Ого! — хором уважительно протянули дети.

— Старший брат Вэй говорил, что он сильный, но очень строгий, — заметил один из мальчишек.

- А с вами, мальчишками, так и надо, — «ушипнула» его девочка.
— С чего вдруг? — возмутился малец.
— Чтобы не были такими тряпками, как Жаолинь, и могли постоять за себя.
Жаолинь и второй мальчик хотели было ответить, но я остановил их.
— Потом будете выяснять отношения. Кто ваш учитель?
— Младший мастер Тэнг Сяован, — ответила девочка.
— Хорошо. Я поговорю с мастером Сяованом по поводу Чэнфу.

Не знаю, как отнесется ко мне и моим словам мастер Сяован, но доложить о случившемся у пруда я обязан.

- А вы ступайте заниматься, если хотите стать сильными заклинателями.
— Лучшими в Доме Лозы! — поправил меня еще недавно глядевший в землю Жаолинь.
— Всё в ваших руках.

Я улыбнулся малышне, кивнул на прощание и зашагал к дому. Медитировать в промокшем насквозь ханьфу в мои планы не входило.

Переодевшись, я направился напрямиком в сливовую рощу. На этот раз Вэя там не оказалось. Да и вообще никого.

Цветущие нежно-розовые деревья слегка покачивались на ветру, будто радуясь нашей встрече. Вторя сливам, приглушенно шелестел родник. Я опустился на колени рядом с источником, зачерпнул кристально-чистую ключевую воду, плеснул в лицо, пригладил влажными руками волосы и протер шею. Повторил омовение несколько раз, ощущая, как вместе с пылью и потом исчезает груз душевных переживаний.

Каждый раз поражаюсь эффекту местного родника. Похоже, здесь и вправду некогда жил великий заклинатель. Прошли годы, сам мудрец давно отправился на Небеса, а эти сливы, родник и замшелые валуны сохранили частичку его души и радушно делятся ею с теми, кто приходит сюда.

Я устроился на одном из камней.

Гладкая, нагретая солнцем поверхность щедро делилась теплом. Как тут хорошо! Безмятежно! Я позволил мыслям плыть вслед за облаками и сам не заметил, как впал в полудремотное состояние, растворился в окружающем мире. Стал камнем, цветущей сливой, облаком в небе, червем в земле. Но в первую очередь, все же камнем.

Шевелиться не хотелось. Любое движение вокруг вызывало недоумение. Зачем? Тратить силы и фохат на какое-то глупое мельтешение? Еще чего! Мне-камню и так хорошо. Нет, «хорошо» звучит чересчур блекло для охватившего меня состояния. У-вэй — вот как это называется. Ни забот, ни волнений, ни страхов. Привычные чувства исчезли, остались в прошлой жизни... Я ощущал себя самым счастливым существом на земле. И ничего мне больше было не нужно. И никто не нужен.

Даже явившийся в мой сон дух. Или демон?

Как я не силился, мне не удавалось толком разглядеть его. Черты были зыбкими, размывались. Так бывает во сне или когда пытаешься увидеть человека, спрятавшегося за водопадом. А потом дух сделал шаг навстречу, и скрывавшая его завеса спала.

Кем бы ни был вторгшийся в мой сон гость, выглядел он как человек.

Девушка! Красивая девушка! Пожалуй, красотой незнакомка не уступала наставнице Юи, а то и превосходила ее. Изящная линия бровей, напоминавших крылья ласточки, правильные черты лица, гордый изгиб шеи, покатые плечи, тонкие запястья. Черные — словно тень летящего ворона — волосы и очень светлая, не знавшая солнца кожа.

Темные омуты глаз смотрели на меня требовательно и в то же время с любопытством. Девушка разлепила алые, будто капля киновари на снегу, губы и что-то произнесла. Или спросила?

Я не услышал ни звука. Не дождавшись ответа, незнакомка повторила вопрос. И еще раз. Я попытался угадать слова по движению губ, но все равно не понял, чего она от меня хочет.

Между бровей незнакомки появилась складка, глаза сузились, губы недовольно поджались. Заинтересованность во взгляде сменилась раздражением. Она крикнула что-то, решительно шагнула навстречу и... растаяла, словно утренний туман под жаркими лучами солнца.

Я открыл глаза. Огляделся, пытаюсь понять, где нахожусь. Похоже, я позволил сознанию улететь слишком далеко от тела.

От валуна все еще веяло теплом, хотя солнце уже налилось предвечерней краснотой и клонилось к закату. Вот так дела! Получается, я провел в медитации часов шесть, не меньше... А кажется, прошла всего пара мгновений! Великий Дракон, что еще за выкрутасы со временем?!

Размяв затекшие ноги, я слез с валуна, огляделся. Сад был в точности таким же, как несколько часов назад. Журчал, что-то нашептывая, родник. Задумчиво молчали сливы.

Перед глазами все еще стоял образ незнакомки из видения. Подчиняясь внезапному порыву, я благодарно поклонился этому месту, развернулся и бодро зашагал в сторону деревни. На душе было легко и радостно.

У дома меня (вот так неожиданность!) поджидал Жаолинь. Он сидел на лавочке и что-то бубнил себе под нос, но, завидев меня, вскочил и робко шагнул навстречу.

«Опять куда-то влип?» — пронеслось в голове.

— Что-то случилось?

— Да... то есть, всё хорошо, — сбивчиво ответил мальчишка. — Я просто зашел... поблагодарить... за то, что спас меня сегодня.

Слова давались ему нелегко, но Жаолинь и не думал отступать. Я усмехнулся, вспомнив его утреннее заявление. Настроение было хорошим, и я решил немного подшутить над ним.

— Это честь для меня, будущий глава Дома, — я поклонился.

— Смеешься? — смутился и, похоже, обиделся мальчишка.

— Прости, — я положил руку ему на плечо и как можно серьезнее произнес: — Умение благодарить — качество, которым непременно должен обладать сильнейший заклинатель Дома. Сегодня ты сделал первый шаг к своей мечте.

Жаолинь даже вытянулся, чтобы казаться выше. И тут меня осенило:

— А какой второй шаг, помнишь? — прищурившись, спросил я.

На мгновение малец задумался, но тут же выпалил:

— Регулярные тренировки!

— Именно, — поднял я вверх палец. — А особенно, тренировки под присмотром хорошего наставника. Завтра утром я иду на занятие к старейшине Цзымину. Могу взять тебя с собой.

— К старейшине?.. — растерялся Жаолинь.

— Да, — кивнул я. — Говорил же утром, что он мой учитель. Или ты на радостях от спасения пропустил мимо ушей?

— Всё я слышал, — буркнул, надувшись, мальчишка: напоминание об утреннем купании явно задело его гордость.

— Ну так что скажешь, будущий глава Дома Лозы? Пойдешь со мной завтра на тренировку?

— Пойду, — неуверенно отозвался Жаолинь.

— Не слышу твердости в голосе, — покачал я головой. — Сильнейший заклинатель Дома колеблется?

— Еще чего! — вспыхнул мальчишка и тут же отчеканил. — Я иду!

— Такой настрой мне нравится, — похлопал я его по плечу. — Завтра в час змеи на этом же месте. И не вздумай проспать!

— Не дожدهшься, — дерзко ответил Жаолинь и, не прощаясь, умчался в сторону корпуса младших учеников.

Когда мальчишка скрылся, я поблагодарил Фу-сина [одного из трех звездных старцев, покровителя удачи и благополучия] за то, что все так удачно сложилось с заданием наставника Цзымина и с чувством выполненного долга переступил порог дома.

Глава двенадцатая

Чем ближе мы подходили к дому старейшины, тем медленнее переставлял ноги Жаолинь. Солнце поднялось над дальними холмами на целую ладонь, высушило росу на траве, и если мы будем ползти как улитки, то наверняка опоздаем к назначенному часу.

— Устал?

Все-таки преодолеть подъем в несколько сотен ступенек — нелегкая задача для ребенка. И если упрекать, то себя: что судил по собственным силам и не брал в расчет возможности своего подопечного.

— Нет, — покачал головой мальчишка, хотя подъем и впрямь его утомил. Признался: — Страшно. А если я не справлюсь? Вдруг мастер Цзымин, — в голосе Жаолиня прозвучало искреннее уважение и даже восхищение, — посмотрит на меня и решит, что я не подхожу? Он редко берет учеников, зато почти все они с первого раза проходили испытания на адепта. Даже сейчас все говорят о братце Вэе, что он круче некоторых мастеров, хотя и старший ученик.

Получается, Дом Лозы дал мне одного из лучших своих учителей? Следовало сообразить, когда выяснилось, что тренироваться я буду вместе с белобрысым. Но гордиться оказанной честью почему-то не получалось. Любому наставнику я предпочел бы учителя Лучаня.

Я опомнился: ворчу, словно покойная старуха Мо, а надо бы успокоить ребенка!

— Вряд ли он потребует того, что тебе не по силам.

Уверенности в моем голосе прозвучало меньше, чем я надеялся, и Жаолинь это почувствовал, нахохлился еще больше. Неужели белобрысый прав? Я действительно боюсь Тэнг Цзымина?

Обдумать мысль я не успел. Нас нагнал Вэй, несший на спине заливавшуюся смехом Шпильку.

— Расступись, черепахи! — крикнула нам Баожэй и тут же подогнала белобрысого. — Аху! Вперед, мой скакун! Лети как ветер!

Пробегая мимо, солнечный гений подмигнул, словно предлагая потягаться, кто быстрее доберется до вершины. Придурок! На выщербленных ступенях споткнуться, как нечего делать! Самого-то не жалко, если слетит вниз. А мелкая разобьется.

— Может, тебя тоже понести? — предложил я завистливо вздохнувшему Жаолиню.

Тот покачал головой, покраснел:

— Я же не девчонка. Заклинатель должен с честью выдерживать любые тяготы и преодолевать испытания.

Минут десять спустя, когда мы добрались, Шпилька уже нетерпеливо приплясывала у ворот.

— А мы первые! Мы вас обогнали! — довольно объявила она.

— Молодец, — я попытался потрепать ее по макушке, но нахалка по-кошачьи ловко увернулась.

— Старший брат Саньфэн, а я теперь буду учиться с тобой? — она ткнула пальцем в сторону Вэя. — Он так сказал!

Белобрысый удобно устроился на шедшем по периметру дома настиле и посасывал сорванную тут же травинку. На наше с Жаолинем появление он отреагировал ленивым взмахом руки.

— Он обещал, если я пойду с ним, ты будешь меня тренировать, — просветила Баожэй. — Ты и Великий Укротитель Лоз! А он правда разрушил Дворец Старейшин?!

— По-моему, вчера Дворец был на своем месте. Вэй, — кажется, белобрысый задолжал объяснение, — ты говорил, наставник Цзымин не одобрит, если мы воспользуемся помощью друг друга.

— Ты мне и не помогал, — отозвался тот. — Я сам ее привел... принес даже, — он демонстративно потянулся, разминая плечи. — Учиться же мы и вправду будем все вместе. Учиться и учить. Поэтому не надейся отлынивать.

Белобрысый, конечно, прав, но за такую правоту почему-то хотелось подбить нахальный зеленый глаз: ишь сладкоголосая Ху Ли Цзин [девятихвостая лиса-оборотень, принимает облик прекрасной девы и соблазняет мужчин, чтобы выпить их жизненную силу] выискалась!

Вэя спасло появление старейшины.

— Явились? — Тэнг Цзымин показался на крыльце, обвел взглядом двор, задержавшись на младших учениках. — Молодцы! Заходите.

Жаолинь, оробев, вцепился в подол моего ханьфу. На второй руке повисла Баожэй. И Вэй ловко проскользнул вперед.

От палочки на алтаре плыл слабый запах лаванды. На полу появились расшитые шелковой нитью подушки. Мастер Цзымин уселся лицом ко входу. Вэй устроился по его правую руку. Мне досталось место слева. Шпилька хотела плюхнуться рядом, но наставник жестом показал ей передвинуться ближе к белобрысому.

— Давайте знакомиться, — начал Тэнг Цзымин, когда Баожэй и Жаолинь прекратили ерзать.

С детьми он держался иначе, мягче.

— Как вам известно, я старейшина нашего Дома Тэнг Цзымин. Моих учеников и ваших старших братьев вы тоже, уверен, хорошо знаете — Саньфэн и Вэй.

— Жаолинь, — тихо, потупившись в пол, ответил мальчишка. — Я счастлив, что вы будете меня учить, старейшина Тэнг Цзымин.

— Чжан Баожэй! — бодро отрапортовала Шпилька, поправилась: — Тэнг Чжан Баожэй! А правда?.. — она запнулась. — Правда, вы такой сильный, потому что едите сердца врагов?

— Кто это сказал?

Шпилька покосилась на белобрысого.

— Нет. Врагов я не ем, — улыбнулся старейшина Цзымин и многозначительно добавил. — Только непослушных учеников.

— Как заклинатель с горы Шуан-Ди? — не унялась Шпилька.

— Почти. Да, Саньфэн?

Я промолчал, не понимая, отчего он спросил. Кто-то подслушал нашу с Хуошаном глупую болтовню и поспешил донести? Значит, за мной следят? Не самое приятное открытие.

— А теперь, когда мы все познакомились, приступим к уроку. И первый вопрос: с чего начинается путь заклинателя?

— С изучения тайных техник!

— С дыхания, — неуверенно возразил Жаолинь и обрадовался, когда Тэнг Цзымин одобрителем кивнул:

— Правильно, с дыхания. Жаолинь, вы учили с наставником Сяованом первую технику дыхания?

Мальчишка торопливо, испуганный всеобщим вниманием, принял позу для медитации, сложив руки на коленях. В сосредоточенности на лице, расправленных плечах, в подрагивающих пальцах сквозило напряжение, которое старейшина, конечно же, заметил:

— Расслабься, Жаолинь! Никто тебя не съест. Господин Йизэ сказал, что Саньфэн и Вэй хорошо позавтракали.

Шпилька хихикнула, тут же спрятала лицо за рукавом.

— Баожэй, может быть, ты покажешь нам, как нужно дышать?

Чем младшая ученица никогда не страдала, так это избытком скромности, что с готовностью и продемонстрировала.

— Молодец, — похвалил Тэнг Цзымин, с минуту понаблюдав за ней. — Но в Доме Лозы мы дышим чуть-чуть иначе, — он пересел к младшим ученикам, взял их за руки. — Я считаю, а вы будете следовать за моим голосом. Когда почувствуете тепло, направьте его в ладони. — Смотри за потоками мелкой, — шепнул Вэй. — У тебя они такие же кривые.

Сам он кривой! Но, кажется, я начинал понимать, зачем нам понадобились младшие ученики. Для наглядности, потому что из белобрысого пример так себе — слишком ярко светится.

Баожэй и Жаолинь — я ясно видел различия в тонких цветных ниточках потоков, и как под счет Тэнг Цзымина энергетический рисунок Шпильки медленно преобразался, становясь если не точной копией, то весьма близким к тонкому телу сидевшему рядом мальчишки.

Я сосредоточился на токе фохата в собственном теле, ощутил его... попробовал направить. Кажется, проще отрастить крылья или третий глаз.

— Не спешите. Дорога в тысячу ли складывается из крохотных шагов.

Интересно, сколько шагов надо, чтобы поменять русло реки? Не знаю. Зато знаю, как крестьяне роют каналы, что приводят воду на поля. Мне тоже нужно «вырыть новые каналы». И начать придется, как наставник и говорил, с дыхания.

Вдох, выдох... Наставник Цзымин одобрительно улыбнулся. Вдох. Представить, как фохат разделился и устремился по новому руслу. Тонкий ручеек, готовый в любой момент иссякнуть. Однажды он станет полноводным потоком. Выдох. Вдох...

— ...А теперь можно перейти к самой интересной части нашего сегодняшнего урока, — громкий голос Тэнг Цзымина вернул в реальность.

Похоже, прошел час, не меньше. Я слишком сосредоточился на внутренних ощущениях и не следил за тем, что происходит вокруг. Ошибка, но ошибка позволительная в доме... учителя? Я действительно готов принять Тэнг Цзымина своим учителем?..

— Мы будем использовать какое-нибудь могущественное заклинание? — обрадовалась Шпилька, взмахнула руками, собираясь свернуть горы или хотя бы кому-то нос. — Чтобы раз и... всё!

— Мы будем играть, — мягко осадил ее старейшина. — В мяч. Вы же любите играть в мяч?

— Ага, — Жаолинь слегка оживился.

Тэнг Цзымин развел руки, и между его ладоней возник светящийся шар, величиной с плод дуриана. Незаконченная печать, концентрированный фохат, не получивший окончательную форму, а потому крайне нестабильный.

Наставник передал «мяч» Жаолиню, а тот дальше, Шпильке. Та нетерпеливо схватила шар... и фохат рассыпался у нее в руках.

— Внимательней, Баожэй. Помни, ладони должны быть теплыми.

Вэй без приказа создал новый световой шара, который продержался несколько касаний и тоже растаял. Моя очередь? Первый «мяч» был изумрудным. Второй исчез, едва я выпустил его из рук. Зато третий заслужил одобрительный кивок Тэнг Цзымина.

— Саньфэн, следи за оттенком, который ты используешь. Вэй, надо ли говорить, что если фохат взорвется слизью у кого-то в руках, как случилось во время парной тренировки с Шу, я буду крайне тобой недоволен?

— Учитель! Я же не совсем дурак! — возмутился солнечный гений.

— А притворяешься весьма искусно, — выразительно посмотрел на белобрысого Тэнг Цзымин.

То ли так повлияло предупреждение наставника, то ли еще что, но поначалу младшие ученики осторожничали. Шары из фохата они брали, словно чаши из тончайшего фарфора, и торжественно вручали друг другу — все происходящее напоминало странную церемонию.

Минут десять спустя Баожэй и Жаолинь осмелели и принялись играть фохатом, как обычным мячом. А после и вовсе расшалились, пытаясь метнуть шар так, чтобы соперник не смог его поймать.

На полу пророс мох, разделив комнату пополам, а на столе появились весы. Мастер Цзымин, держа чашку с чаем, небрежно кидал свободной рукой черные и белые камушки — в зависимости от того, на чьей стороне заканчивалась передача.

— Получай, глупая лоза! — забылась Баожэй после особенно удачной атаки.

— Колючка! Сама ты тупая! — обида заставила Жаолиня осмелеть.

Мастер хкекнул, и младшие ученики опомнились. Ненадолго игра утихла, потом ребята разошлись вновь. «Колючка» и «глупая лоза» звучали еще не раз, но настоящей злости в них не осталось, скорее, это походило на дружеское подтрунивание.

Я невольно вспомнил, как мы играли в мяч — обычный мяч — с Хуашаном, Лингом и Куаном. Упрямый дурак! Ничего я не забыл! Но... на месте пожара рано или поздно вырастает новый лес. Баожэй и Жаолинь — молодые побег, еще не пропитанные ненавистью. Так имеем ли мы право отравлять их памятью о вражде прежних Домов?

Через пару часов весы по-прежнему пребывали в относительном равновесии: моим «мячам» не хватало стабильности, Вэю мешала Шпилька — слишком нетерпеливая и импульсивная, а потому частенько забывавшая о том, что в руках у нее фохат, а не кожа и солома.

— Достаточно, — оборвал игру Тэнг Цзымин, перехватив в полете очередной светящийся шар и рассыпав его горстью листьев. — Старшим ученикам пора заняться медитацией, а вам — обедать. Поэтому сейчас я провожу вас вниз.

Жаолинь и Баожэй разочарованно вздохнули, и наставник строго добавил:

— Чтобы вырасти сильными, вы должны хорошо питаться.

— А нам питаться не надо? — под нос возмутился Вэй, но его услышали.

— Мастер-заклинатель способен целый год прожить на капле росы и рисовом зернышке. Жаолинь, Баожэй, идемте.

— До завтра, старший брат Саньфэн.

Мальчишка церемонно поклонился. Шпилька, успевшая проскакать несколько шагов до двери, опомнилась, развернулась и повторила:

— Хорошего дня, старший брат Вэй.

С уходом младших учеников в доме стало неожиданно тихо и спокойно. Я перевел дух. Простенькое упражнение потребовало немало сил: чтобы добиться нужного оттенка, пришлось впустую рассеивать почти треть фохата. Обед нас лишили, а потому лучше всего последовать приказу наставника и использовать перерыв для восстановления сил.

Воображение рисовало мастера Цзымина за столом, уставленным тарелками с рыбой, лапшой, сладким бамбуком и иными вкусностями. Самое обидное — пока речь не зашла о еде, я даже не думал о ней!

— Мастер-заклинатель способен целый год прожить на капле росы и рисовом зернышке, — передразнил белобрысый: голоса младших учеников стихли, и Тэнг Цзымин не мог нас услышать. — Не припомню, дорогой учитель, чтобы вы торопились продемонстрировать нам эту мудрость на собственном примере.

Вэй вытащил из-за пазухи завернутую в листья рисовую лепешку. Я слотнул слюну: до того вкусно она пахла! Фохат при должном умении, конечно, позволял поддерживать силы физического тела, но до упомянутого «мастера» мне было далековато. Как и до прозорливости первого ученика.

— Будешь?

Вэй разломил лепешку и внезапно протянул половину. Делить пищу с кем-то — признать его товарищем. А я... похоже, такой же упрямый баран, как и Хуошан, если отрицаю очевидное: мы с белобрысым — ученики мастера Цзымина, а значит, теперь связаны. Подумалось,

возможно, и неплохо жить с Вэем в одном Доме, дружить — на самом деле, а не потому что так вынудили обстоятельства.

Секундное наваждение схлынуло, но лепешку я взял.

— Спасибо.

Скудная трапеза только раздражила аппетит, и, стараясь отвлечься, я вернулся к медитации. Белобрысый, умявший свою долю даже быстрее меня, бродил по комнате, приглядываясь к шкафам.

— Ты что делаешь? — поинтересовался я, когда Вэй снял с полки знакомую шкатулку с кристаллизованным фохатом.

— Медитировать днями напролет, играть с младшими учениками...

У белобрысого в ладони возник светящийся изумрудным шарик размером со сливу. Выцвел в салатный, снова потемнел — и я невольно позавидовал тому, как Вей легко меняет оттенок.

— Мы не станем сильнее, занимаясь этой ерундой!

Белобрысый позволил фохату рассеяться, вытащил из шкатулки изумрудный камешек, покрутил в пальцах. Лизнул. Посмотрел на меня:

— Покажешь старшую печать Шипа? Что-нибудь незамысловатое, для начала. Неохота рыться в библиотечной пыли.

— Старейшина Цзымин, сказал, это опасно, — предупредил я.

— Не занудствуй. Или ты боишься?

Вместо ответа я послал в белобрысого «Стрелу богов войны», но тот даже не шелохнулся, словно зная, что целюсь я мимо. Шип взъерошил светлые пряди и вонзился в доски за его спиной. Я запоздало сообразил, что наставник не похвалит за испорченную стену.

— А еще разочек? — подначил Вэй. — Я не все знаки разглядел.

Я позволил заклинанию материализоваться, несколько мгновений повисеть в воздухе и осыпаться на пол. Уточнил ехидно:

— Запомнил?

— Ага, — кивнул белобрысый и проглотил «изумруд».

Неужто и впрямь запомнил? И сумеет повторить?! По структуре «Стрелы богов войны» мало отличаются от обычного «Роя шипов», но требуют уйму фохата: чем больше энергии вложишь, тем больше стрел призовешь и тем сильнее пробивная способность. Помнится, мне, чтобы выучить их, потребовалось часа три.

Белобрысый молчал, уставившись в одну точку. И... ничего не происходило. Как я и думал, Вэй просто бахвалился. А теперь не желал признавать, что облажался.

— Показать снова?

В конце концов, мне тоже интересно, врал или нет старейшина, говоря, что я не сумею повторить старшую печать чужого Дома.

Белобрысый промолчал. Покачнулся. Упал.

— Эй?

Небось снова придуривается. Но мне почему-то не смешно.

— Эй? Долго ты собираешься валяться?

Я неуверенно приблизился, с трудом (тощий, а тяжелый гад!) перевернул белобрысого на спину. Отпрянул. Глаза Вэя заволокло изумрудной... пленкой? Светом? Жидкостью?

— Вэй? Вэй!

Под бледной кожей вырисовывались зеленые ручейки, прорастали лозы. Демоны! Да он вообще дышит?! Живой?

И снова какая-то часть меня, будто сговоровшись с Хуошаном, обрадовалась. Солнечный гений силен, опасен... и если он исчезнет, то первым учеником, наверняка, снова стану я. Какая чушь!

— Вэй!

Я так и не решился дотронуться до белобрысого.

Что бы с нашим гением ни происходило, помочь ему я не с силах. Нужно звать мастера Цзымина. Где его демоны носят?!

Во дворе дорогу мне неожиданно заступил Пинг.

— Куда это ты собрался? Насколько я знаю, мастер вас не отпускал!

— С дороги! Вэй...

— Даже слышать не хочу, что опять вытворил этот белобрысый сын ли хунг!

— Это срочно... — пока я тут трачу время на пустые препирательства, Вэй имеет все шансы отправиться веселить демонов в Диюй.

— Вернись в дом, иначе мне придется доложить старейшине о твоём неподобающем поведении.

Пинг попытался втолкнуть меня в дверь, и я не сдержался — активировал печать, отшвырнув его с пути. Не хватало еще, чтобы всякие чванливые служки распускали руки!

Возможно, я переборщил, и не стоило бросать Пинга в кусты принсепии, но видит Извечный Свет, мне с самого первого дня знакомства хотелось это сделать. Да и судя по тому, как бодро служба верещал вслед: «Я все расскажу мастеру!», — бедные кусты пострадали гораздо сильнее.

Лестница, насколько хватало взгляда, была безлюдна, а значит, наставник до сих пор в деревне. Пока я буду спускаться по ступеням, лет сто пройдет: Вэй не только успеет стать зеленой слизью, но и испариться.

Стараясь не думать о высоте, о том, что резерв и так порядком потрачен, а использовать техники Шипа после того, как полдня привыкал к фохату Лозы, не самая лучшая идея, я призвал летающий «Лепесток».

Сердце екнуло, когда моя «небесная ладья» отчалила от края и заскользила по воздуху, удаляясь все дальше от обрывистого склона. «Лепесток» болтало из стороны в сторону, грозя опрокинуть. Фохат таял как снег в жаркий день, и запоздало мелькнула мысль, что надо было тоже позаимствовать камушек из шкатулки — в отличие от Вэя, мне бы он не повредил. Стараясь не думать, чем может закончиться для меня падение, я выискивал нужный дом.

Фохат истощился в паре улиц от цели. Я рухнул на чью-то крышу, кубарем слетел по скату и приземлился в телегу с соломой. Отряхнулся, коротко поклонился, извиняясь перед ошалевшим гончаром Лю, и бросился к кухне.

У входа мне попытался заступить дорогу Йизэ: заклинатель я или нет, но вид у меня был явно неподобающий для появления на людях. Увернувшись, я проскочил в зал, огляделся, не замечая, как неодобрительно умолкли гости.

Жаолия я обнаружил в компании уже знакомых мальцов, с которыми он играл возле пруда. Младшие ученики что-то оживленно обсуждали, но, заметив меня, мальчишка поспешно выбрался из-за стола.

Шпилька сидела ближе, со своими.

— Баожэй! Где старейшина Цзымин?

— Не знаю. Он привел нас сюда и ушел.

Я выругался, помянув двенадцать демонов горы Кху Ям. И где теперь мне искать наставника?

— Загляни во Дворец Старейшин, — отозвался из угла мужчина лет тридцати, судя по вышивке на поясе такой же старший ученик, как и я. Вроде белобрысый называл его Таем. — Мастер Орьё прибыла с горы Тяньмэнь. Небось обсуждают предстоящий экзамен.

— Спасибо, — неохотно поблагодарил я, и Тай сухо кивнул.

Лестница, ведущая ко Дворцу, казалась бесконечной. Если Тэнг Цзымина нет и здесь, наверняка найдется кто-то из старейшин.

Забыв о почтительности, двери я распахнул без стука. Зашелестели защитные амулеты. Возмущенный перезвон ловцов ветра мешал определить, откуда доносятся голоса. Кажется, слева.

— ...получилось, поэтому Чжан Лучань, вероятно, тоже умрет.

Они говорят об учителе?!.. Умрет?! Что это значит? Лоза отправила мастеров нашего Дома в ссылку на гору Тяньмэнь. И теперь решила избавиться от них?! А как же утверждение, что мы не враги?

— Сколько он продержится?

— Год, вряд ли больше. Думаете, не надо?.. Боюсь, нам придется прервать разговор. Вас ищет ученик.

Амулеты разлетелись в стороны, открывая путь в чайную комнату.

— Саньфэн, что-то случилось? — нахмурился старейшина Цзымин.

Чжан Лучань умрет?! Они секунду назад обсуждали его убийство, а теперь смеют как ни в чем не бывало смотреть мне в глаза!

Хуошан был прав! Лозе нельзя верить!

— Почему ты не с Вэем?

— Вэй...

Огорошенный словами об учителе, я почти забыл про белобрысого. А он... Знал ли Вэй о том, что собираются сделать его мастера? В таком случае, может, ему тоже стоит сдохнуть?! Я мотнул головой, отгоняя мысль, быстро повторил третью мантру успокоения: если старейшины поймут, что я слышал их разговор, мне не поздоровится.

— Наставник Цзымин, Вэй проглотил кристалл изумрудного фохата. Я не понимаю, что с ним, но ему плохо. Очень плохо.

Глава тринадцатая

Дальняя комната в лечебнице, куда поместили Вэя, больше напоминала лисью нору: тесное помещение с низким потолком и одним крохотным оконцем.

Белобрысый дремал и я, стараясь не шуметь, прошел вглубь комнаты, положил в изголовье сверток со сладостями и уселся на пятки напротив лежанки. Грудь Вэя мерно вздымалась и опускалась под тонким шерстяным одеялом, пугающие зеленые жилы под кожей исчезли. Жизнь солнечного гения была вне опасности — благо, старейшина Цзымин подоспел вовремя.

Благо? Сейчас я уже не уверен, что спасение Вэя — это благо. Хотя если бы белобрысый сдох, пожалуй, для меня было бы только хуже.

Я невольно поежился, вспоминая, каким ледяным тоном Тэнг Цзымин отослал меня прочь. Сунувшемуся ябедничать Пингу тоже досталось. Старейшина был по-настоящему зол. Страшно представить, что бы он со мной сделал, если бы с его любимчиком действительно случилось непоправимое.

— Эй, Саньфэн, — слабый с едва уловимой хрипотцой голос Вэя вернул меня обратно в реальность, — у тебя такое лицо, будто меня уже похоронили и прочитали отходную молитву. Неужели так паршиво выгляжу?

Я смутился, словно белобрысый застиг меня за чем-то непристойным, и буркнул с нарочитой грубостью:

— Нормально выглядишь. Такой же придурок, как и всегда.

— Не слышу в голосе сочувствия к пострадавшему товарищу, — поддел меня Вэй. Продолжил, нарочито бравируя: — Но надо сказать, опыт с глотанием кристалла вышел занимательный.

Я глядел на изможденное лицо Вэя, на его покрытый испариной лоб и потрескавшиеся от сухости губы, а сердце грыз червь сомнения: знал ли гений Лозы о плане старейшин убить мастеров Шипа? И если знал и не поделился, значит, он одобряет и заодно с ними?!

Я стиснул челюсти так, что свело скулы. Проклятые Лозы! Все они шакалы с одного холма!

— Саньфэн, ты сам-то как? Не собираешься отдохнуть в лечебнице пару деньков? — поинтересовался Вэй. — Глядя на твою побелевшую физиономию, я начинаю беспокоиться...

— На свою посмотри, — процедил я. — Краше в гроб кладут.

Вэй издал сдавленный звук, похожий на смешок. Прикрыл глаза, словно короткий разговор отнял у него все силы.

— Умеешь подбодрить.

Так знал или нет? Сомнительно, что старейшины Дома стали бы посвящать в свои дела обычного ученика. Но в том-то и загвоздка, что обычность и Вэй — понятия трудносовместимые, а значит, ни в чем нельзя быть уверенным. Молоточки навязчивых мыслей непрестанно колотили в голову, затмевая своим стуком остальной мир.

— Я должен извиниться перед тобой, — внезапно произнес Вэй. — Тебе, небось, досталось от учителя...

— Наставник отложил разговор до твоего выздоровления. Но по его тону было ясно, что ничего хорошего нас не ждет.

— Расслабься, — утешил меня Вэй. — Ты здесь вообще ни при чем. А вот мне придется выслушать обстоятельное нравоучение о «недопустимости своеволия и переоценке собственных возможностей на пути заклинателя». Старика хлебом не корми — дай проесть плешь нерадивому ученику.

— Ты и впрямь поступил опрометчиво. Кто знает, какие могли быть последствия.

Вэй хотел было отмахнуться, но был настолько слаб, что тут же уронил руку обратно на постель.

— Тебя учитель Цзымин укусил? — поморщился Вэй. — Душнишь один в один как он.

Может, спросить прямо? Вряд ли он сможет соврать, будучи в таком состоянии. А если попытается, я замечу. С другой стороны, если Вэй в сговоре и доложит, что мне известно о намерении устранить мастеров Шипа... Я глубоко вдохнул, словно надеясь вместе с воздухом наполниться и решимостью.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я совсем не то, что крутилось на языке.

— Весел и бодр как красная панда, неужели не видно? — съязвил Вэй. Помолчал немного, а затем добавил: — Кто мог предположить, что этот чертов камешек окажется таким ядовитым?..

— В следующий раз будешь думать, прежде чем совать в рот что попало.

Сил и желания препираться со мной у Вэя, судя по всему, не было, поэтому он просто отвернулся и какое-то время мы провели в молчании. Из приоткрытого окна доносился шелест тополей, а за стеной кто-то негромко переговаривался. Когда молчание стало пыткой, а решимости задать тот самый вопрос не прибавилось, я поднялся.

— Ну... я пойду... В свертке сушеные сливы и орехи от господина Йизе. Он сказал, ты их обожаешь. Поправляйся.

Я развернулся и быстрым шагом направился к двери.

— Саньфэн, — оклик Вэя застиг меня на пороге. — С тобой, правда, все в порядке?

Я не осмелился обернуться, чувствуя затылком его взгляд.

— Все отлично. Еще зайду, — скороговоркой выпалил я и выскочил за дверь.

Пока я сидел у Вэя, на улице поднялся ветер. Словно воплощая мои потаенные желания, он срывал с веток бумажные фонарики, кидался разъяренным псом на все, что попадалось на его пути: деревья, прохожих, имевших неосторожность выйти из дома.

Я едва успел закрыться рукавом от вороха листьев, брошенных в лицо разгулявшейся стихией. Прокатился мимо бумажный зонтик. Вслед за ним пробежала растрепанная девушка в салативом ханьфу.

А вот детям непогода оказалась нипочем. Малышня раздобыла где-то цветастые ленты и с восторженным визгом носилась по улице, подставляя их воздушным потокам и споря, чья развевается красивее. Одна девчушка так засмотрелась на свою ленту, что налетела на меня, чуть не сбив с ног.

— Что вы тут устроили? — прикрикнул я на младших учеников. — Быстро разошлись по своим комнатам, а то пожалуюсь вашему наставнику!

Девчушка подняла на меня глаза, в которых, впрочем, я не заметил раскаяния, извинилась и поспешила к друзьям. Заливаясь смехом и пытаясь перекричать друг друга, дети умчались куда-то в сторону Садов Тишины. Негодники и не думали следовать моему приказу.

Поначалу было стойкое желание догнать их и за уши оттащить к мастеру Сяовану, но я вовремя одернул себя, прекрасно понимая, что шалости детей тут ни при чем.

«... Чжан Лучань, вероятно, тоже умрет».

Слова мастера Орёе непрестанно звучали в голове, приводя меня в бешенство. К которому примешивалось отвратительное чувство бессилия. Что я, старший ученик погибшего Дома, мог противопоставить мастерам и тем более старейшинам? Меня раздавят как муравья, если я в открытую выступлю против верхушки Лозы.

Что же делать? Как помочь учителю Лучаню?

Злость — плохой советчик, как и паника. Я несколько раз прочитал с пятой по девятую мантры, успокаиваясь. Мы еще поглядим, чья возьмет! Для начала мне нужны сведения о горе Тяньмэнь, и я знал место, где сумею их отыскать.

Господин Юйсян если и удивился, что в последнее время я часто стал захаживать в архивы, то виду не подал и вежливо поинтересовался, чем может быть полезен. Услышав о моем интересе к горе Тяньмэнь, он понимающе улыбнулся:

— Готовишься к экзамену? Похвально, — поглаживая узкую бородку, задумчиво произнес господин Юйсян, достал из стоявшего за спиной шкафа несколько свитков, дополнил их толстенным потрепанным справочником и вручил мне. — Советую начать с этого.

Я поблагодарил и устроился за столиком в читальном зале. Справочник оказался подробнейшей энциклопедией животных, обитавших на землях Дома Шипа и ближайших к нему Домов. К научному трактату господин Юйсян заботливо добавил список хищников, встречавшихся конкретно на горе Тяньмэнь.

Звери, безусловно, заслуживали внимания, но как-нибудь в другой раз. В первую очередь меня интересовали карты. К моему разочарованию, на них не оказалось ничего, что бы напоминало крепость, деревню или какое-либо человеческое жилище.

Уточнить у господина Юйсяна? Опасно. Если он доложит кому-либо из старейшин, могут возникнуть вопросы, на которые я не готов отвечать. Но на кону была жизнь учителя Лучаня, и я не мог уйти с пустыми руками.

Смотритель архивов отчитывал одного из служек. Я приблизился, ожидая, пока мне уделят внимание.

— Что-то не так, Саньфэн?

— Господин Юйсян, карты, которые вы мне дали, неполные.

Он нахмурился, явно понимая больше, чем я надеялся. Махнул рукой, отпуская служку, дождался, пока тот удалится, и только потом сказал:

— Гора Тяньмэнь — особое место. Большинство сведений о ней доступны только мастерам, либо ученикам с их письменного разрешения. Надо полагать, таковое у тебя отсутствует?

Я покачал головой.

— Что ж, — тоном судьи, выносящего приговор, заключил господин Юйсян, — тогда я почти ничем не могу тебе помочь. Подробные карты Тяньмэнь пока тебе не полагаются.

Я извинился за беспокойство и заспешил к выходу, досадуя, что так нелепо подставился.

— Саньфэн, — голос смотрителя остановил меня на пороге.

Натянув подобие улыбки, я обернулся.

— Да, господин Юйсян.

Смотритель архивов внимательно глядел на меня поверх круглых очков.

— Ты сегодня на редкость невнимателен, — без осуждения заметил он. — Я сказал «почти».

Несколько ударов сердца я смотрел на господина Юйсяна, пытаюсь осознать смысл его слов, боясь поверить робкому проблеску надежды. Видимо, это отразилось на моем лице, так как он снисходительно улыбнулся и бросил:

— Ступай за мной.

Смотритель привел меня в тесный закуток, усадил за небольшой стол и велел ждать, скрывшись в полумраке деревянных стеллажей.

Надо полагать, это было рабочим местом одного из архивных служек. Тусклый свет масляной лампы высветил распахнутый журнал учета и груды свитков, занимавших добрую половину стола. Я не решился ничего трогать. Уставился на колеблющийся язычок пламени внутри стеклянной колбы.

Огонь успокаивал, приводил мятущиеся мысли в порядок.

Я настолько увлекся созерцанием пламени, что потерял связь с реальностью и пропустил возвращение господина Юйсяна. Пришел в себя только, когда он принялся наводить порядок на столе, складывая свитки в аккуратные стопки и сетуя на безалаберность служек.

Прибравшись, смотритель опустил на стол увесистую книгу в потертой деревянной обложке, в центре которой красовалась надпись: «Легенды и предания Окраины».

— Господин Юйсян...

— Ох уж это молодое поколение — ни терпения, ни выдержки, — вздохнув, перебил меня смотритель.

Он открыл книгу в том месте, где была закладка, и ткнул пальцем в заголовок: «Гора Тяньмэнь».

— Но это всего лишь мифы! — не сдержался я. — Как они помогут мне?

Господин Юйсян укоризненно покачал головой.

— По-твоему, мифы — это небылицы, сочиненные ради забавы? А автор этого сборника глупец, раз потратил время и силы, чтобы их записать?

— Нет, но... — смутился я под его пристальным взглядом.

— Сказка ложь да в ней намек, заклинателям урок, — подняв указательный палец продемонстрировал смотритель. — Ты смысленный мальш, Саньфэн, и когда-нибудь, я верю, станешь прекрасным мастером. Чжан Лучань будет гордиться тобой.

Не дожидаясь моей реакции, господин Юйсян удалился, оставив меня наедине с удивлением, библиотечной тишиной и древним фолиантом.

«Надеюсь, эти легенды помогут спасти вас, учитель», — вздохнул я и подвинул к себе книгу.

«Говорят, ночью у подножия Тяньмэнь можно встретить демоницу Ланьхуа Крадущую несчастье. Она шепчет голосами родственников, заставляя слышать в шуме листвы плач пропавших детей или зов умерших родителей. Зажигает мерцающие огни обещанием домашнего очага. Бедняков заманивает блеском фальшивого золота, стариков — надеждой вернуть утраченную молодость, призрачных невест [девушек, чей жених умер до свадьбы, но которые по разным причинам — из любви, выгоды — все равно согласились на брак] — встречей с возлюбленным.

Многие неосторожные путники попадают в сети Ланьхуа. Многие глупцы в отчаянии обращаются к ней сами. Всех одаривает покоем Ланьхуа, забирая их горе и несбыточные мечты.

И люди выходят из леса с растерянными улыбками на губах, не помня о причине своих страданий. Но память вскоре возвращается — и душевная боль, и слезы вместе с ней...

Многие не выдерживают и кончают жизнь самоубийством. Многие возвращаются в лес Ланьхуа снова и снова, пока от них не остаются одни пустые оболочки, бледные тени, что потерянно бродят между деревьями, шепча имена когда-то дорогих им людей.

Ибо беспамятство, что дарит Ланьхуа, есть не спасение, но проклятие. Горе как вода в родниковой чаше — если вычерпать ее, то вернется снова. Если же иссушить родник — то и жизни не останется вовсе...»

Господин Юйсян явно переоценил мифологию. Что я должен вынести из этой красивой, но бессмысленной сказки?

Я перелистнул страницу.

«Некогда в деревне, что находится неподалеку от горы Тяньмэнь, жили два друга, два названных брата — травник Линь и резчик Чжу. Однажды Линь отправился в соседнюю деревню, чтобы договориться со свахой о собственной свадьбе, и пропал. Не вернулся он и на следующее утро, и через утро.

Спустя три дня в ворота Чжу постучался путник, представился родственником невесты и сказал, что друг Линь передает ему привет и просит одолжить две золотые монеты, которых не

хватило на выкуп. В доказательство своих слов он принес бамбуковую палочку с письменами и шелковый пояс Линя.

Чжу долго рассматривал письма, еще дольше пояс, перебирая узлы на конце, а затем ответил, что не может исполнить просьбу друга, так как у него нет нужной суммы, и добавил, что вместо денег в качестве выкупа готов отдать статую Великого Дракона, над которой сейчас трудятся, но закончить ее он сможет только завтра.

Родственник невесты был глубоко впечатлен искусством Чжу и согласился прийти завтра. Когда гость ушел, Чжу не стал братья за инструмент, покинул свою хижину и поспешил к заклинателям с сообщением, что его друга Линя похитили разбойники.

Наутро, когда разбойник явился за статуей, заклинатели схватили его, выпытали, где находится логово, и спасли травника.

Как же Чжу узнал, что путник — это разбойник и Линь попал в беду, спросите вы? Разгадка кроется в шелковом поясе, точнее, в узлах, завязанных особым, известным только друзьям, образом. Ибо настоящая дружба говорит без слов...»

Линь, конечно, хитро придумал, но как это поможет мне вытащить учителя Лучаня из пут Лозы?..

«На вершине горы Тяньмэнь располагаются Небесные врата...»

Та-а-ак. А вот это уже интересно!

«Великий заклинатель Гуйгу, устав от хлопот и мирской суеты, поселился в пещере на вершине безымянной горы. Сотню лет он неустанно практиковался в искусстве владения фохатом и достиг высшей ступени мастерства, открыв многие тайны Земли и Неба. Тайны эти мастер Гуйгу записал в свитках числом тысяча и один.

О свитках мастера Гуйгу прознал демон Да Хэй Мо Ван и решил использовать знания, заключенные в них, чтобы бросить вызов Владыке подземного царства Яньло Вану, захватить власть в Диюй. Однако мастер Гуйгу, не желая, чтобы знания его обернулись во зло, обратился в камень и перекрыл вход в пещеру, где хранились свитки. И настолько велика была его сила, что Да Хэй Мо Ван ничего не мог с ним поделать. Тогда раздосадованный демон повелел, чтобы дерзкий заклинатель навеки оставался камнем и сторожил проход в пещеру.

По сей день стоит недвижимый страж и ждет достойного, кто разрушит его каменное узилище и подарит мастеру Гуйгу долгожданный покой. А взамен откроется ему путь в храм Истины».

Храм Истины... Что бы это могло быть? Мастерство, которое ученик обретает, преодолев камень-препятствие? Или реальный храм, где заперли мастеров Шипа?

Но если Храм дарует нашедшему его знания мастера Гуйгу, зачем держать там пленников? Только глупец рискнет давать оружие своему врагу. Возможно, не все так просто?..

Я вскочил из-за стола и начал расхаживать взад-вперед по тесному закутку. «Думай, Саньфэн, думай, от этого зависит жизнь учителя Лучаня!»

Зачем Лозе вдруг понадобилось убивать наставника? Он взбунтовался и попытался бежать? Или дело в другом? Некоторые древние знания и артефакты могут быть опасны. Зачем рисковать самому, когда можно заставить других найти путь через топи? В конце концов, если вспомнить подслушанный разговор наставника Цзымина с Вэем, старейшина тоже не хотел подвергать опасности своего любимого ученика, оставив право экспериментировать с техниками Домов мне!

В голове роились бесконечные вопросы. Я вернулся к книге, перечитал историю про мастера Гуйгу, но новых подсказок не нашел. Пробежал взглядом оставшиеся легенды, связанные с горой Тяньмэнь. Ничего, что помогло бы прояснить ситуацию и навести на ответы.

Похоже, одному мне не справиться. Хуошан, Яньлинь! Надо все им рассказать: одна голова хорошо, но три — лучше.

Я быстрым шагом устремился к выходу. Пронесся вихрем мимо господина Юйсяна, бросив на ходу «спасибо», и выскочил на улицу.

И только вдохнув свежего весеннего воздуха, напитанного ароматом можжевельника, вспомнил, что идти мне не к кому. После нападения Шу этот мерзкий старикашка Диши увез Яньлинь в деревню Лозы. С Хуошаном мы разругались в пух и прах, и обратиться к нему первым значит признать, что я был неправ. Этот идиот обвинил меня в предательстве, а я теперь пойду к нему извиняться? Еще чего!

«Чжан Лучань тоже умрет...»

Да сожрет меня Хуапигуй [демон с разрисованной кожей]! Бормоча ругательства, я направился к дому Хуошана.

На стук долго не отвечали. Я уже собрался было уходить, когда дверь скрипнула и на пороге показался недовольный друг. Завидев меня, он еще больше набылчился и поджал губы. Было заметно, что он хочет что-то сказать, но гордость пересилила. В этом весь Хуошан.

— Так и будем стоять на пороге, или впустишь в дом? — поинтересовался я.

— Чего надо? — грубо буркнул Хуошан.

Я вздохнул, собрался с мыслями и, глядя ему в глаза, сказал:

— Пришел извиниться. Ты был прав насчет коварства Лозы.

— Я знал! Я предупреждал, что нельзя им верить! — громыхал Хуошан, выслушав меня.
— А ты...

— Да, я ошибся. До смерти будешь вспоминать? — осадил я друга, вновь ставшего самим собой. — Давай лучше думать, как спасти учителя и остальных мастеров.

— А что тут думать? — отмахнулся Хуошан. — Надо сейчас же идти на гору и вызволять.

Сколько времени осталось у наставника Лучаня? У нас? Тэнг Цзымин вроде сказал, год. Сердце требовало согласиться с Хуошаном и немедленно отправиться к горе Тяньмэнь. Но доводы разума все-таки победили.

— Во-первых, до Тяньмэнь несколько дней пути. Во-вторых, мы с тобой всего лишь ученики, а значит, потребуется разрешение наставников, чтобы покинуть деревню, иначе нас обвинят в побеге. В-третьих, даже если мы туда доберемся, мы не знаем, где держат мастеров Шипа, а блуждать наобум там можно целую вечность.

— Добудем карту — делов-то.

— Я уже был сегодня в архивах. Нужные нам карты доступны только мастерам или с их разрешения. Если я обращусь к наставнику Цзымину, он наверняка что-то заподозрит, и тогда наша затея обречена на провал.

— Значит, мы их выкрадем!

— Архивы опутаны сетью защитных чар, — покачал я головой. — С нашими умениями через них не пройти.

— Маогуй [дух кошки] им в сердце! — Хуошан врезал кулаком по столу так, что подскочили кружки. — Но надо что-то делать! Мы не можем сидеть, сложа руки!

Взрывной нрав Хуошана, как всегда, подействовал на меня отрезвляюще. Глядя, как бушует огонь в его глазах, как раздуваются от гнева ноздри, а кулаки сжимаются в нетерпении кому-то навалить, я внутренне собрался и начал искать решение. Ну не идти же на поводу у этого вспльчивого дурака! Себя погубит и всех нас подставит.

— Ну что ты молчишь?! — не унимался Хуошан. — Может, расскажем все Юйсяну, и он согласится выдать нам нужные свитки без разрешения?

— Остынь! — остудил я порыв друга. — Господин Юйсян хоть родом из Шипа, вряд ли будет так рисковать только из-за наших слов. Он и так помог мне сегодня.

— Ты это называешь помощью? — фыркнул Хуошан. — Да книжный червь потешался над тобой, подсунув эти сказочки. Ставлю свой пояс с медальонами, что после твоего ухода он еще долго посмеивался над олухом Саньфэном.

— Раз ты такой прозорливый, то скажи, зачем ему понадобилось так меня дурачить?

— Ну-у-у... — Хуошан почесал в затылке. — Старикку скучно днями сидеть в своем мрачном пыльном логове, вот и решил поразвлечься.

Я выразительно закатил глаза. Хуошан нахмурился и сложил руки на груди.

— Предложи объяснение получше, — обиженно буркнул он.

— Если верить легенде, то вершина горы Тяньмэнь — особое место. Возможно, там находится какой-то мощный артефакт.

— Зачем Лозам держать наших мастеров рядом с источником силы? Я бы точно воспользовался этим источником и поднял мятеж!

— Лучше головой воспользуйся, — осадил я друга. — Может, свойства этого источника не позволяют черпать из него силу всем подряд, или для мастеров Шипа он бесполезен...

— Сидя на месте, мы это не выясним!

— Первая толковая мысль от тебя за сегодня.

— Тогда завтра с утра...

— Ты чем слушал все это время? Без карты нам там делать нечего, — остудил я пыл друга. — Да и наше отсутствие сразу заметят, встанут на след — и поймают.

— Ну и чего ты предлагаешь? — засопел Хуошан.

— Через полгода испытания на адепта. Мы обязаны попасть на экзамен.

Глава четырнадцатая

Светившийся салатovým побег медленно, сонно проклеивался сквозь покров опавшей листвы, устремляясь навстречу взошедшему над горизонтом рыжему солнцу. Дав ему прорасти локтя на три, я набросил сверху сеть изумрудного фохата. Дестабилизированная печать задрожала, грозясь развеяться. Или взорваться. Или... Опорные точки совместились, две разных структуры сплелись в одну — неряшливую на вид, но стабильную.

Получилось!

Я с удовлетворением посмотрел на оцетинившуюся шипами лозу, лежавшую передо мной на земле. Связка техник двух Домов была, конечно, далека от идеала, но на последних тренировках у меня получались две из трех совмещенных печатей, а значит, можно говорить об определенном прогрессе. Да что там! О прорыве!

Жаль, речь шла лишь о соединении техник первого уровня.

— Баловство это! — раздраженно буркнул Хуошан, безрезультатно попробовав повторить плетение. — И чем оно поможет нам на горе Тяньмэнь?

Возможно, что ничем, но я собирался использовать любой шанс. Особенно теперь, когда, как наставник Цзымин и предупреждал, поле фохата ослабло настолько, что сильнейшие печати Шипа мне больше недоступны.

Старшие техники Лозы нам с Хуошаном тоже не давались. Я зазубрил схемы наизусть, но воплотить их что-то мешало, какой-то внутренний барьер — и нельзя было сказать, виновато ли тело, не успевшее сродниться с чужой энергией, или разум, подсознательно не желавший принимать ее.

Наставник Цзымин полагал, тренировки рано или поздно помогут мне вернуться на привычный уровень. После обмана про учителя Лучаня я скептически относился к его словам, но предпочитал разделять зерна знаний, которые давал мне Дом Лозы, и плевила фальшивой заботы. За полгода достичь того же, на что в первый раз ушло более шести лет — пожалуй, это могло считаться неплохим результатом. Было бы у меня больше времени... Но времени как раз почти не осталось.

Воздух Садов Тишины наполнился запахом хризантем и сыростью близящихся дождей. Склоны гор покрылись пеной золотого османтуса, и ветер, налетающий с вершин, дышал холодом.

Миновало полгода с объединения Домов, и до экзамена на адепта оставались считанные дни. Но даже их отнимали всякие назойливые личности.

— Саньфэн! Так и думал, что вы здесь прохладаетесь с самого утра! Надеюсь ты не забыл, через полчаса нас ждет учитель? И я бы очень не рекомендовал опаздывать.

— Мамочка твоя явилась, — зло бросил Хуошан.

Я коснулся терния, заставляя его скрыться в земле. Поднял взгляд на приблизившегося Вэя, пытаюсь понять: видел или нет? Белобрысый гений, как обычно, изображал саму невинность и дружелюбие.

— Могу побыть и твоей «мамочкой», — улыбнулся он Хуошану.

Если бы белобрысый говорил чуть менее серьезно, это могло бы показаться издевательством. Я ждал, что Быкоголовый попробует зарядить Вэю в глаз, но друг, вопреки моим опасениям, сдержался.

— Слышал, у тебя возникло... недопонимание с мастером Ниу? — продолжил как ни в чем не бывало солнечный гений. — Хочешь, я спрошу учителя Цзымина, не согласится ли он взять еще одного ученика? А то если делить наставнический пыл уважаемого старейшины только на нас двоих, боюсь, до испытаний на Тяньмэнь мы с Саньфэном не доживем.

Мастер Цзымин, решив, что совместных уроков недостаточно, объявил индивидуальные тренировки, которые больше походили на издевательства: после прошлой я приполз домой около полуночи и сам не понял, как вообще добрался до лежака.

— Обойдусь! — Хуошан скрипнул зубами и поднялся. — Не хочу быть третьим лишним в вашей гениальной парочке.

Быкоголовый, Извечный Свет ему в глотку! Глядя в спину удалявшегося друга, я не удержался от вздоха. Похоже, у Хуошана началось очередное обострение на тему «дружбы с врагами». И плевал он на объяснения, что, при всем желании, я не могу не видеться с Вэем: учитывая общего наставника, в доме которого мы проводим большую часть дня, это выглядело бы странно, подозрительно — а подозрений следовало избегать.

Полагаю, умом друг тоже понимал, насколько глупо его поведение, но разум не всегда способен совладать с чувствами. В отсутствие Вэя Хуошан притворялся, что первого ученика не существует вовсе. Но когда солнечный гений появлялся в зоне видимости и игнорировать его становилось невозможно, Быкоголовый так и брызгал ядом.

Хотя, наверно, отчасти Хуошан был прав. Я помнил, что Вэй из Дома Лозы, а значит, потенциальный враг, но по-настоящему ненавидеть белобрысого у меня не получалось.

Разум не всегда способен совладать с чувствами — иронично, что, обвиняя в излишней эмоциональности Хуошана, я и сам оказался не лучше.

Сегодня была моя очередь провожать младших учеников домой после совместных занятий — и это обещало мне восхитительно свободную вторую половину дня. Я мысленно посочувствовал оставшемуся в доме учителя Вэю.

— ...а я говорю, что в том колодце находится вход в Диюй! — размахивая руками и привлекая внимание прохожих, доказывала Шпилька Жаолинь. — Покойная старуха Мо точно была повелителем демонов!

Мальчишка лишь скептически хмыкнул.

— Зря смеешься! — разозлилась Баожэй. — Я сама видела!

— Демонов?

— Кота!

Жаолинь с недоумением смотрел на подругу, и потому Шпилька решила разъяснить:

— Син сказал, что после первой звезды среди руин бродит призрак старухи Мо. Я решила спрятаться в кустах возле дома и самой убедиться.

— Но... После заката? Это как раз перед отбоем! Младшим ученикам запрещено покидать школу так поздно, — не поверил Жаолинь. — По правилам...

— Глупые правила! — отмахнулась Шпилька.

— И тебе не было страшно?

— Поначалу было скучно. Солнце скрылось за горизонтом. — Голос Шпильки приобрел вкрадчивость, свойственную рассказчикам, что собираются у костра в ночь духов. — Сгустились сумерки. Улицы окутала тишина, — Шпилька подумала и добавила: — Мертвая. А затем прямо за спиной я услышала... жуткий вой!

Баожэй выдержала драматическую паузу.

— Звук доносился из старого колодца, из которого никто никогда не брал воду. Хоть мне и было страшно, я подошла ближе. Внутри выл и скребся самый настоящий демон!

— И ты убежала?

— Отправилась за подмогой, — негодуя от того, что ее заподозрили в трусости, фыркнула Шпилька. — И встретила братца Вэя. Когда он приподнял крышку колодца, оттуда выскочил кот!

— Кот? — разочарованно протянул Жаолинь. — Обычный кот?

— Ну, конечно же, нет, дурак! — Баожэй аж ногой притопнула от возмущения. — Колодец был наглухо закрыт крышкой. Сам подумай, как обычный кот мог оказаться внутри?! Это точно был кот-оборотень!

Мы дошли до школы младших учеников, и разговор оборвался на самом интригующем месте. Баожэй и Жаолинь, разом позабыв про демонического кота, тут же бросились к друзьям, спеша узнать, что произошло в деревне за день и поделиться подробностями очередного урока у старейшины Цзымина.

Дети!.. А ведь младших учеников Лозы и Шипа уже почти не отличить друг от друга. Это отдаленно напоминало совмещение печатей, которое я практиковал утром: чем ниже уровень, тем легче происходило слияние.

От моего Дома с каждым днем оставалось все меньше и меньше.

Это было неправильно! Возмутительно! И... лучшим из возможных вариантов.

На месте сгоревшего леса вырастает новая поросль. Дети уничтоженного Дома Шипа по-прежнему следуют Пути Света, не зная сомнений и печалей. А те, кто не способен смириться и перестроиться, должны не обвинять других в собственных неудачах, а для начала самим стать сильнее!

Этим я и собирался заняться.

Если Дом Шипа возродится, то и ученики вернуться.

В архивах привычно пахло пылью, чернилами, лаком и средством от насекомых. Господин Юйсян, занятый переписыванием старых, приходящих в негодность свитков, сидел на своем месте у окна.

На приветствие он отреагировал рассеянным кивком и поднял слезящиеся от напряжения глаза только, когда я поставил на его стол короб с запеченным в меду бамбуком: смотритель архивов был тем еще сластеной — я случайно узнал об этом пару лун назад и с тех пор регулярно баловал старика.

— Право, не стоило, Саньфэн, — отказался господин Юйсян.

— Это самая малость, которой я могу отблагодарить вас за заботу.

— Скорее, я должен благодарить, — возразил смотритель архивов. — От тебя проку больше, чем от трех бездельников, которые числятся моими помощниками и появляются тут раз в луну. Если вдруг окажется, что тебе некуда идти, я всегда с удовольствием возьму тебя на службу. Представляешь, вчера эти негодники...

Помимо сладостей господин Юйсян любил поболтать. Неудивительно: когда целыми днями общаешься с пыльными свитками, котами и крысами, что изредка избегают лап этих котов, клещом вцепишься в любого, кто согласен слушать. Жаловаться на бестолковых помощников Юйсян мог вечерами напролет.

— Похоже, у вас опять найдется для меня работенка?

— Да. Надо переписать... — начал смотритель архивов, осекся. — Что ж, я всё о себе и своих заботах, старый дурак! Скоро ведь испытания на адепта, да, Саньфэн? Лучше иди готовься. И не вздумай уступить Лозе!

Я был слишком самонадеян?! Неужто господин Юйсян сразу догадался, зачем я таскаю ему сладости и навожу порядок в его хозяйстве вместо тренировок и встреч с друзьями?

Я так много времени проводил в архивах, что столик в дальнем от входа углу давно закрепился за мной. Я зажег лампу, взял верхний из горы (мне мерещится или с прошлого раза она стала выше?) свитков.

У здешних служек есть замечательное преимущество: никто не следит за тем, какие документы оказываются в их руках. Например, жизнеописание некоего мастера двухсотлетней давности, в котором нашлось упоминание святилища на горе Тяньмэнь — весьма куцее, но давнее хотя бы общее представление о его местоположении.

Совсем уж нагнать и лезть в закрытые секции я до сегодняшнего дня не рисковал. Не стал и нынче, догадываясь, что и у благосклонности господина Юйсяна есть предел.

Чем звездный старец Фу порадует меня сегодня? Или снова отвернется?

От мысли использовать на горе Тяньмэнь артефакты я отказался уже давно. Большинство схем выглядели слишком мудрено, чтобы собрать их самостоятельно, не прибегая к помощи кузнеца и иных ремесленников. Простые же артефакты вряд ли окажутся полезны.

Поэтому я искал способ, чтобы стать сильнее самому, разрушить внутренний барьер, не позволявший мне использовать печати Лозы.

Перебрав два десятка тренировок и обнаружив, что, как ни странно, уроки старейшины Цзымина оказались самыми эффективными, я решил зайти с другой стороны и теперь пытаюсь, хоть эти попытки и навевали тоску, разобраться в зельеварении.

Пилуоли, которые избавляют от нервических припадков. Зелье, снимающее жар при лихорадке. Кровоостанавливающий порошок. Настойка бодрости, позволяющая не спать несколько суток подряд — с весьма неприятным откатом после.

Найденные мной рецепты в основном влияли на физическое тело, почти не затрагивая энергетический уровень. Обидно, что нельзя выпить пилуоли и сразу стать мастером!

Если рецепты подобных чудо-средств и были в наших архивах, то хранились они в закрытой секции, куда помощников не допускали, да и сам господин Юйсян посещал только в сопровождении старейшин.

Я уже решил, что и сегодняшний вечер пройдет впустую, когда, раскрыв очередной свиток, наткнулся на неразборчивый почерк мастера Чжан Сяня. Вчитался! Выругался!

Извечный Свет!

Я ведь уже пользовался этим способом! Но почему-то даже не подумал о кристаллизованном фохате!

Наверное, дело в том, что мне до сих пор было стыдно вспоминать о «бое» с мастером Цзымином. Или о наказании, которое нам пришлось отрабатывать после экспериментов одного белобрысого придурка. А может, в уверенности, что использование заемной силы на экзамене мастера наверняка восприняли бы как жульничество.

Но я собираюсь не на экзамен, а на войну! Двенадцатая великая мудрость гласит: если хочешь победить, выходи на бой с привычным оружием.

Мое оружие — печати Дома Шипа.

Рецепт кристаллизованного фохата выглядел относительно простым: даже мы с Хуошаном, при всей нашей нелюбви к алхимии, должны справиться. Вся загвоздка заключалась в том, чтобы собрать нужные ингредиенты.

Часть наверняка можно купить в аптекарской лавке дядюшки Хо. Кое-что одолжу из запасов Яньлинь: что касалось зелий, подруга всегда выручала нас с Быкоголовым, а потому, думаю, не отказала бы и теперь... будь она в Доме. С тех пор, как Яньлинь увез Диши, от подруги не пришло ни весточки, и мне оставалось только надеяться, что она в порядке.

В крайнем случае я могу попросить нужные составляющие у Вэя: солнечный гений тоже с удовольствием возился с котлами. И в помощи никогда не отказывал. Проблема в том, что к этой помощи зачастую прилагалось неумное любопытство, а объяснять, зачем мне понадобились изумрудная крошка, вытяжка женьшеня, тигровый цвет и сангуис не хотелось.

Возможно, для некоторых ингредиентов я смогу подобрать замену. Кроме одного. Чтобы создать кристаллизованный фохат, требовался — мастер очевидных истин! — Кристалл Дома Шипа.

За оставшиеся до ужина часы я придумал сотню невероятных способов, как проникнуть в хранилище под Дворцом Старейшин. И пришел к неутешительному выводу, что проще из облезлой козы пьяницы Ли состряпать благородного жеребца!

Вход наверняка охраняется, а двери заперты не только на замки, но и печати. К тому же, чтобы добраться до хранилища, придется пройти через Дворец Старейшин, а внутри постоянно околачивается кто-то из мастеров Лозы.

Отступать, впрочем, я не собирался. Если я готов сложить руки перед первыми же трудностями, мне нечего делать на горе Тяньмэнь.

— Ты совсем меня не слушаешь! — возмутился Хуошан, вместе с которым я направлялся к столовой Йизе.

— Прости, — рассеянно отозвался я. — О чем ты говорил?

Либо пойти другим путем... Путь? Я слышал, что есть тайный ход, ведущий от Дворца за пределы деревни. Наверняка, он защищен гораздо хуже, чем главные двери. Но как его отыскать?

— О горе Тяньмэнь. Ходят слухи, старший ученик Тай десять лет назад провалил экзамен, потому что наткнулся на князя демонов!

— Чушь.

— Конечно, чушь, — согласился приятель. — Но вдруг...

Демоны... Демоны? Где я про них недавно слышал? Точно, демоны! Не может ли такое быть, что упомянутый Шпилькой «Диюй» связан с тайным ходом? Каким-то же образом та кошка оказалась в закрытом колодце! Поняв, что не успокоюсь, если немедленно не проверю догадку, я свернул на улицу, где жила старуха Мо.

— Эй! Столовая дальше! — окликнул Хуошан.

— Подойду чуть позже.

Я не шибко полагался на знаки судьбы, но Фу-син сегодня явно благоволил мне: вдруг он решил притвориться Баожэй и дать еще одну подсказку?

Хуошан с тоской покосился на приоткрытую дверь дома Йизэ, из которой аппетитно пахло запеченными баклажанами и свининой в кисло-сладком соусе, и последовал за мной. У друга целая гора недостатков — вспыльчивость, несдержанность, ослиное упрямство — зато, когда надо прикрыть спину, на него всегда можно положиться.

Обрушившийся дом покойной старухи Мо давно разобрали, и теперь о нем напоминали только плешь в траве, каменный очаг да позабытая, а может, брошенная за ненужностью утварь.

Я с грустью вспомнил вкуснейшие рисовые лепешки и радушную улыбку, с которой она выслушивала про наши детские неурядицы, чтобы потом дать мудрый совет. Подслеповатая худосочная Мо, похожая на кривую усохшую ветку (дунь — и она рассыплется трухой) — какие тайны скрывали лукавые морщинки в уголках ее глаз?

Колодец обнаружился в самом дальнем углу двора, среди крапивы и осоки. Рычаг давно сгнил. Кладка раскрошилась, утопла в земле и заросла мхом. Ради безопасности, чтобы никто случайно не провалился, яму накрыли сбитой из дубовых досок крышкой. Какой-то шутник, и я даже догадывался кто, прикрепил на нее несколько нарисованных на бумаге бранных рун — наверняка Вэй посмеялся над Баожэй, запечатав таким образом вход в «Диюй».

Странно, что колодец и вовсе не засыпали.

Или же нет, если предположить, что здесь заканчивался ведущий из Дворца тайный ход.

Я сел в позу медитации. Мне не сразу удалось сконцентрироваться, словно что-то мешало. Рассеивающий внимание амулет? Или рядом слишком много людей? Одно нетерпеливое сопение Хуошана над ухом чего стоит!

Наконец я поймал звучание окружающего мира. Шелест листьев и шуршание травы. Ток сока по стеблям. Устремился к корням, уходившим все глубже и глубже в землю.

Внизу и впрямь что-то было. Полость, достаточно большая, чтобы не спутать ее с кротовьей норой, и длинная, а потому не похожая на подвал.

— Помоги мне!

Крышка оказалась увесистой: мы с трудом смогли отвалить ее в сторону. А я-то еще удивлялся, почему Баожэй с ее непоседливым характером не отправилась в «Диюй» охотиться на демонов — ей просто не хватило сил.

Я заглянул в колодец, но не сумел разглядеть дно: похоже, именно здесь Хозяйка Ночи прятала в дневные часы свой плащ. На стене, под слоем мха, что-то блеснуло. Скоба? Похоже, моя догадка насчет тайного хода оказалась верной.

Но чтобы убедиться наверняка, придется спуститься.

— Теперь-то ты объяснишь, какие демоны укусили тебя за зад? — потребовал Хуошан, отвлекая меня от раздумий.

— Позже.

— Все ясно. Не хочешь, чтобы я лез в ваши с Вэем секреты!

Хуошан ткнул мне в нос кулак с зажатым в нем бумажным заклинанием. Конечно, он узнал почерк белобрысого и сделал соответствующие выводы. Параноидальная неприязнь к первому ученику уже начинала бесить!

— Да при чем здесь Вэй? — не сдержался я, понизил тон: — Мне нужно добраться до Кристалла.

— Кристалла? — удивленно переспросил Хуошан. — Ты имеешь в виду тот самый Кристалл?

— Тише ты, придурок! — зашипел я на него, с испугом оглядел пустой двор. — Хочешь, чтобы тебя услышал весь Дом?

— Кажется, у меня в ухе что-то застряло, — Хуошан демонстративно почесал мочку. — Мне показалось, или ты решил залезть в хранилище?

— Я хочу добыть кристаллизованный фохат. Он пригодится нам на горе Тяньмэнь. Да, я понимаю, что собираюсь нарушить с десяток правил Дома. Да, я не знаю, что с нами сделают, если поймут. Да, это очень опасно. Ты со мной?

— Конечно. Прямо сейчас?

Я огляделся, подумал, покачал головой.

— Лучше ночью. Меньше шансов, что кому-то из старейшин приспичит спуститься в хранилище. Да и нас никто не хватится до утра.

Мы сдвинули обратно крышку и направились к выходу со двора.

— Свет, вода, веревка... Надо подумать, что еще понадо...

Я осекся, обнаружив стоявшего у ворот Шу.

— Даже если свинью из жалости возьмут в великий Дом, она все равно останется свиньей. Снова роетесь в мусоре, убогие?

Гаденышу позволили вернуться в деревню? Не было печали! Я огляделся, чтобы понять, крысюк один или его вечный подпевала Танзин где-то неподалеку.

— И чего вы искали на этой помойке? Чем оплатить завтрак?

— Ты!.. — взревел Хуошан.

На всякий случай я взял друга под локоть, удерживая: вокруг слишком много людей, к тому же драка привлечет совершенно ненужное нам сейчас внимание мастеров. Не хотелось бы схлопотать наказание навряд ли той тли, которую в прошлый раз посадил на Быкоголового Тэнг Бинь.

— Не обращай внимания! Он только твякать и может.

— Что могу я, вы, гнилые шипы, увидите на горе Тяньмэнь.

Крысюк не был бы самим собой, если бы не постарался устроить пакость напоследок или хотя бы оставить за собой финальное слово.

— Если, конечно, сумеете туда попасть.

Глава пятнадцатая

— Надеюсь, я не сломаю себе ноги, — пробурчал Хуошан, с недоверием вглядываясь вглубь старого колодца. — Или шею.

Ночью двор старухи Мо выглядел еще сиротливее и запущеннее, чем днем. Если тут и водились призраки или демоны, сегодня они предпочли не показываться на глаза. Небо заволкло тучами, спрятав луну и звезды. Накапывал мелкий дождь, который в данной ситуации был нам только на руку.

— Ты собрался туда прыгать? — скептически поинтересовался я у друга.

— Только после тебя, — огрызнулся Хуошан чуть громче, чем следовало бы.

— Не ворчи. И говори потише, — шикнул я на него, озираясь: на противоположной стороне улицы мелькнула чья-то тень, а может, просто показалось. — Не хватало, чтобы с дороги услышали голоса и зашли проверить, кто ошивается в заброшенном дворе.

— Кому нас тут подслушивать? Главе Фухуа? — отмахнулся Хуошан. — Хотел бы я взглянуть на бездельника, который будет шастать по деревни среди ночи, да еще в непогоду.

— Спереди бойся волка, а сзади — тигра.

— Душнила.

Спорить с этим непрошибаемым упрямец — всё равно что требовать плодов от сливы в зимнюю пору. Поэтому я ограничился свирепым взглядом и зашарил рукой по внутренней стенке колодца, надеясь, что скоба мне вечером не померещилась. Шероховатые и влажные камни плотно прилегали друг к другу, не оставляя ни выбоины, ни выступа, за который можно было бы зацепиться. Я опустил руку глубже и стал обходить колодец, ощупывая кладку.

Через полкруга пальцы коснулись металла. Перекинув ногу через край, я с осторожностью ступил на вмурованную в стену железную скобу, надавил на нее, пробуя на прочность. Вроде держит.

— Нашел что-то? — оживился Хуошан.

— Сейчас проверим. Подстрахуй.

Одно рукой я ухватился за ладонь друга, второй взялся за край колодца.

— Сам тоже уцепись за что-нибудь — предупредил я Хуошана. — Иначе, если соскользну, утащу тебя за собой.

— Да я с десятков таких, как ты, дохляков выдержу, — осклабился он и крепче сжал ладонь.

Свесившись, я нащупал ногой вторую скобу — как раз под первой. Великий Дракон явно благоволил нам! Перехватившись руками, я спустился еще на одну ступеньку ниже.

— Давай за мной, — позвал я Хуошана. — Только не торопись, скобы скользкие.

— Не бойся, не упаду, — заверил он меня и полез в колодец.

Спуск показался мне вечностью. Любое неосторожное движение грозило сбросить с лестницы. Стены покрывали мох и грязь. Даже не хочу представлять, как буду оправдываться перед прачками или отстирывать одежду сам.

Когда я, наконец, ощутил под ногой твердую землю, то выдохнул с облегчением. Следом, проклиная тайный ход и его создателей, спрыгнул Хуошан.

Я покопался в сумке, и через несколько мгновений тьму рассеял мягкий зеленоватый свет кристалла. Шары из горного хрусталя, впитывая фохат заклинателя, излучали в ответ свет. Надеюсь, нам с Хуошаном хватит запаса энергии, чтобы добраться до хранилища и вернуться обратно. Желательно не с пустыми руками.

Я не сразу заметил узкую щель, протиснуться в которую удалось только боком. Открывшийся за ней проход явно был делом рук заклинателей: кто-то укрепил стены и потолок сетью

из переплетенных корней, позаботившись, чтобы они не обрушились. Я не был уверен, что туннель связан с хранилищем, но вел он как раз в направлении Дворца Старейшин.

— Темень и холод, — фыркнул, поежившись, Хуошан. — Ощущаю себя заблудшей душой в лабиринте Юду [столица подземного царства мертвых].

— Для покойника ты чересчур много ворчишь, — ехидно заметил я и добавил: — Пошли. В пути согреешься.

Во влажном, сыром воздухе подземелья дыхание повисало облачками белесого пара, быстро таявшими в свете кристалла.

Я внимательно вглядывался в пространство перед собой, опасаясь ловушек, которые могли поджидать незваных гостей. Воображение рисовало оцетинившиеся шипами провалы в полу, ядовитые стрелы из неприметных ниш в стенах, а то и, не приведи Извечный Свет, сотворенные из врагов Дома цзянши [окоченевший труп, зомби] с высшими боевыми печатями за пазухой.

Скорее всего, эти байки распускали сами старейшины Шипа, чтобы неугомонные ученики с шилом в одном месте держались подальше от Дворцовых подвалов, но кто знает...

— Ты уверен, что мы идем в нужном направлении? — нарушил молчание Хуошан.

— Не припомню, чтобы нам попадались развилки. Да и вряд ли кто-то еще, кроме старейшин, мог соорудить ход под деревней.

— Так-то оно, конечно, так. Но по моим ощущениям, мы давно уже вышли за пределы деревни, — настороженно проговорил мой друг.

Сообразительность — не самая сильная сторона Хуошана, но иногда к его словам стоит прислушаться.

Я остановился, пристально вглядываясь в стены, темный свод потолка и усеянную мелкими камнями землю под ногами. Вроде ничего странного, разве что сеть из корней исчезла, и всё же... меня уже давно терзало смутное чувство неправильности происходящего, а замечание Хуошана только усилило его.

Чтобы хоть как-то ориентироваться в пространстве, я начал считать шаги. Два шага — одна секунда. Спустя тысячу сто двадцать два шага Хуошан остановился, присел на корточки и принялся осматривать землю.

— Мы уже проходили здесь, — мрачно заключил он, указывая на неровность в полу. — Я споткнулся на этой клятой яме.

— Уверен, что именно на ней? — засомневался я. — Таких впадин здесь немерено.

— По-твоему, я идиот? Вот, полюбуйся, след после нее — я чудом удержался на ногах.

— Великий Дракон! — вполголоса произнес я. — Надеюсь, ты всё же ошибаешься.

Собрав валявшиеся вокруг камешки, я сложил их в подобие пирамиды прямо по центру прохода. Пирамида получилась невысокой — с пару ладоней — но больше и не требовалось. Хуошан наблюдал за моей возней со скепсисом, но от вопросов воздержался.

Закончив, я кивнул ему и зашагал дальше. Друг нагнал меня, пошел рядом, напряженно вглядываясь во тьму впереди. Он весь подобрался, и я чувствовал, что он предельно сосредоточен и готов действовать в любой момент.

Еще через две тысячи восемьдесят пять шагов он остановился с победоносным видом у груды камней. Тех самых, из которых я недавно сложил пирамиду.

— Ну?! — завопил он, тыча пальцем в камни. — Панда неверующая! Убедился?

Я пропустил мимо его шпильку и подошел к пирамиде, чтобы рассмотреть вблизи. Хотя с первого взгляда было понятно, что это та самая пирамида, я не хотел до конца в это верить и изучал каждый камешек и мельчайшую трещину. А осознав, что дальше обманываться не получится, раздраженно пнул груды камней.

— Чтоб тебя эгуй [вечно голодный дух] пожевал и выплюнул!

— Я так полагаю, это признание моей правоты? — осклабился Хуошан. — Ладно, ты прощен.

Нестерпимо захотелось отвесить другу подзатыльник.

— Прекрати кривляться. Если до тебя еще не дошло, мы в ловушке.

— Ну, — размял плечи Хуошан, — раз нас не пришибло на месте, наверно, не всё так плохо.

— Посмотрим, как ты запоешь дня через два на голодный желудок, — съязвил я.

— Ты действительно хочешь это услышать? — уточнил Хуошан, откупорив горлянку и сделав хороший глоток.

— Если начнешь фальшивить, печать тишины всегда со мной.

Друг протянул мне горлянку. Я непроизвольно отхлебнул, хотя вовсе не хотел пить. Прохладная чуть сладковатая вода приятно освежила горло и вернула порядок в мысли.

Хуошан прав: пока не случилось ничего страшного. У нас есть запас воды из источника Семи Чаш, легко протянем несколько дней и без еды. Скорее, стоило волноваться, что наше долгое отсутствие всполошит старейшин.

Я хотел сделать еще глоток, но Хуошан неуловимым движением выхватил горлянку.

— Ишь, присосался! — хохотнул он. — Хватит с тебя и одного глотка, а то буянить начнешь.

— Буянишь у нас только ты, — беззлобно, уже успокаиваясь, произнес я.

— Приходишь в себя, дружище, — хлопнул меня по плечу Хуошан. — Что делать-то будем? Ты ж у нас голова.

— Не тараторь, — осадил я его. — Дай подумать.

Я сел, привалившись спиной к шероховатой едва теплой стене, закрыл глаза. «Разум выше чувств», — вспомнил я наставления учителя Лучаня, в который раз убеждаясь в простоте и точности его слов. Медитация помогла очистить разум от суетливых мыслей и сосредоточиться.

Итак, судя по всему, мы с Хуошаном угодили в кольцо.

Старый трюк — заманить нарушителей в ложный проход, а затем сдвинуть за ними стену, заставив блуждать по кругу, пока не выбьются из сил. Я усмехнулся, вспоминая свои фантазии о шипастых ямах и скрытых самострелах. Да уж, старейшины Шипа подошли к защите хранилища с фантазией. Интересно, мастерам Лозы известно про эту ловушку, или они даже не поймут, куда мы с Быкоголовым подевались? И только через много-много лет какой-нибудь любопытный глупец забредет в этот ход и обнаружит наши кости.

Становиться костями я пока не собирался. Успеется.

Я посмотрел на друга. Хуошан нарезал круги по проходу, бормоча себе под нос и время от времени делая выпады в сторону невидимого противника.

«Что ж, каждый решает задачу по-своему», — отстраненно подумал я и снова погрузился в медитацию.

Как отыскать выход? Первое, что приходило на ум — пройти вдоль стены, ища стыки. Сколько совершенным ни был бы запорный механизм, зазоры должны остаться. Если окажемся внимательны, то легко их обнаружим, благо ловушка представляла собой не лабиринт, а всего лишь окружность длиной в пару ли.

Я рывком поднялся.

— Положи ладонь на противоположную стену и топай за мной! — скомандовал Хуошану.

— Это как понимать? — опешил он.

— Понимать незачем, просто делай, — отрезал я. — Обнаружишь что-то подозрительное — выступ, щель, перепад высоты, сразу говори.

Я медленно пошел вперед. Камень под ладонью был шершавый, теплый, будто нагретый солнцем, а еще мелко подрагивал. Землетрясение? В нашей части Окраины они редкость. Может, у меня пальцы свело от напряжения?

Через тысячу восемьсот шагов мы вернулись к полуразрушенной пирамиде.

— Похоже, план дерьмо, — заключил Хуошан, пиная остатки пирамиды. — Есть другой?

— Есть. Но его я пока не придумал.

Я изможденно прислонился к стене. Провел рукой по лбу, смахивая пот. Благодарно кивнул Хуошану, когда тот протянул мне горлянку.

«Странно, — мелькнула мысль, — За эту ночь мы прошли всего-то ли десять. Даже с обычной ежедневной тренировкой не сравнить, не говоря уже о каком-нибудь забеге до Долины Семи Чаш, который учителя устраивали нам пару раз в год, чтобы не слишком расслаблялись».

Хуошан плюхнулся рядом. Выносливостью он мог дать фору многим, но, видать, и он выдохся.

— Ты как? — спросил я, пытаюсь отогнать внезапную слабость в ногах.

— Подустал чего-то, — глухо откликнулся Хуошан. — Вроде не так много протопали... Что дальше? Продолжим изображать белок в колесе?

Сделать еще один бессмысленный круг на тысячу восемьсот шагов? И почему тысячу восемьсот, если в первый раз было больше двух? Я, конечно, мог ошибиться в подсчете, но не настолько же!

«Постой, Саньфэн, — одернул я себя, — не о том ты думаешь. Да и вообще мыслишь как простой человек, а не чувствующий фохат заклинатель». Мы под землей, в почве вокруг полно растений. Стена не могла сдвинуться, не повредив часть корней, что должно было отразиться в окружающем поле. Да и печать, которая отвечает за работу механизма, наверняка фонит.

— Перейди на внутреннее зрение и ищи необычное поведение фохата, — скомандовал я другу.

— Очередная безумная идея? — скептически хмыкнул он, но подчинился.

Густая тьма прохода вспыхнула разноцветными искрами, среди которых преобладали оттенки зеленого. Возникло ощущение, что я попал в центр метели: частицы фохата липли к стенам и, закручиваясь спиралью, исчезали в глубине прохода. А вот в воздухе их было поразительно мало, что играло против нас. В случае нехватки — восполнить запас энергии из окружающего пространства не выйдет.

— Мда-а-а, негусто, — высказал мои опасения Хуошан. — Нарочно, что ли, отсюда выкачали почти весь фохат?

— Учитывая, что это ловушка на заклинателей, не удивлюсь, если так, — кивнул я, пытаюсь сообразить, почему схема движения фохата мне кажется подозрительно знакомой.

Я перевел взгляд на Хуошана. Выругался. На уровне живота друга образовался пробой в энергетическом контуре, и через него тонким ручейком вытекал фохат.

— Хуошан, взгляни на меня! — потребовал я.

— Чего я там не видел? Или ты превратился в пышногрудую красотку? — вяло хохотнул он.

— Сейчас не до шуток! — осек я друга. — Посмотри на мое энергетическое тело.

— Ну?

— Ничего странного не замечаешь?

— Вроде, нет... Хотя, погоди...

Внутреннее зрение Хуошану никогда особо не давалось, а потому он приблизился.

— Ноги, — ткнул он пальцем куда-то вниз. — У тебя фохат из ступней сочится.

— А у тебя, небось, живот сводит, — вздохнул я, смотря на быстро бледнеющие зеленоватые следы под ногами.

— Откуда?.. — удивился он, умолк на пару секунд, а затем разразился проклятиями.
— Это что? У меня там дырка?! А я-то думал, это из-за твоих подначек мне жрать внезапно захотелось.

— Жрать ты готов постоянно, вне зависимости от времени суток и ситуации.

— Я расту!

— Вширь?

Хуошан возмущенно зарычал, но так и не придумал, что ответить, а потому сменил тему:

— Получается, нас не только водят кругами, но еще и сосут нашу энергию?!

— В точку, — сухо подтвердил я, отлип от стены и, преодолевая навалившуюся слабость, зашагал по коридору. — Поэтому в наших интересах отыскать выход до того, как мы свалимся без сил.

Идти становилось тяжелее: на ногах будто повис груз. Воля еще преодолевала слабость, но такими темпами нас надолго не хватит. Я до рези вглядывался в частицы фохата, но их танец был столь же нетороплив и гармоничен, как и в начале пути. А все попытки почувствовать мир за стенками туннеля наткнулись на невидимый барьер.

Где-то я уже видел подобное... В свитках с описанием печатей, которые я читал на днях в архивах? Или что-то похожее показывал на занятиях наставник Цзымин?

Не то.

Медитация в сливовой роще? Ток сока по стволу дерева, по его корням...

Теплее. Даже, я бы сказал, горячо. Ханьфу промокло от пота, и я с сожалением подумал о прохладе, которой нас встретило подземелье, когда мы только спустились.

Корни вгрызались в землю. Прячась, под ними копошились жучки и личинки, ползли безглазые черви... В голове почему-то всплыла энциклопедия животных Окраины, и я, осененный догадкой, споткнулся.

— Драконья задница!

— Так называется наш новый план? — поинтересовался Хуошан.

Я смерил его испепеляющим взглядом.

— Так называется место, в котором мы оказались.

Все было гораздо хуже, чем я предполагал. Лабиринт и сдвигающиеся стены? Чушь! Похоже, нас с Хуошаном просто-напросто сожрали — и ни я, ни друг этого не почувствовали.

Глава шестнадцатая

— Значит, мы в заднице? — скептически уточнил Хуошан, выслушав мои объяснения.

— Я бы сказал, что это следующий этап нашего пути, но джучонг [гигантский червь, живущий глубоко под землей] представляет собой один огромный желудок. Поэтому, когда внутрь попадает материальная пища, чтобы не выпустить ее, он сворачивается в кольцо, проглатывая свой хвост.

Если верить справочнику, джучонги достигали в длину от пары десятков шагов до нескольких ли. В основном черви питались фохатом, а потому их привлекали Кристаллы. Говорят, возле Старших Домов дремет по несколько штук. На Окраине же они встречались достаточно редко.

Животной пищей джучонги тоже не брезговали, но, на счастье людей, были слишком тупы и малоподвижны, чтобы охотиться самим, и просто ждали, пока кто-то забредет им в пасть. Чтобы заставить червя сменить место спячки, нужна была очень веская причина.

Судя по размерам, это был очень старый джучонг, приползший сюда еще во времена основания Дома, а то и раньше. Не удивлюсь, если старейшины использовали его, чтобы проложить секретный ход, а потом оставили в качестве сторожа.

Пока я думал, Хуошан решил действовать.

— Сейчас устроим этому ползучему гаду несварение! — заявил друг и, прежде чем я успел остановить его, активировал печать.

Рой шипов ударил по стенам и потолку... и будто втянулся внутрь. В местах ударов осталось несколько пульсирующих изумрудных пятен, спустя пару секунд рассыпавшихся искрами. Течение фохата усилилось, впрочем, быстро вернувшись к привычному ритму.

Хуошан покачнулся, но сдаваться не собирался.

— Правильно! Подкорми червя еще, а то он явно проголодался.

— Я хоть что-то делаю, а не жду, пока эта тварь меня переварит! — зло отозвался Хуошан, но печать погасил. — Ну и как нам выбираться?

Я вспоминал, что еще говорилось о джучонгах в справочнике.

Прав был в свое время учитель Лучань, подсовывая мне очередной трактат со словами: «Никогда не знаешь, что тебе пригодится». Я искренне недоумевал, зачем заклинателю, владеющему печатями, знать, когда сеять рис, а когда просо, как прокладывать каналы и строить мельницы, но послушаться наставника не посмел. И вот теперь страница из случайно попавшегося на глаза справочника могла спасти наши с Хуошаном жизни.

— Нужно найти центральный нервный узел. Он обычно располагается рядом с пастью. Это единственное уязвимое место. Идем.

— Еще бы знать, как этот узел выглядит, — проворчал Хуошан.

Я снова считал шаги, двигаясь следом за фохатом. «Все в мире взаимосвязано», — говорил учитель. Нарушения в тонком теле влияли и на состояние физического. Ноги с трудом отрывались от будто ставшего липким пола, и я ощущал себя мухой, угодившей в медовую лужу. Перед глазами плыло, частицы фохата сливались в сплошное яркое пятно, от которого рябило в глазах. Но стоило закрыть их, я начинал проваливаться в серую муть.

Мучительно хотелось спать.

Хуошан рядом споткнулся и упал, едва успев выставить руки.

— Проклятая слабость... — тяжело дыша, выдавил он. — Если я тут сдохну, подсыпь мой пепел в чай мастера Ниу — глядишь, отравится ведьма!

Я скинул сумку и долго возился с завязками. Непослушные пальцы никак не могли справиться с узлами, но насилу мне удалось добраться до содержимого. Зубами откупорил горлянку и поднес ко рту Хуошана.

— Пей.

Друг сделал несколько жадных глотков, закашлялся, пролив большую часть воды на землю. Я задумчиво встряхнул горлянку, допил оставшееся. Зажмурился, давая отдых глазам и дожидаясь, пока подействует живительная сила Долины Семи Чаш.

Через пару минут стало легче. Целебная вода не могла восстановить запас сосуда, но хотя бы перестала кружиться голова. Я медленно открыл глаза: фохат вокруг все так же медленно и неторопливо закручивался в спирали, уплывая. Хм, странно. Я повернул голову вбок, отмечая, что впереди фохат движется нам навстречу. Место, где два потока встречались, было совсем недалеко. Я изо всех сил напряг зрение, всматриваясь в светящееся уплотнение в глубине стены.

— Хуошан, — тихо, едва сдерживая возбуждение, позвал я.

— Живой я, — откликнулся он и заразительно зевнул. — Сейчас встану.

— Похоже, мы пришли.

— В смысле?

— Разуль глаза. Видишь пятно?

На несколько секунд повисла тишина. Наконец, прочистив горло, Хуошан произнес хриплым голосом:

— Даже лучше, чем твою физиономию. Это то, что я думаю?

— Сейчас проверим.

Если у сожравшей нас твари есть мозг, то он именно здесь. Вопрос лишь в том, хватит ли у нас сил до него добраться? Фохата в сосуде осталось на две-три печати.

— Бьем одновременно.

Я поднялся, затем подал руку другу.

— Что за телячьи нежности? — скривил рот Хуошан.

— Переживешь. Неизвестно, как отреагирует джучонг, а потому лучше держаться поближе друг к другу, — я вернул ему ухмылку и скомандовал: — Готов? Бей!

Эффект оказался даже сильнее, чем я рассчитывал: доставка «ужина» прямо в мозг пришла червю не по вкусу. Пещера содрогнулась. В лицо плюнуло концентрированным фохатом. Истощенное тонкое тело вмиг поглотило дармовую энергию. Нас швырнуло в одну стену, в другую. Сжало, грозя раздавить. Подбросило вперед, выталкивая во внезапно открывшуюся щель.

Не удержавшись на ногах, мы покатались по полу. Проход сзади схлопнулся. Земля мелко и глухо задрожала, отозвалась утробным гулом.

А затем все стихло.

Первое, что бросилось в глаза, — смена окружающего фона. Редкие частицы фохата двигались хаотично, напоминая снегопад. Я нашел взглядом Хуошана и с облегчением отметил, что прореха в районе его живота затянулась и энергетический контур снова обрел целостность.

Мелькнула мысль, что надо бы предупредить старейшин Лозы про джучонга. Кристалл уничтожен. Поле фохата рассеивается. Если червь проснется от многовекового сна и отправится на поиски пищи, деревня окажется в опасности.

Осталось придумать, как это сделать, не признаваясь, что мы с Хуошаном лазили в хранилище.

— Кажись, выпутались, — потирая ушибленный локоть, заявил Хуошан. — Не вырос еще тот червяк, который мог бы сожрать заклинателя Шипа!

— Не ты ли валялся на камнях, кряхтя как старая кошелка, несколько минут назад? Или ты макушкой ударился при падении и все забыл? — попробовал я охладить пыл друга, а то, похоже, чудесное спасение совсем вскружило ему голову.

— С моей башкой всё в порядке, старик, — заржал Хуошан и постучал себя по лбу. — Варит будь здоров! Пойдем лучше, поищем вход в хранилище. Надеюсь, подобной дряни нам больше не встретится.

— Я бы не был так уверен, — я оглянулся напоследок и зашагал вслед за Хуошаном, насвистывающим на радостях бойкий мотив.

Спустя тысячу двести шагов (теперь я считал их всё время) проход раздвоился. Я на мгновение замер, сверяясь с внутренним компасом, затем уверенно указал на левый коридор.

Незаметно земля под ногами сменилась каменными плитами, а на стенах стали попадаться осветительные шары. Фохат сгустился и начал мелко вибрировать: верный признак того, что рядом мощный артефакт или большое их скопление. Похоже, мы на верном пути.

Еще через пять тысяч и тринадцать шагов коридор привел нас в просторный зал.

Застывший воздух казался густым и тяжелым. Рассеянный свет шаров безнадежно проигрывал борьбу с мраком, и вдоль стен сгустились чернильные тени, пряча остатки древних фресок. Пол, выложенный массивными квадратными плитами, покрывал толстый слой пыли. Судя по нему, уже очень долгое время единственными «обитателями» этого места были красновато-коричневые терракотовые статуи, выстроившиеся почетным караулом от входа, через который мы проникли в зал, до противоположной стены.

Путь дальше преграждали украшенные затейливым орнаментом врата.

— Это точно черный вход? — усомнился мой друг. — Такое ощущение, что створки сейчас распахнутся и оттуда выйдет процессия во главе с Фухуа.

— Сплюнь.

Хуошан ослабился и (что за свин!) действительно харкнул на каменные плиты.

— Сейчас поглядим, что хранится в здешних закромах, — нетерпеливо сказал он.

Хуошан решительно шагнул к створкам. Я не торопился, вслушиваясь в окружающий фохат. Гул частиц усилился, и его источник явно находился за вратами. Которые еще предстояло как-то открыть.

Пока я размышлял, Хуошан уже ощупывал резные завитушки.

— Здесь нет ни ручек, ни замка, — недовольно буркнул он.

Я разглядывал статуи. Человеческие фигуры, облаченные в просторные ханьфу, застыли, непреклонно скрестив руки на груди. Создатель сумел передать в глине и легкость ткани, и несовершенство настоящей кожи. Не удержавшись, я провел пальцами по гладкой нижней части юбки. Коснулся ладони. Теплая? Будто совсем недавно достали из печи.

Кропотливая и гениальная работа, прекрасная... если бы не отсутствие лиц. Вместо них была абсолютно гладкая плоская поверхность, на которой даже не потрудились обозначить черты.

Я поежился от накотившего вдруг нехорошего предчувствия и заспешил к Хуошану.

Тот методично простукивал кулаком врата в попытке отыскать скрытые рычаги. Время от времени зачем-то прикладывал ухо, будто надеясь что-то услышать.

— Не отвечают? — поддел я друга.

— Молчат, гады, — мрачно подтвердил Хуошан и саданул ногой по воротам. — Открывайся, тупая железяка!

Низкий гул прокатился по залу, будто друг ударил в огромный гонг. Содрогнулись стены, на головы нам посыпалось каменное крошево.

— Плохая идея, — укоризненно сказал я, отряхивая пыль с одежды и волос.

— Придумай лучше, — огрызнулся Хуошан.

— Я-то думаю, а ты только и умеешь, что бузить...

— ...тупоголовый ты боров.

— Что ты сказал? — угрожающе переспросил Хуошан, поворачиваясь ко мне.

— Сказал, что ты тупоголовый боров, — насмешливо прозвучал за моей спиной подозрительно знакомый голос.

Я заметил, как округлились глаза Хуошана, и медленно повернулся.

Поначалу я решил, что зрение меня подводит. Рядом с одним из постаментов стоял заклинатель как две капли воды похожий на меня. Лицо, рост, перепачканное землей и мхом ханьфу, сумка на плече. Великий Дракон, да он даже пальцы разминал так же, как это делаю я перед использованием печатей! Двойник ухмыльнулся, и меня передернуло: неужели у меня такая же самодовольная рожа?

— Гляди, как эти олухи вылупились на тебя, Саньфэн, — ехидно сказал некто с лицом Хуошана, появляясь из-за статуи напротив.

Я оглянулся: друг по-прежнему стоял позади меня. К выпученным глазам добавился раскрытый рот.

Во имя Чжун Куя [повелителя демонов], что здесь происходит?!

— Еще бы, — отозвался мой двойник, — не каждый день встречаешь настоящих себя.

— Разрази меня гром! — выдал Хуошан, и я уловил растерянность в его голосе. — Вы кто такие?

— А сам как думаешь, увалень ты бездарный? — сверкнула глазами копия друга. — Впрочем, у тебя никогда не хватало мозгов. Дам подсказку: я — Хуошан.

— Это не подсказка, а твое имя, кретин, — попенял напарнику мой двойник, сухо представился: — Саньфэн.

— И что вы здесь делаете? — дурацкий вопрос сам слетел с моих губ.

— Выполняем поручение хозяина Дворца Старейшин, главы Фухуа.

— Стережем вход в хранилище от воров, вроде вас, — уточнил лже-Хуошан.

Стражи, значит? Я быстро оценил обстановку. Врата за спиной прикрывали тыл, но в то же время лишали свободы передвижения. Если противники прижмут нас к ним — придется туго. Да и в целом, хорошо бы сначала выяснить, что эти двое из себя представляют. А потому не стоит торопиться.

Испортил все Хуошан.

— Эй ты, урод, — он ткнул пальцем в свою копию, — Хуошан — это я и больше никто, понял?! А тебе я сейчас надеру зад, чтобы не смел воровать чужие лица.

Прежде чем я успел его остановить, задрожал воздух, и оцетинившаяся шипами травяная змея устремилась к лже-Хуошану.

Тот вмиг подобрался, сложил пальцы в фигуру, призывая терновые дебри.

Плотные колючие заросли встали на пути заклинания Хуошана. Зеленая змея врезалась в преграду, затрещали ветки. Казалось, она легко прогрызет себе путь сквозь хлипкий заслон, но не тут-то было: вместо сломанных терний тут же выросли новые. Змея сначала замедлилась, а затем и вовсе увязла в этой непролазной чащобе.

Хуошан прервал печать — и змея осыпалась трухой. Следом исчезла и терновая преграда, явив взору скалящуюся физиономию двойника моего друга.

— Это всё, на что ты способен? — разочарованно протянул лже-Хуошан. — Бездарь, который только и умеет, что жрать лапшу. Удивительно, как ты сумел дорасти до старшего ученика с такими убогими навыками.

Вместо ответа Хуошан яростно зарычал. Друг не собирался больше размениваться по мелочам и обрушился на голову неизвестного со всей мощью своей неукротимой природы.

— «Пасть зверя»!

Исполинская башка тигра нависла над противником Хуошана. Чудовище разинуло пасть, продемонстрировав внушительный ряд зубов — каждый размером с человека, и огласило пространство ревом. Задрожали плиты пола, затряслись стены. Я пошатнулся и невольно прикрылся рукой от порывов воздуха, волнами расходящихся от головы зверя.

Вот же ж! Быкоголовый совсем обезумел от ярости. Даже резервный сосуд впервые за полгода задействовал!

Кем бы ни был противник Хуошана, сомневаюсь, что он переживет эту атаку. «Пасть зверя» — конек моего друга. Учитель Лучань как-то обмолвился, что эта печать словно специально создана для Хуошана, и если он будет регулярно и усердно практиковаться — обретет оружие сокрушительной мощи.

Лже-Хуошан, казалось, ничуть не был впечатлен развернувшимся действием — так и стоял, скрестив руки на груди и ухмыляясь.

— Сдохни, урод! — взревел Хуошан.

Полые глазницы вспыхнули изумрудным светом, голова качнулась и обрушилась на двойника Хуошана. Ударная волна едва не сбила меня с ног — я вовремя присел и уперся ладонями в шероховатые плиты. Зал заполнили пыль и труха. Я закашлялся, слева рядом заперхал Хуошан.

— Ты что-то видишь? — поинтересовался друг после того, как стих грохот. — Я прикончил ублюдка?

— Ни зги, — откликнулся я, пытаюсь рукой разогнать завесу перед глазами. — Но шансов у него было немного.

Хуошан хрипло рассмеялся:

— Ты переоцениваешь этого ушлепка. Шансов у него не было. Никаких.

Я невольно усмехнулся. В этом весь Хуошан: дерзкий, напористый и непрошибаемо уверенный в себе.

— Как думаешь, кто они такие?

— А Дракон их разберет, — ответил Хуошан. — Точно не люди. Ты видел, откуда они появились? Еще и нами прикинулись, сволочи! Думали сбить нас с толку. Не на тех напали, пустоголовые!

Пыль постепенно оседала, проявились светильники, фигура Хуошана, чуть поодаль проступили постаменты со статуями, темный силуэт рядом с одним из них.

— Я уделал этого выскочку, — удовлетворенно заключил друг. — Зверь сожрал его с потрохами.

Когда пылевая завеса осела, перед нами остался лишь мой двойник. Судя по невозмутимости на лице, гибель напарника его ничуть не трогала.

Драться двое против одного — мало чести, но сейчас это волновало меня меньше всего. Мы не на тренировочной площадке и даже не на турнире.

Переглянувшись с Хуошаном, мы одновременно шагнули к оставшемуся противнику.

— Нападаете скопом, как крысы? — прозвучало слева. — Честно сразиться — кишка тонка, недоноски?

Лже-Хуошан как ни в чем не бывало стоял у одного из постаментов, вальяжно прислонившись к нему. Краем сознания я отметил, что статуя с него куда-то исчезла, но раздумывать над этим было некогда.

— Знаешь, я поменял о тебе мнение, — глядя на моего друга, задумчиво произнес его двойник. — Ты не убогий заклинатель, а всего-навсего чоу [шут], причем самый бездарный из всех, кого я видел.

— Как ты пережил «Пасть зверя»? — сдерживая ярость, процедил Хуошан.

— Подмена, — ответил за него я. — Похоже, этот ублюдок использовал подмену.

Мой двойник заплодировал.

— Поздравляю, ваши умственные способности поднялись на уровень моллюсков.

— Я сравняю их с землей! — сжав кулаки, прорычал Хуошан.

— Стой! — осадил я друга. — Тупым напором их не взять, ты слепой? Да и надолго тебя хватит после джучонга и «Пасти зверя»? Дай мне подумать, как их одолеть.

Хуошан тихо ругнулся, давая понять, где он видел мои советы, но остался на месте.

— Глупое решение, — отозвался мой двойник. — Тупицам вроде тебя, нас не одолеть. А подсказать, какое умное? Немедленно покинуть хранилище и покаяться перед главой Фухуа.

Друг в красках обрисовал, куда страж может отправиться со своим щедрым предложением. Просил же не провоцировать! Но скорее солнце взойдет на западе, чем мой друг научится держать себя в руках!

Лже-я шагнул в мою сторону. Судя по тому, как напряглось плечо Хуошана, его противник сделал то же.

— Задержи своего, — не оборачиваясь, проговорил я. — Уведи в другой конец зала, но не лезь на рожон.

— Ты тоже не подохни раньше времени, — подбодрил меня Хуошан.

Кинув в противника простенькой терновой сетью, друг метнулся в сторону:

— Эй, уродец, попробуй-ка догони!

Бросив быстрый взгляд, я с облегчением заметил, что лже-Хуошан направился за моим другом.

Я отвлекся всего на мгновение — и чуть не поплатился за это. Кожей ощутил возмущение фохата и рефлекторно выставил щит. Хруст, треск, меня толкнуло в грудь и отбросило на жэнь [два с половиной метра]. Я поймал себя лозяной сетью, так что приземление вышло сносным — по крайней мере, я не сломал спину, а царапины — ерунда. Щит сделал свое дело, но я не успел разглядеть печать, которой атаковал противник.

«Проверим, что у тебя в запасе», — я приготовил защитную печать.

Двойник тут же метнул в меня россыпью мелких острых колючек, от которых я закрылся терновым коконом. Колючки — заклинание начинающих, но мастера частенько используют его для отвлечения внимания, подспудно готовя основной удар.

Я угадал. Сразу за шквалом колючек лже-я активировал «Ловушку терний». Удачно выбрал момент, гаденыш. Терновый кокон рассеялся не сразу, и я с опозданием заметил, как с двух сторон вздыбились каменные плиты. Усеянные шипами, они грозили сделать из меня превосходную отбивную. Щит здесь не поможет — каменюки сметут его, не заметив. Подтолкнув себя печатью, я прыгнул, едва не пробив головой потолок. Плиты столкнулись подо мной с оглушительным грохотом. Еле успел.

Лже-я не собирался давать мне передышку: едва я приземлился, в мою сторону уже неслась волна шипов.

«Танец дикобраза».

Я бросился вправо, к оказавшейся ближе всего статуе. Дерьмовое укрытие, которое «дикобраз» с легкостью снесет, но все же лучше, чем никакого.

Иглы расступились, аккуратно обогнув препятствие с двух сторон, а затем вновь слились в единое существо.

Взгляд зацепился за опустевший постамент. А что если... Увернувшись от очередной атаки, я вскочил на него, и двойник резко остановил «дикобраза» в шаге от меня. Похоже, стражи не желают вредить статуям.

Но что дальше? Не можем же мы вечно играть в гляделки? «Дикобраз» слишком неповоротлив, но помимо него есть и другие печати, которыми вполне можно сбить меня с пьедестала. Надо что-то придумать, пока двойник не призвал еще какую-нибудь пакость.

Я метнул в противника рой шипов, но большая часть их застряла в шкуре «дикобраза». От первого копья двойник с легкостью увернулся. Следующее срикошетило от постаменты одной из статуй. Похоже, издалека мне его не достать: слишком тесно и много препятствий.

Я прыгнул, со всей мочи рванул вправо, огибая неповоротливого «дикобраза» по дуге, и понесся напрямик на противника. Пока мой двойник использует эту печать, он не сможет активировать другую. Поглядим, насколько у него хватит выдержки и готов ли он уничтожить себя, чтобы остановить нарушителя.

За спиной грохотало, но я запретил себе думать о преследующей меня печати. Только фигура впереди, только эта гадкая ухмылка, которую я с удовольствием сотру с его самоуверенной рожи.

Звуки внезапно исчезли, словно сверху обрушился купол тишины. Мир заполонил белесый туман, в котором вязли движения и мысли.

Порыв ярости схлынул, оставив после себя звенящую пустоту. Тело и разум разделились. Я будто наблюдал со стороны, как рвусь к противнику — вышколенный пес, которому дали команду: «Взять!».

Черты врага размылись, и он стал походить на соломенную куклу для тренировок или глиняную болванку. Мое обретшее самостоятельность тело врезалось в двойника, вонзая призыванные когти в его податливую плоть.

Полет. Удар. Грохот.

Вернувшиеся звуки больно ударили по ушам. Что-то твердое упиралось в щеку. Приподнявшись на руках, обнаружил, что это плечо поверженного двойника. Шипы насквозь пронзили его тело, но крови не было.

Лицо противника расплылось в блаженной улыбке, он закрыл глаза и что-то невнятно прошептал. Тут же тело стража рассыпалось на осколки, вспыхнуло ярким зеленым светом и исчезло.

Несколько секунд ошеломленно, не веря, что все закончилось, я лежал на полу. Громыхнувшая неподалеку печать заставила меня опомниться, что Хуошан до сих пор сражается. Я вскочил и бросился на звуки битвы.

Вокруг Быкоголового и его копии неистово бурлил фохат, а воздух свистел от боевых печатей. Дождь из колючек отскакивал от лозяного кокона, шипастые стрелы застревали в терновых чащобах. На каждую атаку приходилась контратака. Оба противника стояли друг друга. Вопрос лишь в том, кто скорее выдохнется...

Я с ужасом понял, что не могу отличить Хуошана от его двойника: оба не заморачивались уловками, били «в лоб», злились на неудачи, щедро осыпали противника проклятиями и пользовались печатями Шипа. Потоптавшись на месте несколько секунд, я не придумал ничего лучшего, как выкрикнуть:

— Хуошан, долго еще ты будешь возиться тут? Ночь не бесконечная.

Тот, что был справа от меня, отбив очередной выпад противника, зло бросил:

— Урод оказался сильнее, чем я думал. Дай мне еще пару минут.

Следом тут же отозвался левый:

— Не отвлекай, я почти добил засранца.

Похоже, план провалился. Каждый ответил именно так, как ответил бы Хуошан — без лишних церемоний и экивоков.

— Ну и кто из вас настоящий?

Чем-то же они должны отличаться?!

— Саньфэн, ты совсем рехнулся? — раздраженно бросил левый. — Как можно спутать меня с этим уродом?!

— Ты кого назвал уродом, лупоглазый?! — взъярился правый. — Я пробью твоей башкой эти ворота!

И снова мимо. Попробую зайти с другой стороны.

— Отвлеки его на себя, а я ударю со спины.

— Не влезай, — предупредил меня левый. — Он — мой.

— И заберешь себе всю славу? — прохрипел правый, швырнув в противника шипастым копьем. — Еще чего! Я почти добил это жалкого подражателя.

Стражи и впрямь стали нашей точной копией: переняли не только внешность, но и личность со свойственными ей реакциями и привычками. Великий Дракон, что же делать? От одной мысли, что страж покончит с другом, а я не смогу ничем помочь, бросило в пот. Надо найти способ, как отличить настоящего Быкоголового от его двойника. Он есть, он точно есть! Думай, Саньфэн, думай!

Хуошаны продолжали обмениваться ударами. Дрожал пол, сыпалась каменная крошка с потолка, гудел взбудораженный фохат. Оба словно знали, что предпримет противник, и с легкостью парировали выпады, в свою очередь атакуя столь же предсказуемо. Замкнутый круг.

И тут меня словно осенило. Я вспомнил поединок со своим двойником и странное решение атаковать в лоб. Не свойственное мне решение. Которое принесло победу.

— Хуошан! — заорал я, пытаясь перекрыть шум битвы. — Помнишь, как ты одолел Куана в испытаниях на старших учеников? Действуй так же!

Быкоголовый из тех людей, кому лучше привести наглядный пример, чем объяснять, чего ты от него хочешь. А ту победу Хуошан запомнил очень хорошо, в том числе благодаря тому, что действовал непривычным для себя образом. На людях он, конечно, бахвалился и притворялся, что так всё и было задумано. Но я-то знал, как гордился он, что в кои-то веки самостоятельно сочинил план, который оказался сложнее его обычного «ломись напролом и будь, что будет» и который при этом сработал.

Тогда Быкоголовый смог побороть в себе тупого барана. Надеюсь, сможет и сейчас.

Увлеченные поединком, Хуошаны проигнорировали мою подсказку. Я уже начал сомневаться, что они вовсе услышали меня, когда один из них вместо очередной атаки развернулся и бросился наутек.

А вот, похоже, и настоящий Хуошан! Сроду не видел, чтобы он показывал противнику спину.

— Врешь! Не уйдешь! — выкрикнул оставшийся и активировал «Шквал смерти».

Огромная терновая воронка, завывая, устремила след беглецу. На ходу печать начала расширяться, пока не превратилась в бешено вращающийся смерч. Его края изогнулись, огибая Хуошана, сомкнулись перед ним, отрезая путь.

— Не-е-ет! — заорал я.

Шипастый смерч накрыл моего друга, подмял и начал рвать на куски. Крики потонули в реве разбушевавшейся стихии.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.